

СИМБИРСКЪ

№3 (57)
МАРТ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Вступление

Литературное наследие

Сергей Петров. Симбиряне, знавшие М.Ю. Лермонтова	4-8
Софья Узбекова. Денис Давыдов: «Где нахожу таких оригиналов...»	9-10
К 215-летию Н.М. Языкова Дарья Козловская. Языков вдохновенный	11-12
Татьяна Седова. Непритворными струнами вас приветствует поэт	13
Лилит Козлова. Незримые касанья	14-18
Елена Токарчук. Стихи, посвященные Лилит Козловой	19

Книжная полка

Алексей Чертков. Благовестие апостола Иннокентия. (Отрывок из книги)	20-26
---	-------

Дорога к храму

Надежда Разумовская. Отец Акакий. (Паломничество по святым местам Грузии)	27-34
Надежда Разумовская. Стихи	35

С любовью ко всему родному

Валентина Костягина. Живу и дышу родным городом	36-44
Луиза Баюра. «Красное и синее» Валентина Бобылькова	45-52
Валентина Уколова. Времен связующая нить. (О презентации книги Ильи Таранова)	53

Гость

Людмила Свирская (Чехия). Уроки русского. Стихи	54-57
---	-------

Память сердца

Ольга Даранова. Памяти Андрея Балдина	58-59
К 100-летию философа Г.С. Померанца Зинаида Миркина. Жизнь под взглядом	60-64
Григорий Померанц. Наше спасение – в глубине. Цитаты из книг	65

Житейские истории

Андрей Тимофеев. В теплых лучах. Рассказ	66-69
Нина Маркграф-Орлова. Клятва Гиппократата. Рассказ	70-74
Александр Филатов. Нерожденный портрет. Рассказ	75-76

Страна поэзия

Евгения Изварина. Останься в будущем. Стихи	77-78
Александра Белова. В японском стиле. Хокку	79-80
Александр Тимаков. Вдохновеньем окрыленный. Стихи	81-82
Юрий Луговцев. На верхнем этаже. Стихи	83-84

Глубинка

Ольга Алексеева (Вешкайма). Молюсь о России. Стихи	85-86
За запахнутым окном	86

Всё живое

Ольга Даранова. Вдыхая весну. Эссе	87-88
Юбилейный календарь	89-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирск», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516
– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;
пр-т. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).
(цена на 6 мес. – 348,00 руб.)

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 884 (235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье» (тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирск» можно приобрести

в киосках «Симбирская печать»
и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться
по телефону **41-04-32**

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность представленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)

E-mail: karamz_sad@mail.ru

Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 22.03.2018 г.
Дата выхода 30.03.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ №59.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сити Принт», 610040, г. Киров,
ул. Мостовая 32/16, т. (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №3 (57), 2018

Издание зарегистрировано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова, Ксения Нечаева.

На обложке: Дмитрий Архангельский. «Церковь Спаса
Нерукотворного женского Спасского монастыря». 1922
На обороте обложки: Валентин Бобыльков. «Троица».

ЖИВУ И ДЫШУ РОДНЫМ ГОРОДОМ

Новый номер журнала открывается разделом «Литературное наследие». В марте отмечается 215 лет со дня рождения русского поэта, симбирянина, друга А.С. Пушкина Николая Михайловича Языкова. Этой дате посвящена публикация Дарьи Козловской «Языков вдохновенный». Тема «Лермонтов и симбиряне» раскрывается в статье краеведа Сергея Петрова.

Софья Узбекова рассказывает на страницах журнала об исследовательской работе сотрудников верхнемазинского музея-заповедника «Усадьба Д.В. Давыдова».

К юбилею профессора, цветаеда, председателя Ульяновского отделения Российского союза профессиональных литераторов Лилит Козловой публикуем статью «Незримые касанья» и стихотворные посвящения Елены Токарчук, адресованные старшему другу.

В разделе «Книжная полка» представляем книгу Александра Черткова «Благовестие апостола Иннокентия». Это пьеса в стихах, посвященная митрополиту Иннокентию Московскому, просветителю Америки и Сибири. Для читателей «Симбирска» особый интерес представляют страницы, посвященные встрече И.А. Гончарова с митрополитом Иннокентием в Якутске.

В рубрике «Дорога к храму» Надежда Разумовская рассказывает о паломнических поездках в Грузию, о своем духовном опыте, о незабываемых встречах в Закавказье.

Валентина Костягина продолжает знакомить наших читателей с обширным творческим наследием художника Дмитрия Ивановича Архангельского, на этот раз представлена тема «Живу и дышу родным городом».

Искусствовед Луиза Баюра в статье «Красное и синее» Валентина Бобылькова рассказывает о творчестве современного ульяновского живописца, который не устает удивлять зрителя.

В Аксаковской библиотеке состоялась презентация новой книги Ильи Таранова «Как Стенька Разин по Волге ходил». Творческие встречи писателя состоялись также с юными слушателями села Языково, с читателями городской библиотеки №27 им. С. Михалкова. Автор представил книгу в музее градостроительства и архитектуры, в выставочном зале «На Московской». 1000 экземпляров книги И.А. Таранов передал в

дар Дворцу книги для библиотек области и около ста книг подарил другим библиотекам и музеям города.

В рубрике «Гость» представляем поэтическую подборку Людмилы Свирской (Чехия, Прага).

Публикация Ольги Дарановой посвящена памяти писателя Андрея Балдина.

К 100-летию известного философа, культуролога Григория Померанца (1918 – 2013) мы публикуем очерк Зинаиды Миркиной «Жизнь под взглядом». «Среди всех дел он находил время и место для паузы созерцания, по существу, для тихой и целомудренной молитвы – жизни под взглядом Бога». Григорий Померанц был одним из последних настоящих мудрецов по обширности энциклопедических знаний и по духовному опыту. Верно сказано: «Григорий Померанц как личность был и остается, пока мы будем помнить о нем намного больше всего им написанного».

В рубрике «Житейские истории» читайте рассказ Андрея Тимофеева (Москва) «В теплых лучах».

Андрей Тимофеев – лауреат Гончаровской премии в номинации «Ученики Гончарова», руководитель Всероссийского союза молодых литераторов. В продолжение рубрики – рассказ московского писателя Нины Маркграф-Орловой «Клятва Гиппократа».

В поэтическом разделе публикуем стихи Евгении Извариной, Александры Беловой, Александра Тимкова, Юрия Луговцева.

Продолжаем представлять авторов из глубинки, творчество участников районных литературных объединений Ульяновской области. В этом номере читайте стихи Ольги Алексеевой (Вешкайма).

Завершает номер традиционная рубрика «Юбилейный календарь».

В эссе «Вдыхая весну» Ольга Даранова пишет: «Я часто думаю, как передать незабываемое ощущение ранней весны, передать то волнение, которое вызывает первый глоток весеннего воздуха при выходе из дома рано утром? Пахнет пряным, древесным, теплой землей, прошлогодней, освободившейся от снега травой, дымком и еще чем-то давним, щемяще родным, из детства». Своя мартовские снегопады все настойчивее звучит в душе весенняя мелодия. «И сердце на весну летит, как к свету свет!»

Елена КУВШИННИКОВА

Сергей ПЕТРОВ, краевед, кандидат философских наук, доцент УлГУ

СИМБИРЯНЕ, ЗНАВШИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

М.Ю. Лермонтов

Среди тех, кто лично знал великого поэта в разные периоды его жизни, было немало людей, связанных с Симбирским краем своим происхождением, службой, длительным пребыванием, землевладением и другой собственностью.

Это, прежде всего, родственники и свойственники М.Ю. Лермонтова (по убывающей близости родственных отношений) – Стольпины, Мещериновы, Философовы и Карамзины.

Сохранились документы середины XVIII века, подтверждающие наличие имений Стольпиных в Симбирском Поволжье. Есть основания предположить, что представители рода появились здесь уже в конце XVII века. В 1693 г. братья Семен и Василий, дети Селиверста Стольпина, получили, вероятно, по наследству, имение с наделом в 70 четвертей земли за рекою Сурою на речках Маис и Ночка, впадающих в реку Инзу [1]. Количество владений Стольпиных в Пензенской, Симбирской, Саратовской и других губерниях России впоследствии значительно умножилось. В Симбирской губернии имел обширные владе-

ния Алексей Емельянович Столыпин (1744 – 1817 гг.), прадед П.А. Столыпина и М.Ю. Лермонтова. Владения здесь он получил в возрасте 13 лет по наследству от отца капитана Емельяна Семеновича Столыпина, скончавшегося в 1757 г. В то время отрок Алексей учился в гимназии при Московском университете. В 1761 г. юноша подписался так: «армии поручик и Его Императорского Величества лейб-компания гранадер Алексей Емельянов сын Столыпин» [2].

В том же году лейб-компания была распущена, и он вышел в отставку. А.М. Тургенев так описал молодого Столыпина: «С молодых дней бывал забиякой, собутыльником Алексею Орлову...» [3]. Дружбу с братьями Орловыми, фаворитами императрицы Екатерины II, Алексей Столыпин поддерживал долгие годы. Другом Орловых был симбирянин Афанасий Степанович Мещеринов. Он помогал им выбирать наиболее ценные наделы на территории Симбирского Поволжья, из которых сложилось огромное имение Усолье. По просьбе Владимира Григорьевича Орлова, директора Петербургской академии наук, в 1769 г. Мещеринов сопровождал ученых-академика Палласа, Лепехина и Фалька в их экспедиции по Симбирскому краю. До 1770 г. Алексей Столыпин был не женат, а у Мещеринова расцветала дочь на выданье. Молодых познакомили...

В счастливом браке Алексея Емельяновича и Марии Афанасьевны Столыпиных родились многочисленные дети: Елизавета (1773 – 1845), поручица, в замужестве Арсеньева; Александр (1774 – 1846), адъютант А.В. Суворова, общественный деятель; Екатерина (1775 – 1830), в замужестве Хастатова; Александра (1777 – 1842), в замужестве Евреинова, вице-губернаторша; Аркадий (1778 – 1825) – сенатор; Петр (1780 – 1797); Николай (1781 – 1830) – генерал-лейтенант; Татьяна (1782 – ?); Дмитрий (1785 – 1826) – генерал-майор; Наталья (1786 – 1851), вышедшая замуж за своего четвероюродного брата Григория Даниловича Столыпина, кригс-цалмейстера, соединив ветви рода; Афанасий (1788 – 1866 гг.), штабс-капитан, участник Бородинского сражения [4]. Все названные Столыпины имели отношение к Симбирскому Поволжью. «У Алексея Емельяновича, – писала исследователь Т.Н. Кольян, – были наследственные вотчины в Симбирском крае. Возможно, старшие дети А.Е. и М.А. Столыпиных (в том числе Елизавета Алексеевна, бабушка М.Ю. Лермонтова) родились именно там» [5]. Сохранилось свидетельство, согласно которому граф Иван Григорьевич Орлов, постоянно проживавший в селе Головкине Воскре-

Афанасий Алексеевич Столыпин, брат бабушки

Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго)

Е.А. Столыпина (Арсеньева), бабушка М.Ю. Лермонтова

сенском Утехи Тож на левом берегу Волги недалеко от Симбирска, стал в 1775 г. крестным отцом дочери Столыпиных Екатерины [6]. В Симбирске в собственном доме на Покровской улице скончался Александр Алексеевич Столыпин. Это домовладение (по документам) было приобретено в 1822 г. Екатериной Александровной, урожденной Потуловой (1787 – 29.03.1867), у дворян Киндяковых. В 1867 г. оно перешло по наследству к ее дочери Марии Александровне Столыпина (1805 – 24.09.1879), а затем к сыну ее сестры Варвары Александровны, урожденной Столыпина, штаб-ротмистру Алексею Петровичу Каханову. А.А. Столыпин, его жена и дочь Мария, неоднократно встречавшиеся с М.Ю. Лермонтовым, были погребены на кладбище симбирского мужского Покровского монастыря.

Со второй половины XVIII века А.Е. Столыпину (1744 – 1817) принадлежала деревня (затем село) Линевка недалеко от Симбирска, где долго сохранялись сукодная фабрика, большой барский дом и красивый парк. Это владение перешло по наследству к его сыну Александру, а затем к его внучке Варваре Александровне – жене Петра Аполлоновича Каханова. Наследники А.А. Столыпина в Линевке имели 118 душ крепостных крестьян. В других местах Симбирского уезда: селе Загудаевке – 236 душ, деревне Крестниковой – 66 душ. Причём деревня (затем село) Крестниково досталось жене А.Е. Столыпина от отца А.С. Мещеринова. Затем его получила Агафья Александровна Столыпина, в замужестве Дохтурова. Следующим владельцем Крестникова стал ее сын, генерал-майор Дмитрий Петрович Дохтуров, продавший имение при селе другому внуку А.А. Столыпина – гвардии-ротмистру Алексею Петровичу Каханову.

В 1840 г. близкий М.Ю. Лермонтову Афанасий Алексеевич Столыпин приобрел в Симбирском уезде село Русская Беденьга и построил там деревянную церковь. Через 10 лет он подарил имение своей дочери, Марии Афанасьевне Щербатовой, владевшей землями при селе до кончины в 1901 г. В Симбирском уезде Столыпинам принадлежало также село Городищи. Все перечисленные населенные пункты входят в Ульяновский район Ульяновской области. В Сенгилеевском уезде им принадлежало село Чертановка (ныне Кузоватовского р-на) и село Загоскино (ныне Майнского р-на); в Буинском уезде – деревня Богдановка (ныне в Сурском р-не), прежде родовое имение Мещериновых; в Карсунском уезде – село Пятино, деревня Кенчурка, село Междуречье (ныне Инзенского р-на), село Базарный Сызган (ныне Базарносызган-

ского р-на); в Сызранском уезде – села Жемковка, Трубетчина, Куроедово и Новая Лава. Причем с. Трубетчиной владела затем А.А. Евреинова. При селе Новая Лава (ныне Новоспасского р-на) Столыпины имели около 10 тысяч десятин земли. По наследству от Афанасия Алексеевича Столыпина они перешли к его дочери, княгине М.А. Щербатовой, а затем к ее дочери, жене камер-юнкера Марии Владимировне Катковой [7]. Волею обстоятельств она стала одновременно владелицей имения Е.А. Арсеньевой Тарханы [8].

Из всех перечисленных наиболее заметный след в истории Симбирска оставил Александр Алексеевич Столыпин (1774 – 1846). Участник Отечественной войны 1812 г., выйдя в отставку в звании гвардии акунд-майора и получив чин коллежского ассессора, он активно включился в общественную жизнь губернского центра. В его доме на Покровской улице устраивались балы, званые обеды и вечера. В них принимали участие известные люди, в их числе поэт пушкинской плеяды – Н.М. Языков (1803 – 1846). Зимой 1830 г. Николай Языков сообщал из Симбирска в Уфу брату Александру Михайловичу: «Я все по балам да вечерам – был на бале у Татаринова, у Столыпиных, зван и не поеду к Кондакову – развиваюсь, в некотором смысле» [9]. А.А. Столыпин одним из первых пожертвовал деньги на сооружение памятника Н.М. Карамзину в Симбирске. Несколько лет родной брат бабушки М.Ю. Лермонтова был почетным попечителем Симбирской мужской гимназии. В связи с этим в 1836 г. он встречался с великим математиком Н.И. Лобачевским, инспектировавшим гимназию. В 1819 г. Столыпина в Симбирске посетил М.М. Сперанский [10]. А.А. Столыпин был членом масонских лож [11]. Незадолго до кончины он написал воспоминания о А.В. Суворове [12].

Родным братом прабабушки М.Ю. Лермонтова Марии Афанасьевны был Петр Афанасьевич Мещеринов, штаб-ротмистр, затем подполковник лейб-гвардии Кирасирского полка. Их отец Афанасий Степанович Мещеринов был в 1784 – 1786 гг. предводителем всего симбирского дворянства, а Петр Афанасьевич в 1824 г. избирался предводителем дворян Симбирского уезда [13]. В 1827 г. Е.А. Арсеньева с внуком Михаилом переехала в Москву и первое время жила с семьей П.А. Мещеринова, своего родного дяди, одним домом. Лермонтов подружился с сыновьями Мещериновых-Афанасием, Владимиром и Петром и позднее учился с ними в пансионе, причем с Владимиром в одном классе [14].

Ценителем творчества Лермонтова, неоднократно хлопотавшим за поэта, стремясь облегчить его участь, был его двоюродный дядя Алексей Илларионович Философов (1799/1800 – 1874), женатый на Анне Григорьевне Столыпиной (1815 – 1892), дочери Григория Даниловича и Натальи Алексеевны Столыпиных. Философовы – старинные симбирские помещики.

Никита Никитич Философов был мужем родной сестры историка Н.М. Карамзина Марфы Михайловны. В 1808 – 1811 гг. и в 1815 – 1816 гг. Н.Н. Философов исполнял обязанности предводителя дворян Карсунского уезда Симбирской губернии. Его имения располагались при селе Малое Шуватово и деревне Аникеевка Карсунского уезда [15]. Его племянники, дети брата Иллариона Никитича Философова, ста-

ли генералами. А.И. Философов был родным братом Николая Илларионовича Философова, женатого на симбирской дворянке Варваре Ивановне Кротковой. Этой ветви Философовских от Кротковых перешло имение при селе Кезмино Симбирского уезда [16].

А.И. Философов в 1828 г. стал адъютантом великого князя Михаила Павловича, в 1838 г. – воспитателем детей императора Николая I [17].

Одним из важных центров культуры на протяжении четверти века (1826 – 1851) был петербургский литературно-общественный салон Карамзиных – ближайших родственников симбирянина Н.М. Карамзина (1766 – 1826).

У Карамзиных собирались А.С. Пушкин, М.И. Глинка, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, К.П. Брюллов, А.С. Даргомыжский, А.И. Тургенев. Главную роль в семье играла вдова историографа Екатерина Андреевна Карамзина (1780 – 1851), затем дочь Н.М. Карамзина от первого брака Софья Николаевна Карамзина (1802 – 1856), ставшая другом М.Ю. Лермонтова. Ее внимание первоначально поэт привлек стихотворением «Смерть поэта». В 1838 – 1841 гг. Лермонтов часто бывал у Карамзиных, читал в их доме свои произведения, стал для них своим человеком [18]. Сохраняя родовые и дружеские связи с Симбирским краем и симбирянами, Карамзины бывали на родине отца.

В 1845 году Андрей и Александр Карамзины приезжали в Симбирск на открытие памятника Н.М. Карамзину [19].

Младший сын историографа Владимир 7 марта 1839 г. передал в цензуру рукопись «Демона» Лермонтова и получил ее после цензурирования [20]. По завещанию В.Н. Карамзина Симбирск получил на благотворительные цели большую сумму денег [21].

В салоне Карамзиных в 1839 г. произошло сближение М.Ю. Лермонтова и писателя, графа, симбирского помещика Александровича Соллогуба (1813 – 1892), встречались они также у В.Ф. Одоевского, Виельгорских и в доме Соллогубов. В марте 1840 г. граф посетил Лермонтова, арестованного за дуэль, на Арсенальной гауптвахте. В последний приезд в Петербург поэт передал жене Соллогуба Софье Михайловне, урожденной княжне Виельгорской (1820 – 1878), стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю». После гибели поэта В.А. Соллогуб продолжал собирать его стихи [22]. В 1849 – 1850 гг. граф с женой проживал в своем имении у села Никольское под Симбирском [23].

Высоко ценил творчество М.Ю. Лермонтова и с уважением относился к поэту уроженец Симбирска Александр Иванович Тургенев (1784 – 1845), общественный деятель, литератор, археограф. Для поэта Тургенев представлял большой интерес как друг А.С. Пушкина [24].

В.А. Соллогуб

Одним из первых он стал обладателем списка стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» и активно распространял его. В своем дневнике 2 февраля 1837 г., через четыре дня после смерти А.С. Пушкина, Тургенев записал: «Стихи Лермонтова прекрасные» [25].

После похорон А.С. Пушкина 6 февраля 1837 г. за завтраком у П.А. Осиповой Тургенев обещал ей прислать список самого знаменитого стихотворения Лермонтова [26]. В 1839 г. произошло их знакомство и сближение. Часто Тургенев и Лермонтов виделись у Карамзиных. Вместе с Тургеневым 16 ноября 1839 г. поэт приезжал на бал к К.Г. Гогенлоэ (1788 – 1859), жена которого, Екатерина Ивановна, урожденная Голубцова, была двоюродной сестрой Н.П. Огарева [27].

Тургенев и Лермонтов 9 мая 1840 г. были на первом именинном обеде Н.В. Гоголя в саду Погодина на Девичьем Поле. Был там и симбирянин литератор М.А. Дмитриев. По воспоминаниям С.Т. Аксакова, симбирского помещика, М.Ю. Лермонтов читал присутствующим наизусть отрывок из своей поэмы «Мцыри». Вечером на обед в числе других дам приехала уроженка Симбирска, родная сестра поэта Н.М. Языкова, Екатерина Михайловна Языкова (1817 – 1852), жена философа А.С. Хомякова [28].

До 22 мая 1840-го Тургенев и Лермонтов часто встречались также у Свербеевых и Мартыновых.

Узнав о гибели поэта, в августе 1841 г. Тургенев написал А.Я. Булгакову: «Я оплакиваю и талант и преступление» [29].

У литературоведов давно сложилось мнение о том, что у М.Ю. Лермонтова и симбирянина Дмитрия Петровича Ознобишина (1804 – 1877), поэта, переводчика-полиглота, одна поэтическая школа. Оба входили в круг учеников С.Е. Раича, принятого на работу в благородный пансион при Московском университете 1 января 1827 г. [30], куда Лермонтов поступил учиться 1 сентября 1828 г. В своих воспоминаниях С.Е. Раич писал: «В последние годы существования Благородного пансиона под моим руководством вступили на литературное поприще некоторые из юношей, как то: г. Лермонтов, Стромиллов, Колачевский, Якубович, В.М. Строев» [31].

Д.П. Ознобишин и М.Ю. Лермонтов публиковали свои произведения в одних изданиях, а в Пятигорске в разное время останавливались в одном доме [32].

Благородную роль в издании и распространении произведений Лермонтова сыграл уроженец Симбирска писатель Иван Александрович Гончаров (1812 – 1891).

Он был в молодости студентом Московского университета, где в 1831г. неоднократно видел поэта, но не был лично ему представлен. В 1887 г. в своих «Воспоминаниях» И.А. Гончаров так описал внешность Лермонтова-студента: «Нас, первогодичных, было, помнится, человек сорок. Между прочими тут был и

Лермонтов, впоследствии знаменитый поэт, всегда смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулежа, опершись на локоть. Он недолго пробыл в университете. С первого курса он вышел и уехал в Петербург. Я не успел познакомиться с ним» [33].

И.А. Гончаров, будучи цензором санкт-петербургского цензурного комитета, способствовал печатанию текстов поэта в максимально возможном тогда объеме. В марте 1859 г. он дал отзыв о подготовленном к печати новом издании сочинений М.Ю. Лермонтова, в котором предложил восстановить ранее исключенные места в поэмах «Боярин Орша», «Демон» и впервые напечатать поэму «Ангел смерти». Тогда же Гончаров одобрил к печати стихотворение «Журналист, читатель и писатель» и поэму «Сказка для детей» [34].

В ноябре 1859 г. он подал доклад цензурному комитету о включении в «Полное собрание сочинений» М.Ю. Лермонтова стихотворения «На смерть поэта» со вставкою стиха «А вы, надменные потомки» до стиха «Поэта праведную кровь», за исключением стиха «Вы, жадною толпой стоящие у

трона» [35].

Высокая оценка творчеству Лермонтова дана Гончаровым в критических заметках и письмах [36].

Товарищем М.Ю. Лермонтова по петербургской Школе юнкеров и службе в лейб-гвардейском Гусарском полку был князь Николай Петрович Вяземский (1814 – 1872). Родился он в Москве, скончался в Симбирске.

У Вяземского, а затем у его родственников хранился подлинный экземпляр журнала «Школьная заря», юношеские карикатуры Лермонтова, а также его акварели. Н.С. Вяземский был потомком государственного деятеля и историка В.Н. Татищева и получил по наследству родовое имение Татищевых-Вяземских близ села Тетюшское Симбирского уезда Симбирской губернии [37].

Одновременно с Вяземским в Симбирской губернии проживал товарищ Лермонтова Николай Иванович Поливанов (1814 – 1874), с которым он подружился еще в бытность студентом Московского уни-

верситета. Поэт посвятил Н.И. Поливанову несколько стихотворений. Лермонтоведам известна статья В.Н. Поливанова, сына Н.И. Поливанова, написанная по воспоминаниям отца [38].

В числе преподавателей Школы юнкеров в бытность в ней Лермонтова был преподаватель кавалерийского устава штаб-ротмистр, впоследствии полковник Владимир Иванович Кнорринг. В тетради лермонтовских рисунков (1832 – 1834), хранящихся в ИРЛИ, есть его изображение [39].

Кнорринги владели имением в Симбирском Заволжье у села Елшанка, включенном в 1851 г. в состав

И.А. Гончаров в молодости.
Портрет кисти К.А. Горбунова

Д.П. Ознобишин

вновь образованной Самарской губернии [40].

Знаком был с поэтом симбирянин по происхождению князь Петр Александрович Урусов (1810 – 1890), поручик лейб-гвардии Драгунского полка, прикомандированный к отряду А.В. Галафеева. В альбоме Урусова находятся два рисунка Лермонтова и рисунок, изображающий поэта в группе офицеров на Кавказе в 1840 г. [41].

Убивший М.Ю. Лермонтова на дуэли Мартыш (Николай Соломонович Мартынов) был собственником земельных наделов в Алатырском уезде Симбирской губернии. Ему при селе Елховка принадлежали 275 десятин земли «первого разряда». На 1894 г. наделами владели дети Мартынова: полковник

Н.С. Мартынов

Дмитрий, поручик Владимир, коллежский асессор Анатолий, корнет Виктор, дочери Эмилия, Ольга, София и Марья. Рядом размещалось землевладение в 15 десятин Бориса Николаевича Мартынова [42]. В настоящее время село Елховка находится в Сурском районе Ульяновской области [43].

В ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН продолжается работа над изданием архивов братьев Тургеневых и братьев Языковых. Не изданы многие документы других симбирян, сохраняемые в Государственном историческом музее в Москве, в архивах и библиотеках России, за рубежом. Нет сомнения, что со временем станут достоянием исследователей новые факты о связях М.Ю. Лермонтова с Симбирском и симбирянами.

Примечания

1. Кольян Т. Н. Столыпины по документам Государственного архива Пензенской области // Тарханский вестник. – Вып. 21. М., 2008. С. 94.
2. Кольян Т. Н. Прадед М. Ю. Лермонтова Алексей Емельянович Столыпин // Тарханский вестник. – Вып. 20. М., 2007. С. 76.
3. Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. – 1885. № 11. С. 276.
4. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 550-553.
5. Кольян Т. Н. Прадед М. Ю. Лермонтова Алексей Емельянович Столыпин // Тарханский вестник. – Вып. 20. М., 2007. С. 77.
6. Кольян Т. Н. Прадед М. Ю. Лермонтова Алексей Емельянович Столыпин // Тарханский вестник. – Вып. 20. М., 2007. С. 77.
7. Картотека сотрудника Ульяновского областного краеведческого музея А. С. Сытина, составленная по фондам Госархива Ульяновской области.
8. Кольян Т. Н. Столыпины по документам Государственного архива Пензенской области // Тарханский вестник. – Вып. 21. М., 2008. С. 68.
9. Языков Н. М. Письма к родным (публ. А. А. Карпова) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома, 1976. Л., 1978. С. 153; Петров С. Б. Н. М. Языков в истории отечественной музыки // По царству и поэт. Ульяновск, 2003. С. 162-166.
10. Минаева Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009. С. 84.
11. Беспалова Е. К. Архив симбирской масонской ложи Ключ к Добродетели в фондах Государственного архива Российской Федерации // Пятые Сытинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Ульяновск, 2010. С. 362.
12. Тарханский вестник. – Вып. 21. М., 2008. С. 163-178.
13. Верещагина Т. Ф. Коллекция Юрловых-Мещериновых (к истории Ульяновского Художественного музея) // Симбирский вестник. Вып. 2. Ульяновск, 1994. С. 93-94; Трофимов Ж. А. Симбирск литературный. Ульяновск, 1999. С. 86-87.
14. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 279.
15. Ульяновская – Симбирская энциклопедия. – Т. 2. Ульяновск, 2004. С. 392.
16. Дело гвардии поручика Н. Н. Философова // Госархив Ульяновской области. – Ф. 45, оп.1, е. х. 209.
17. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 596.
18. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 217-218.
19. Мартынов П. Л. Симбирск. Сборник исторических сведений. Ульяновск, 2008. С. 100.
18. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 218.
21. Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Т. 1. Ульяновск, 2000. С. 237, 257-261.
22. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 519.
23. Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Т. 2. Ульяновск, 2004. С. 261.
24. Сукайло В. А., Беспалова Е. К. Симбиряне в жизни и творчестве А. С. Пушкина. Ульяновск, 2001.
25. Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М., 1960. С. 70.
26. Мануйлов В. А. Там же. С. 71-72.
27. Мануйлов В. А. Там же. С. 109.
28. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 38.
29. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 583.
30. Коровин В. И. М. Ю. Лермонтов и Д. П. Ознобишин // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М., 2005. Т. 64, № 5. С. 28-37.
31. Раич С. Е. Автобиография // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 32-33.
32. Коваленко А., Боглачев С. Дом двух поэтов // Мономах. – 2006. – № 2. С. 16-17.
33. Гончаров И. А. Собрание сочинений в 8-ми томах. – Т. 7. М.: Худож. литература, 1980. С. 236.
34. Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М. – Л., 1960. С. 92.
35. Алексеев А. Д. Там же. С. 92, 102, 107, 284.
36. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 116-117.
37. Трофимов Ж. А. Симбирск литературный. Ульяновск, 1999. С. 109-115.
38. Петров С. Б. М. Ю. Лермонтов и семья Поливановых // Тарханский вестник. – вып. 22. М., 2009. С. 159-164.
39. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 224.
40. Борисова С. В. Н. Н. Кнорринг – историк, педагог, музыковед // Классическое гуманитарное образование: история и перспектива. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию юбилею Симбирской классической гимназии. Ульяновск, 2010. С. 146-154.
41. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 591. Трофимов Ж. А. Симбирск литературный. Ульяновск, 1999. С. 119.
42. Сивопляс И. Э. «Наш друг Мартыш не Соломон, но Соломонов сын...» // Симбирский курьер. – 1999. 2 февр. С. 6.
43. Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Т. 1. Ульяновск, 2000. С. 190.

Софья УЗБЕКОВА, зав. филиалом Ульяновского областного краеведческого музея «Музей-заповедник Усадьба Д.В.Давыдова», заслуженный учитель РФ.

ДЕНИС ДАВЫДОВ: «ГДЕ НАХОЖУ ТАКИХ ОРИГИНАЛОВ...»

В настоящее время одним из направлений научно-исследовательской работы сотрудников верхнемазинского филиала Ульяновского областного краеведческого музея является создание каталога рукописного наследия героя-поэта и военного писателя – с указанием местонахождения автографов – Дениса Васильевича Давыдова: творческих рукописей, дарственных надписей, писем, также фактов их первого издания в печати. При этом особый интерес вызывают письма, написанные им в период жизни в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. Отдельные из них после смерти Д.В. Давыдова были собраны адресатами, друзьями, потомками, опубликованы в журналах «Русская старина», «Русский архив» и других изданиях, затем в составе редакционных архивов попали в различные государственные архивы. Вследствие неоднократной реорганизации архивной системы место хранения многих подлинников до настоящего времени остается неизвестным широкому кругу исследователей и поклонников талантов поэта-партизана. Исследовательская работа сотрудников недавно созданного филиала Музея-заповедника «Усадьба Д.В. Давыдова» дает возможность выявлять разбросанное рукописное наследие Д.В. Давыдова и определенным образом систематизировать его.

Примечательно, что среди рукописей есть несколько писем, дающих представление о круге и характере общения Д.В. Давыдова с ближайшими соседями по верхнемазинскому имению. Как относился Денис Давыдов к своим соседям, как и где происходило живое общение с ними? Обратим внимание на два письма, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива. 27 июля 1832 года в письме князю Петру Андреевичу Вяземскому, участнику Бородинского сражения, верному другу-поэту, Денис Васильевич Давыдов писал: «Ведь твои письма везде благодать, а в пустынях – манна небесная. Нельзя ли в Мазе хотя помазать меня по губам этой манной, друг любезный? Поверить

Денис Давыдов

не можешь, как после шума оружия и серного запаха сельское безмолвие и чистый воздух упоительны!.. Где это честолюбие девалось, черт знает!.. Жена да дети – пища душевная, а для лакомства – книги, бумага, перо и чернила, охота псовая и ястребиная, и все это приправленное счастьем дальнего соседства, куда однако я изредка езжу и где нахожу таких оригиналов, о которых не имеют понятия в столицах...». А 28 мая 1834 года Денис Давыдов конкретно и очень живо описывает князю Вяземскому некоторых из этих «оригиналов»: «Как досадно мне, что ты не пишешь комедий! У меня под глазами случилось чудесное обстоятельство. В 10 верстах от моей деревни есть село, называемое Дворянская Терешка (село Хвалынского уезда Саратовской губернии, ныне р.п. Радищево Ульяновской области. – Примеч. С.У.), в этом селе живет целая колония мелкопоместных дворян, или, как на выборах называют их, малодушных дворян, между ними есть один отставной гусарский майор Копиш, у которого душ до 10 крестьян. В этот голодный год он рассудил весьма благородно и естественно кормить их на свой счет, не полагая, чтобы из этого могла возникнуть какая-либо и от кого-либо ему неприятность. Что же вышло? Несколько дворян является к нему с объявлением, что они хотят подать на него просьбу правительству как на неблагонамеренного человека, старающегося возбудить черный народ к бунту. Тот не понимает, спрашивает: когда, почему, отчего? и пр., и они ему толкуют так: у наших крестьян нет ни куска хлеба, мы ни зерна не даем им на пропитание, а вы своих кормите, знаете ли, какое это преступление? Знаете ли, какое последствие из этого выйти может, милостивый государь? Знаю, отвечает тот, последствие то, что мои крестьяне живы будут, а ваши или перемрут с голоду, или разойдутся просить милостыни. – Нет, сударь, это ничего, это плеванка стоит, а вот что: наши крестьяне, узнав, что вы своих кормите, а мы не кормим, взбунтуются, и этому причиною будете вы. Вы, сударь,

*Портрет П.А. Вяземского.
Худ. П. Соколов. 1830-е гг.*

бунтовщик, посягатель на спокойствие государства, язва государственная, стыд дворянского сословия, и мы сейчас идем писать на вас донос губернатору. – Какова выходка? Естественно тот продолжал кормить крестьян своих, а этим кто-то растолковал, что за такой донос им же будет плохо, и уговорил их оставить дело in statu., – тем и бал кончился...».

Что еще мог знать прославленный генерал Давыдов о жизни соседа-майора Копиша? Безусловно, то, что он участник войны 1812 года. А более полный «портрет» соседа по верхнемазинскому имению был составлен совсем недавно, с использованием для этого материалов фонда РГИА (документы третьего Департамента Сената: родословные книги и списки лиц, причисленных к дворянству) и фонда Государственного архива Саратовской области (документы губернского дворянского депутатского собрания в дворянских родословных книгах Саратовской губернии с 1831 г. и т. д.).

В результате этого исследования удалось выяснить, что герой письма Д.В. Давыдова Копиш Карл Антонович родился в 1793 году. В 1831 году проживал в селе Дворянская Терешка (ныне р.п. Радищево, ул. Свердлова). 20 мая 1807 года поступил на службу юнкером в Лубенский гусарский полк, с 1809 по 1812 годы служил в Крыму. 15 июля 1812 года участвовал в сражении под г. Кобрином, где русскими войсками была полностью разгромлена саксонская бригада наполеоновской армии. Был ранен ружейною пулею в правую ногу навывлет. За участие в кампании 1812 года пожалован серебряной медалью на голубой ленте и на маневрах в г. Вертю ему, в числе прочих, объявлено Высочайшее благоволение. 26 мая 1813 года стал корнетом с переводом в Елисаветградский гусарский полк. В 1814 году был в походе с резервной колонной за границу до реки Рейн. С 27 марта по 17 декабря 1815 года вновь совершил поход во Францию и обратно. Уволен от службы 23 мая 1816 года, а в ноябре 1816 г. (после лечения раны) определен вновь в тот же полк поручиком, с 3 января 1819-го – штабс-ротмистром, с 29 июля 1821 года – ротмистром. 14 января 1827 года по высочайшему его Императорского Величества приказу «уволен от службы майором (за раню), с мундиром и пенсионом полного жалования и именован из дворян». В формуляре значатся сын Андрей и дочь Мария. В Дворянской Терешке по седьмой ревизии за ним числились 17 мужских душ (приданое жены). Занесен в 3-ю часть за номером 61 дворянской родословной книги Саратовской губернии 17 января 1831 года.

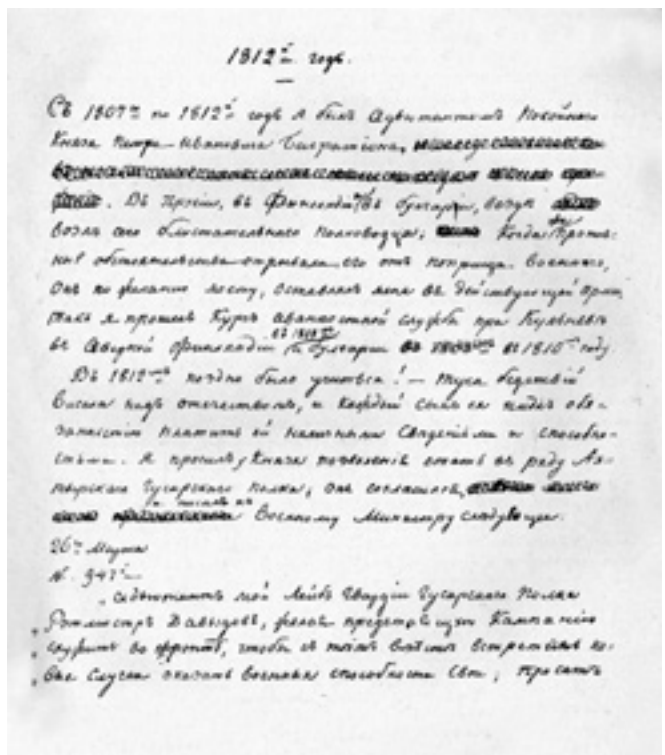
История общения Д.В. Давыдова с К.А. Копишем имеет свое продолжение (или предисловие?), о чем свидетельствует автограф, недавно выявленный в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии РАН. В своем письме из Москвы (без даты) Денис Васильевич пишет: «Благодарю вас за поздравление с новым годом, любезнейший Карл Антонович, и вас также с тем же поздравляю. Про себя скажу вам, что я как-то привык к вашей стороне и страх как опять хочется в Мазу, в наши благословенные степи, что надеюсь исполнить в течение года, то есть к осени. У меня все дети были нездоровы, общей здесь простудою, в том числе и ваша Машенька, но я всех вылечил (Денис Давыдов был сторонником гомеопатических средств лечения. – Примеч. С.У.) и

Схематический план с. Дворянская Терешка. ГМП

теперь все на ногах. Жена вам кланяется. Преданный вам Денис Давыдов». А почему дочь соседа, гусарского майора, оказалась в семье Давыдовых – взяли ее на воспитание? Это еще предстоит выяснить на документальной основе.

Перебравшись из тишины архивов в экспозицию создающегося музея-заповедника, рукописные материалы во всеулышание заговорят о «веке бурном, дивном веке», его легендарных и малозаметных героях. Документальные свидетельства позволяют более ярко и глубоко раскрыть незаурядный характер, богатую натуру, жизненные импульсы лучших людей эпохи, прославивших Россию и наш край.

Из дневника поисков партизана Дениса Давыдова. Автограф. РГИА

Дарья КОЗЛОВСКАЯ, старший научный сотрудник Литературного музея «Дом Языковых».

ЯЗЫКОВ ВДОХНОВЕННЫЙ

страницы биографии поэта-симбирянина Н.М. Языкова

16 марта (по старому стилю – 4 марта) исполняется 215 лет со дня рождения яркого и самобытного русского поэта первой половины XIX века Николая Михайловича Языкова (1803 – 1846).

Свои первые стихи уроженец Симбирска опубликовал в годы учебы в Горном кадетском корпусе в Петербурге. Весной 1819 г. в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» появилось послание к К(улибину), подписанное «Н. Языков». Подлинного же расцвета творчество поэта достигло уже в дерптский период его жизни, продолжавшийся с 1822 по 1829 гт. Семь этих лет стали самыми плодотворными в творческом отношении. Студенческие стихи, вольнолюбивая лирика, распространявшаяся в списках по городам России, стихи о любви – все зарождалось в это время:

*Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла...*

Именно тогда, в годы учебы в Дерптском университете, Николай Языков не просто получил широкое литературное признание, но и «благодаря студенческим стихотворениям ...занял одно из первых мест в рядах... русских писателей». По словам В.Г. Белинского, «все были поражены оригинальной формой и оригинальным содержанием поэзии г(осподина) Языкова, звучностью, яркостью, блеском и энергиею его стиха».

Этот период жизни был ознаменован и памятными для него знакомствами: с поэтом-романтиком В.А. Жуковским, А.А. Воейковой, ставшей, по словам самого Языкова, музой, «пробудительницей» его поэтического таланта, и, конечно же, с А.С. Пушкиным. Эта встреча, положившая начало крепким дружеским взаимоотношениям двух современников, составила целую эпоху в духовной биографии Николая Языкова и нашла отражение в его поэзии. Так, о времени, проведенном вместе с великим русским поэтом летом 1826 г. на Псковской земле, он соз-

*Языков Н.М.
Лит. Корницелиуса. 1841 г.
Из фондов УКМ*

дал стихотворный цикл «Тригорское». В нем есть такие строки:

*...Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистой чашей
С поэтом говорит поэт?*

Середину 1830-х гг. Николай Михайлович провел по большей части в Симбирской губернии, в родных местах, служивших для него источником сил и вдохновения:

*Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской
и тревожных свет!*

Именно в этот период состоялось

одно из главных событий в творческой жизни поэта: в 1833 г. вышла в свет первая книга его стихов – «Стихотворения Н. Языкова». Фрагмент из характерного отзыва о ней, напечатанного в «Северной пчеле», гласил: «...Возьмите любого человека, который читал что-либо, начните читать ему некоторые из стихов Языкова, и он наверняка скажет вам остальное. И мудрено ли? У многих ли из наших поэтов найдете вы эту возвышенность,

благородство чувствований, эту любовь к картинам родной Истории, ко всему русскому, это обилие кипучих мыслей, выраженных языком сильным, оригинальным, гармоническим?».

В это же время Языков выступил одним из организаторов работы по сбору фольклора для песенного собрания П.В. Киреевского, ре же он записывал материалы сам, выезжая в разные места Симбирской губернии. Он даже стал соавтором опубликованной в 1838 г. «Песенной прокламации», которая явилась первым в русской

*Литературно-музыкальный салон «У Языкова».
16 марта 2018*

*Литературный музей «Дом Языковых».
День рождения поэта. 16 марта 2018*

фольклористике документом, излагавшим научные принципы записи произведений народной поэзии.

В том же 1838 г. Николай Михайлович Языков уехал для лечения за границу, где провел пять лет. Перед взором поэта сменилось множество европейских городов... Он жил в Ганау, Швальбахе, Ницце и других местах. Города, пейзажи, обычаи и нравы – все это нашло отражение в стихах, написанных за границей. Но разнообразие впечатлений путешествия не могло заглушить тоску поэта по России, и в августе 1843 г. Языков возвратился в Москву.

В последние годы жизни Николая Языкова вышли два сборника его стихотворений: «56 стихотворений Н. Языкова» и «Новые стихотворения Н.М. Языкова». Это время было ознаменовано и широкой общественной деятельностью поэта. В 1845 г. в Симбирске был открыт памятник Н.М. Карамзину. Старшие братья Языковы – Петр и Александр – были одними из инициаторов его установки, а Николай написал «Стихи на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину». Позже, когда вышел указ об учреждении публичных библиотек в губернских городах, братья Языковы на него откликнулись первыми. Основой для открытой ими в 1848 г. Симбирской Карамзинской библиотеки стало книжное собрание Н.М. Языкова, пожертвованное, по его желанию, братьями и состоявшее из 2325 томов. К этому времени самого поэта уже не было в живых.

Николая Михайловича Языкова не стало 7 января 1847 г. (по новому стилю). «Смертью Языкова русская поэзия понесла чувствительный и незабвенный урон,

Юные слушатели.

Литературный музей «Дом Языковых». 16 марта 2018

– писал П.А. Вяземский. – В ней угасла последняя звезда пушкинского созвездия, с ним навсегда умолкли отголоски пушкинской лиры».

* * *

Важным шагом в деле увековечения памяти самобытного творца пушкинской поры на его родной земле стало открытие в 1999 года в доме Языковых Литературного

музея – филиала Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. В настоящее время здесь действует выставка «Н.М. Языков. Стихи. Музыка. Время», открытая в 2015 году к 212-й годовщине со дня рождения поэта. Она рассказывает о жизненном и творческом пути симбирянина Николая Языкова. Впервые в формате экспозиции отражено не только поэтическое наследие нашего земляка, но и его значение для музыкальной культуры России XIX-XX вв. На выставке представлены подлинные портреты поэта и его окружения, старинные книжные издания, бытовые предметы, среди которых особое место занимают осветительные приборы первой половины XIX в. – парные бра и жирандоль, а также уникальные напольные кабинетные часы симбирского мастера Карла Карловича Вейса.

Ежегодно в Литературном музее «Дом Языковых» проходят торжественные мероприятия, посвященные празднованию дня рождения Николая Михайловича Языкова. В честь этой знаменательной даты в родовом особняке поэта звучат как стихи самого Языкова, так и стихотворные посвящения, адресованные ему.

ИМЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯЗЫКОВА НА ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТЕ НАШЕГО КРАЯ

Село Языково Карсунского района Ульяновской области (быв. Симбирского уезда Симбирской губернии). Расположено на р. Урень в 28 км к северо-востоку от районного центра. Основано в 1670-х годах командиром стрелецкого полка боярским сыном В.А. Языковым, который получил от приказа Казанского Дворца жалованную грамоту на владение 60 «четвертями» (90 дес.) «порожней» земли по р. Урень вдоль большого Московского тракта. Первое документальное упоминание о Языково относится к 1684 году.

В 1770 году в деревне была построена деревянная церковь. Языково стало считаться селом, получившим по названию церкви имя Богородское. В тот же год в имении Языковых был заложен парк, представлявший образец паркового искусства своего времени. В 1827 году в классическом стиле был построен господский дом, он сгорел в начале 20-х годов XX века. (Усадьба Языковых запечатлена на акварели Дмитрия Архангельского. См. стр. 42 журнала). Хочется надеяться, что благие планы по восстановлению имения Языковых осуществляются.

В Языково прошли лучшие годы поэта Николая Михайловича Языкова. В родовом имении Языковых неоднократно бывали: декабрист Василий Петрович Ивашев, поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов, поэт и переводчик Дмитрий Петрович Ознобишин, писатель А.С. Хомяков, фольклорист П.В. Киреевский и другие. В 1833 году здесь дважды на пути в Оренбург гостил Александр Сергеевич Пушкин. По преданию, поэт посадил здесь ель.

В поселке действует музей «Усадьба Языковых» (филиал областного краеведческого музея). С 1968 года здесь проводятся Всероссийские пушкинские праздники поэзии. Инициатором проведения праздника был известный ульяновский краевед Александр Николаевич Блохинцев. В 2018 году в первое воскресенье июня традиционный День поэзии состоится 50-й раз. Имя Н.М. Языкова присвоено Языковской средней школе. Карсунская Центральная библиотека имени Н.М. Языкова ведет большую работу по увековечению памяти поэта.

Татьяна СЕДОВА, зав. отделом обслуживания Карсунской центральной библиотеки им. Н.М. Языкова.

НЕПРИТВОРНЫМИ СТРУНАМИ ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ ПОЭТ

На Карсунской земле сложилась добрая традиция проводить Языковский бал в день рождения Н.М. Языкова. Это литературно-музыкальное театрализованное представление, которое позволяет представить, как могло бы проходить празднование именин поэта в родовой усадьбе, в кругу друзей и родных.

День 16 марта особо важен и торжественен для нас, работников Карсунской Центральной библиотеки им. Н.М. Языкова. Именно в этот день в 1803 году на Симбирской земле родился поэт, оставивший нам в наследство стихи, которые по сей день восхищают своей свежестью, своеобразием и оригинальностью. В честь 215-летия со дня рождения Н.М. Языкова состоялся традиционный Языковский бал. В этот день залы библиотеки

были наполнены торжественными мелодиями балльных танцев: полонеза, кадрили, вальса. Все участники торжества мысленно перенеслись в XIX век, в родовое имение поэта. Празднование именин проходило в гостиной дома Языковых. Николай Языков (в исполнении Д.Ю. Бурмакина) был в центре внимания. Вся дружная семья собралась вместе, чтобы поздравить своего любимца. Отец Михаил Петрович и мама Екатерина Александровна с гордостью говорили о своем сыне и по старинному русскому обычаю всей семьей водили хоровод под песню «Каравай». Брат Петр с женой Елизаветой подарили имениннику чудесный музыкальный подарок – романс «Ночь светла». Брат Александр в честь этого дня заказал книгу стихов своего брата, что очень обрадовало поэта, и он посвятил стихотворение Александру:

*Тебе, который с юных дней
Меня хранил от бури света,
Тебе усердный дар беспечного поэта –
Певца забавы и друзей;
Тобою жизни наученный,
Питомец сладкой тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои прелестнейшие сны...*

Сестры Прасковья, Александра и Екатерина с любовью вспоминали дни, проведенные в родном имении, романтические предания, рассказанные деревенскими старожилками, и народные песни.

Вот о таких домашних праздниках в кругу близких и родных грустил Языков, бывая на чужбине.

Поздравить поэта Языкова с именинами, преодо-

Языковский бал. Карсунская центральная библиотека им. Н.М. Языкова. 16 марта 2018 г.

Участники Языковского бала. 16 марта 2018 г.

левая время и расстояния, приехали гости из соседнего Вешкаймского имения от писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. Милые дамы исполнили танец и вдохновили поэта на лирические строки:

*Влюблен я дева-красота,
В твой разговор, живой
и страстный,
В твой голос, ангельски
прекрасный,
В твои румяные уста!
В твои румяные уста!
Дай мне тобой
налюбоваться,
Наслушаться твоих речей,
Утиться песнею твоей,
Твоим дыханьем
надышаться!
Твоим дыханьем
надышаться!*

Помогли организовать этот праздник и сыграть роли героев студенты Карсунского медицинского техникума им. В.В. Тихомирова А. Горшков, Д. Мотырева, К. Ненашкина, К. Чеботаева, З. Тумаева, И. Гусев, А. Андреев, Д. Кадермятов, заведующая Больше-Кандаратской модельной библиотеки О.Н. Байрамова. Своими танцами украсили бал учащиеся кадетской школы-интерната имени генерал-полковника В.С. Чечеватова А. Хороброва, А. Салина, Е. Шуякова, Е. Зюскина, В. Чумаков, П. Паникаров, А. Фомин, А. Кошкин и сотрудницы Вешкаймской центральной библиотеки им. Н.Г. Гарина-Михайловского. Ученица Карсунской СОШ им. Д.Н. Гусева В. Васянина порадовала всех народной песней, проникновенный романс исполнили музыкальные руководители детского сада «Умка» М.А. Еремина и детского сада «Белоснежка» Т.И. Бурганова. Отрадно, что объединили творческие усилия молодые карсунцы. Ведь Языковский бал пробуждает «души прекрасные порывы».

Участники Языковского бала, 16 марта 2018 г.

Лилим КОЗЛОВА

О себе

Родилась в Казани, выросла в Москве, училась в Московском университете на биофаке, к его окончанию стала физиологом и второразрядницей по альпинизму и горным лыжам. Уехала работать в Ленинград, потом в Гродно, затем на заведование кафедрой физиологии в мединститут Благовещенска-на-Амуре и, наконец, уже профессором прошла по конкурсу в Симбирск, на родину предков.

В Ульяновском педуниверситете заведовала кафедрой, каталась на горке под филармонией и получила первый разряд по водному туризму. Рождение четырех дочек перемежала научными статьями, лекциями и выступлениями по линии общества «Знание», двумя диссертациями, уходом за дачей и турпоездками на машине за рулем и на плоту по рекам Ульяновской области, Урала и Сибири – капитаном. Дети плавали со мной не только по Черемшану и Суре, но и по уральским – Белой, Инзеру, Юрюзани. По Енисею и его притокам сплавились только взрослые.

Стихи пишу с 10 лет, и вообще пишу постоянно – эссе, прозу, статьи в газету. Литературоведением занялась с 1986 года, исследуя личность и творчество Марины Цветаевой. С 1997-го – член Московского Союза литераторов. С 1999-го – председатель Ульяновской организации Российского Союза профессиональных литераторов, 22 года вела в городе еженедельную литературную гостиную «Четверги». С 2015-го – куратор литературного клуба «Пегас».

Моих опубликованных научных статей и книг стихов и прозы уже не считать, друзей у меня сотня, потомков 21, душе – 20.

НЕЗРИМЫЕ КАСАНИЯ

Как писалось эссе о Марине Цветаевой и Максимилиане Волошине

Незримые касания – к чему? К тому, что нельзя увидеть и услышать. К тому, что невозможно взять в руки и пощупать – тоже к незримому.

Поначалу мой опыт прикосновения к незримому принял форму загадок творчества, того Удивительного и Необъяснимого, что его организует и сопровождает.

До этого я никогда специально не интересовалась процессом творчества. Конечно, я много лет писала свои физиологические, на стыке с психологией, статьи, свои научные работы – их у меня больше ста, и они тоже, видимо, шли на потоке, невидимом и непонятном. Когда писали статью совместно, я говорила соавтору: «Ну, пишите!». Приглядывалась, прислушивалась к чему-то и начинала говорить – откуда это бралось? Я только потом поняла, что это был поток. Наверное, это и называют вдохновением.

Но впервые я поняла, что такое творчество, когда писала «Римского Семинариста и Сказочного Медведюшку» – так однажды назвали друг друга Марина Цветаева и Максимилиан Волошин.

Шел июль 1986 года. Я в очередной раз приехала в гости в Ленинград и оказалась в совершенно пустой квартире. У меня было отобрано восемь стихотворений из «Волшебного фонаря», второго цветаевского стихотворного сборника: два из них с предметом посвящением Волошину, еще два – о которых я догадалась, что они с Волошиным как-то связаны.

Два были посвящены Лидии Александровне Тамбурер, Маринойной старшей подруге, с ней она делилась впечатлением от знакомства с Волошиным и еще два – перекинулись с темами, затронутыми Мариной в письмах Максиму из Гурзуфа весной 1911 года, непосредственно перед ее приездом к нему в гости, в Коктебель. Вот и все.

Эти стихи надо было использовать – они не вошли в первую мою работу о «Волшебном фонаре», написанную второй по счету – мгновенно, в поезде, и названную «Росток серебряный рванулся ввысь».

Эта моя попытка напоминала выкладывание картинки из безнадежно перепутанной мозаики, картинка, для которой нет образца. Она должна была сложиться сама, по логике интуиции – или не сложиться вовсе. Но тогда я об этом не думала – просто у меня были неиспользованные стихи и надо было их использовать для очередного эссе.

Вот с этим я и села вечером за стол, задумав написать «Цветаеву и Волошину».

Когда я начала, сразу стало ясно, что нужно прежде всего понять, какая была Марина до встречи с Волошиным, и часть стихотворений об этом у меня была из этих восьми. Из них можно было уяснить, какие у нее были мечты, тревоги, раздумья.

Вообще, вся эта моя вещь делится как бы на две части, как музыкальное произведение. Сначала некое анданте, которое является вступлением, печальным, задумчивым, а потом начинается как бы аллегро виваче – такое страстное жизнеутверждение! В какой-то момент Марина стала совершенно другая. Среди стихов «Волшебного фонаря» есть стихотворение «Итог дня».

ИТОГ ДНЯ

Ах, какая усталость под вечер!
Недовольство собою, и миром, и всем!
Слишком много я им улыбалась при встрече:
Улыбалась, не зная за чем.
Слишком много вопросов без жажды
За ответ заплатить возлиянием слез.
Говорили, гадали, и каждый
Неизвестность с собою унес.

Слишком много потупленных взоров,
Слишком много ненужных бесед в терему,
Вышивания бисером слишком ненужных узоров,
Вот гирлянда, вот ангел... К чему?
Ах, какая усталость! Как слабы
Наши лучшие сны!

Как легка в обыденность ступень!
Я могла бы уйти, я замкнуться могла бы...
Я Христа предавала весь день!

Я очень долго над ним ломала голову – какой это день, что она о нем говорит как о какой-то единичности, полной его исключительности, да еще так непонятно? И только когда я начала писать, пришло понимание, о каком дне идет речь. Но для этого мне приходилось встать в позицию Марины, как будто войти в нее, вплоть до того, что повернуться к себе лицом и ко всему миру тоже, и понять, что она знала в какой-то момент, а чего еще нет, какое у нее могло быть настроение и мироощущение. Все стихи поначалу отбирались и угадывались именно по этой гамме цветаевского настроения, по выглядывавшему из них ее внутреннему миру, точнее – по его окраске. И лишь затем шла детальная их проверка и распознавание, а может быть, правильнее сказать – разгадывание. Поэтому что Мариныны стихи очень часто напоминают ребусы.

Так вот, в ночной тиши моего ленинградского уединения я поняла, что «Итог дня» описывает первый день в Коктебеле. Именно этот особенный день потребовал, чтобы я прочувствовала не только интонацию Марины, но и всю ее внутреннюю позицию дококтебельского периода – я его так и назвала. Коктебель мне виделся как очень значительный, резкий Маринин внутренний переход, а первый день там – как некий Рубикон. В стихотворении «Итог дня» такая прикритость – максимальная! Там Марина говорит, как в пустом помещении – для стен. Абсолютно не интересуясь – есть тут кто-нибудь, слушает ли, поймет ли он, что она сказала – неважно. Марина часто так поступала с читателем.

Она очень разочарована первым своим коктебельском днем, тем, что сбилась на «ненужные», как ей показалось, разговоры и занятия, спустилась в повседневно; «Христа предавала весь день». Уже завтра Марина резко изменится, потому что ближе познакомится с будущим мужем...

Я писала до семи утра, получилось одиннадцать страниц машинописи – это очень много. Надо сказать, что диссертации свои я писала со скоростью три страницы в день. Но когда у меня о Цветаевой писалось по три страницы за один присест, было ощущение, что мне не работается – обычно получалось больше – лилось.

И вот когда поздним вечером и ночью наступила какая-то особенная всеобщая тишина, больше внутренняя, чем внешняя, в какой-то момент я пришла по заготовленным стихам куда-то, где я даже не знаю – как дальше. И тогда я начала понимать, что иду по лабиринту, а в лабиринте ведь масса тупиков, то есть там можно пойти не туда, не туда – а где-то есть просвет, и только им можно выйти.

Это ощущение лабиринта стало повторяться, причем в некоторых местах его пересекали как бы небольшие пропасти, которые надо было пере-

прыгнуть. Такие пропасти встретились перед «Жар-Птицей», «Приветом из башни» «Облачком», но самая главная, первая пропасть и первое озарение-прыжок были вначале, при сопоставлении диалога о «любимом камне» на побережье Коктебеля. Как только я два диалога поставила друг за другом, появился совершенно новый, до этого не выявлявшийся смысл. Это повело все эссе в неожиданном направлении.

А перепрыгивать пропасти приходилось только из-за того, что все останавливалось, дальше было некуда. Осмысление становилось невозможным. Иногда оказывалось, что прыжок-озарение возник из знания Маринино характера, ее пристрастий, вкусов и внутренней сущности. Это выглядело интуитивной догадкой и выводило на следующее стихотворение – и так до следующего препятствия, как по ниточке – помните нить Ариадны в лабиринте Минотавра у Тезея в руках?

Вот так до следующей пропасти продвигалась и я и к утру уже очень успешно продвинулась к выходу, к просвету лабиринта. Причем в какой-то момент меня осеняло: «Так ведь эти-то стихи из этого же периода! А еще ведь вот такое есть стихотворение – оно о том же, это развитие той же темы, только на другой лад!». Получалось, что я в процессе писания открывала для себя то, что не видела раньше, издали, мне раскрывался смысл ранее никем не понятых стихов. Например, «Призрак царевны».

С темной веткою шепчется ветка,
Под ногами ложится трава,
Где-то плачет сова...
Дай мне руку, пугливая детка!
Я с тобою, твой рыцарь и друг,
Ты тихонько дрожишь почему-то.
Не ломай своих рук,
А плащом их теплее закутай.

Много странствий он видел и чащ,
В нем от пуль неприятельских дыры.
Ты закутайся в плащ;
Здесь туманы ползучие сыры,

Здесь сгоришь на болотном огне,
Беззащитные руки ломают!
Ты напомнила мне
Ту царевну из дальнего мая,

Ту, любимую слишком давно, –
Чьи уста, как рубины, горели...
Предо мною окно
И головка в плену ожерелий.
Нежный взор удержать не сумел,
Я, обняв, оторвался жестоко...
Как я мог, как я смел
Погубить эту розу Востока!

С темной веткою шепчется ветка,
Небосклон предрассветный серей.
Дай мне руку скорей
На прощанье, пугливая детка!

До этого я уже догадалась, что стихотворение «Призрак царевны» имеет отношение к Марине и Максиму. А ход к этому был такой.

Поначалу это было совершенно не очевидно. Какой призрак? Какой царевны? Каких-нибудь комментариев взять неоткуда. Но поскольку Маргарита Сабашникова, первая – любимая! – жена Макса, с которой он расстался, была похожа, по его мнению, на Таиах, а Таиах – царевна Египетская, я поняла, кому это было сказано – «царевна»: Маргарита была его царевна!

А призрак царевны, то есть его любимой жены, этим призраком была Марина. И это уже говорило очень о многом, о его чувстве к Марине. Но он ей предлагал только плащ...

Я не раз думала, что, если бы у Цветаевой в некоторых стихах не было заголовков, особенно в ранних, – невозможно было бы их разгадать. Но она как будто чувствовала, что нужно дать какой-то минимум – иногда в виде заглавия, а иногда разбросав смысл по другим своим работам, чтобы по следу все-таки можно было пройти. И поэтому я везде ощущала ее подсказку и понимала, что она очень хотела, чтобы по ее поэтическим следам прошли и все о ней поняли, но только те, кому это очень нужно и кто сумеет понять. Из заголовка идет как бы намек, отправная точка для всего понимания.

Одно ее стихотворение из «Волшебного фонаря» называется «Исповедь», оно у меня не открывалось, пока я не написала все полностью, всего «Римского Семинариста». Ему еще не нашлось места – просто оно было непонятно о чем. Но помог заголовок. Исповедь – это предельная тайна, отсюда и прикрытость этих стихов, даже, пожалуй, зашифрованность иносказанием. И еще – в исповеди должно быть самое заветное. Далее, наверное, помогла интуиция, озарение. Я подумала, что если уж сейчас, когда я столько о Марине знаю, оно не раскроется, то я его никогда не пойму.

ИСПОВЕДЬ

Улыбаясь, милым крошкой звали.
Для игры сажали на колени...
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А оне упряма для забавы
Целовали! В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне склонился в темных косах
Лик Татьяны!
На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
«Если да, – зачем же мучить ложью?
Если нет, – зачем же целовали?»
А оне с улыбочкой давали,
Мне конфеты.

И вдруг – раскрылось. Толчком послужил «милый крошка» – мальчик, который одновременно и «я», то есть сама Марина. Прямая переключка с «мальчиком, бегущим резво». Значит, «оне» – Макс, с которым была на Вы. И он дает ей конфеты, как когда-то «кто-то камень положил в его протянутую руку»... Потому что к моменту написания «Волшебного фонаря» в ее жизни кроме него был только Сережа, будущий муж, да еще Нилендер – в прошлом.

Остальное вытекало из того, что мне уже о Марине открылось: ее тайная влюбленность в Волошина, ожидание, что он ответит ей всем собой и смятение после первого коктейбельского дня, еще до сближения с Сережей. Место «Исповеди» определилось с точностью и четкостью, смысл стихов-иносказаний открылся. Маринина смятенная «Исповедь» могла появиться сразу же после такого разговора... А позже, буквально через день, когда был написан «Итог дня», интонация стихов ее меняется: в ее жизнь вошел Сережа, и оба они безоглядно отдаются друг другу. Начался период «аллегро виваче».

Так у меня выстроились, встали на место и многие другие стихотворения, помимо тех восьми, с которых я начинала. И когда к утру одиннадцать страниц были написаны, тут произошло тоже что-то очень интересное и для меня неожиданное.

Есть у Райнера Мария Рильке сказка «О руках Господних». Когда Господь сотворил что-то, то вещь выскользнула из Его рук и начала жить сама. А Господь только удивлялся: «Что это с ней такое?». И любой человек тоже удивляется: «Куда это она, а? И где это она?». Все, ожила, из рук выскользила!

Хоть было написано только одиннадцать страниц, я ощутила именно такое – впервые в жизни. Было ощущение, что я незримо встала рядом, около, как бы выйдя из только что бывшего единения с тем, что писала, и что-то внутри говорило: «Ну и ну! Вот это да!».

Вспоминался аналогичный момент из творческого процесса Пушкина, когда он приговаривал, удивляясь и радуясь тому, что у него получилось: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!».

То, что я только что написала, неведомым образом отделилось, и я абсолютно не чувствовала себя автором. Может быть, идущей впереди, прошедшей, организовавшей что-то – но только не автором. Зато сразу стала удивляющимся читателем. И еще появилось страстное желание – оно меня просто разрывало – кому-нибудь все это рассказать, и чтобы он понял, как удивительно складывалось все ночью, как все это происходило. Мне виделась какая-то сплошная мистика.

Действительно, писалось как бы на ощупь. И даже не я писала, а мной, через меня вещь выявилась, моим внутренним вхождением куда-то и ощупью, и еще – прислушиванием к себе, готовой все это принять и передать бумаге.

Не ложась спать, я помчалась в библиотеку что-то уточнить и выписывать в «Волшебном фонаре». На обратном пути спускаюсь в метро по эскалатору, чувствую – сейчас упаду. Думаю, – нет, надо поспать.

Я легла в семь вечера, поставила будильник ровно на пять часов сна, встала в абсолютно мне несвойственное время для просыпания – среди ночи, встряхнулась и снова начала писать. Таким образом, основа этой вещи была кончена, по существу, на одном дыхании.

А дальше – дальше снова пошло интересно, началось новое выстраивание стихов семидесятипятилетней давности и событий вокруг моего эссе.

Ко второму утру, когда были написаны двадцать две страницы, я взяла в руки одну из книг цветаевского светлого двухтомника – он к тому времени уже вышел с комментариями Анны Саакянц, главного цветаевед страны. Что я там искала? Теперь не вспомнить.

Но вот мелькает давно известное стихотворение «Мальчиком, бегущим резво, // Я предстала Вам», – и вдруг я вижу мальчика-Марины – к моменту знакомства с Волошиным она стала бритой наголо и носила черный чепчик. Отсюда и реплика Макса, попросившего чепчик снять: «Вы удивительно похожи на римского семинариста!»

Все стихотворение как бы оживает узнаваемыми приметам: их с Волошиным соотношением по возрасту – как ей это виделось, – скрытым камнем у нее на душе из-за ее первой, так и неуходившей любви к Нилендеру, а затем утаиваемой нежностью уже к самому Максиму. В контексте того момента стихотворение сразу же узналось и мгновенно встало на место. Заглядываю в комментарии Саакянц и убеждаюсь, что там о нем ни слова. Значит, оно никем не тестировано, никем никогда не опознано и не прокомментировано. Ну не чудо ли?

Отославшись, я отправилась в библиотеку искать стихотворение Волошина, которое однажды уже слышала от Мачинского, сотрудника Эрмитажа, откуда восприняла только образы: сцену гадания, ладонь, линии... Больше ничего не помнилось.

И вот – какое поразительное везение! В Публичной библиотеке мне дают книгу 1977 года – и я эти стихи сразу же нахожу вместе с декабрьской датой под ними.

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...
И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты, как я,
Что мы в кольце одной неволи –
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи,
(Быть может топоты погонь?)
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

М. Волошин

К слову сказать, дата была перепутана и уточняла ее в Москве и Ленинграде еще два года. Потом выяснилось, что в более поздних изданиях этих стихов не было, их выбросили. Без них мое эссе могло бы на двадцати двух страницах и закончиться.

Возвращаюсь домой и пишу еще две страницы, они ложатся как прямое продолжение, и мне кажется, что это конец работы. Но завтра я снова иду к заветной волошинской книжечке поискать – нет ли еще стихов о ладони и не угадывается ли чего-нибудь, связанного с Мариной. И вот нахожу еще и еще, ладонь помогает их высветлять.

Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтобы не думать зачем, чтоб не помнить когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум.
Чтоб за кем-то идти в темноте наобум...
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,
Кто ведет лабиринтом неведомых зал.

Чье дыханье порою горит на щеке.
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

М. Волошин

Оно тоже, видимо, относится к Марине и многое объясняет, в частности, ее восклицание «Зачем же мучить ложью?», хорошо с ее стихами и моей версией стыкуется.

В самый конец «Римского Семинариста» попали стихи Волошина, из которых ясно, что он тяжело переживал образование новой пары. То, что увиделось мне в стихах Марины, выглядывало теперь со всей очевидностью из того, что написал Макс.

В этом смысле интересно открылось стихотворение «Гайдан», где Волошин объясняется Марине от имени одной из ее любимых коктейльских собак:

Я выл о ней, кусал матрац сенной
И чуял след ее в табачном дыме.

К голосу собаки здесь присоединяется голос автора. И деталью для распознавания этого выступает матрац, который ночью несомненно кусает человек, но никак не пес. Дело в том, что гости Коктебеля должны были привезти с собой наволочку для будущего матраца, который на месте набивался сеном. На этом спали. Я прочитала об этом требовании матери Волошина к приезжающим в воспоминаниях одного из тех, кто у них гостил.

Снова дописываю две страницы, снова концовка, и мне кажется, что это последняя точка. В этот же вечер я отбываю домой, в Ульяновск.

Назавтра буквально пробегаю Москву между поездами, нахожу в Ленинской библиотеке «Остров Коктебель» Купченко – его не было в Публичке. Знаю, что в Ульяновске мне его не достать, поэтому тороплюсь выписать все, что нужно, и успеваю за два часа. В поезде пишу еще две страницы – и опять концовка.

Все нахожу как надо, будто бы кто-то заботится об этом, – и все бегом, бегом! Потому что такое состояние – как будто если я не поем, то умру, это как какая-то насущная потребность! Я уже позже поняла, что вместе с интересом приходит неотвязность думания о том, что надо писать, и такое неукротимое желание! Оно идет на уровне страсти, даже, может быть, одержимости. Это выглядит так, ну скажем, когда ужасно нужен глоток воды – дайте напиток! – и тут никуда не денешься от себя. Это как навязанность в мире интуиции – целый неразумный комплекс. И силы откуда берутся! Масса сил.

Осталось найти еще одну книгу, но надежды мало – она издана в Ленинграде рукописным отделом Пушкинского Дома. Прихожу в свою родную институтскую библиотеку – а она там на полке стоит! Это в Ульяновске, где тогда не сыскалось ни одной книжечки Волошина нигде, даже во Дворце книги! А тут – «Ежегодник-75» с письмами Цветаевой и Волошина.

Эту переписку Марины с Максимом я уже читала и до этого, но в «Ежегоднике-75» вдруг встречаю еще одно новое Марино стихотворение, как там сказано в примечании, «предположительно 1913 – 1914 года». Оно прислано Волошину и называется «В ответ на стихотворение».

Она отвечает на те стихи Волошина 1913 года, в которых он, по существу, ей объясняется. Они прямо

не адресованы к ней и сейчас как бы затерялись среди остальных, теперь уже многочисленных опубликованных его стихов, никем не понятые, никогда не связанные с именем Марины Цветаевой. В них снова всплывает рука, ладонь, снова гадание. До этого здесь же он говорит, что заглядывая в чужие ладони, искал свою судьбу. Получилось, что ее ладонь – это его судьба. А то гадание, которое ему это открыло, было значительно раньше, в декабре 1910 года. Он там пишет:

Но не чужую, а свою
Судьбу искал я в снах бездомных
И жадно пил от токов темных,
Не причащаясь к бытию.
И средь ладоней неисчетных
Не находил еще такой,
Узор которой в знаках четных
С моей бы совпадал рукой.

И вот более чем через два года, через головы ее маленькой дочки и ее молодого мужа, Сережи Эфрона, он вдруг ей так объясняется. И получает ее сдержанный, приправленный горечью ответ. Вот его последняя строфа:

Горько и стыдно скрываться,
Не любя, но ценя и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не сумеешь отозваться,
Тяжело мне играть эту первую женскую роль.

И тут возникло удивительное ощущение, что я одну фразу – последнюю – оттуда знаю. Причем не только знаю и помню, а как будто даже пережила ее когда-то. Какое-то глухое воспоминание.

В своем «Ответе...» Марина – воплощенная Татьяна из заключительного акта «Евгения Онегина»: все вспоминает с горечью, что не осуществилось когда-то. Говорит, что ждала первых шагов и сама тайно стограла, но теперь все в прошлом, осталась лишь дружба. А в конце – такая фраза: «Тяжело мне играть эту первую женскую роль».

Ну знаю я ее, эту фразу, глубоко знаю, всем существом... Вместе с ощущением, которое за ней стоит, в ней стоит. Откуда? Где я могла ее слышать или прочитывать? Ответа так и не нашлось...

В моем эссе появились после этой находки новые две страницы и ощущение, что теперь-то уж конец. Смысловое кольцо стало явно загибаться. Оно еще не сомкнулось, но я и не мечтала об этом. То, что мне увиделось в отношениях Марины и Макса, их стихами снова и снова подтверждалось. А увиделось что?

Увиделась их взаимная нежная симпатия, она как бы висела в воздухе, особенно ни во что не преломляясь. На поверхности это была дружба, но чувство за ней было другое, очень напряженное и у одного, и у другого, но они как-то по очереди его несли, одновременно. Поэтому, может быть, практически не было ни объяснения, ни воплощения их чувств в жизни.

И вот Марина в своем «Ответе на стихотворение» все это рассказывает: с ее стороны были сначала недоверие и чрезмерная защита, потом она «жаждала зова, и ждала, и звала». Она не винит того, кто не пришел, но это было.

И под конец – еще одна удивительная находка. Мне попался в «Письмах к критику» 1923 года (они в конце XX века еще ходили в ксероксах) третий вариант Маринино разговора на коктебельском пляже с кем-то, кто ее любит и об этом ей говорит. В «Пись-

мах» она не упоминает, кто это и кому она ответила: «Отыщите мой любимый камень на этом побережье, тогда я поверю, что Вы меня любите». А в двух других вариантах этого диалога, которые в моем эссе уже составились в один, был ясно назван – Макс! Вот это и было подтверждением, что «в первый день приезда в Коктебель», как пишет сама Цветаева, Макс не только разговаривал с ней о ее любимом камне, но и объяснился ей в любви.

Так, к моему крайнему изумлению, круг полностью замкнулся. Это было тем удивительнее от того, что Маринины стихи раскрывались так легко, как бы сами собой выстраивались – и, как оказалось, совершенно правильно! Все само собой и само себя подтвердило. Последние две страницы были дописаны.

Я ничего не стала причесывать и приглаживать, тем более менять местами. Как вылилось, как сложилось – так и осталось. Полная первозданная логика интуитивного поиска.

И еще – меня не один раз потрясла мысль, что ведь все это не знают ни цветаеведы, ни исследователи и биографы Волошина. Даже Анастасия Ивановна Цветаева в своем отзыве написала так: «Римский Семинарист и Сказочный Медведюшка», статья Л.Н. Козловой, профессора, интересна тем, что и мне, сестре, приоткрыла иное толкование, чем до тех пор было, значения ряда стихов, кому, я не знала, направленных. Статья эта приковала мое внимание и пленила меня необычайностью, неожиданностью темы, раскрытием до того не объясненных никем стихотворений, из которых каждое получило свое место и свое психологическое обоснование».

А ведь она среди них ходила! Никем, даже сестрой, скрытый смысл стихов не был уловлен, и «Волшебный фонарь» до сих пор слывет среди исследователей «неудавшейся книгой!» Возможно, крайняя неясность содержания здесь нарочита: Марина явно не хотела, чтобы Макс понял, что она обо всем, что касается его, думала и написала. И это ей, несомненно, удалось.

И все же ей очень хотелось, чтобы все ее переживания и их причины дошли до потомков. Как иначе понять заключительные слова последнего стихотворения «Волшебного фонаря», стихотворения, которое называется «Литературным прокурорам»:

Для того я (в проявленном – сила)
Все родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

Суд, судьи. «Литературные прокуроры» – это, видимо, читатели и критики. Каким видела Марина Цветаева «Литературного прокурора»? Это известно точно. Вот ее слова: «Критик: следователь и любящий. ...Для того, чтобы иметь суждение о вещи, надо в этой вещи жить и ее любить... Чтите и любите мое, как свое, тогда вы мне судьи».

Когда я прочитала эти слова, то поняла, что только такой исследователь мог иметь успех в разгадывании ее поэтических следов. И что я интуитивно шла по этим следам с единственно правильной исходной установкой: постоянного восхищения и безграничной веры ее самоощущению, внимательно приглядываясь к мелочам, порой как бы с лупой. Вовлекаясь в какой-то бескрайний поток – в светлый Цветаевский мир...

Москва – Ульяновск

Елена ТОКАРЧУК (1976 – 2007)

Поэтические посвящения Лилит Козловой

ПРАЗДНИК МАРИНЫ

Живой пришла на именины
 Марины сказочная тень.
 И осень веточкой рябины
 Наш дом украсила в тот день.

Лилит вела нас к звёздной выси –
 В цветаевский душевный мир,
 В рассказ Марины об актрисе,
 В созвучье двух волшебных лир.

В прозренье – искреннего друга
 Дают для отдыха в пути,
 Когда закрутит злая вьюга
 И дальше некуда идти.

И ты к весне протянешь ветлы,
 Лучи живительно-нежны.
 Запомни праздник этот светлый,
 Огонь в мечтах морской волны!
 25 октября 2002 г.

НА ПЕСНИ ЛИЛИТ

В них не было жажды мести,
 И ненависти, и горя,
 А только желанье вместе
 Лететь в голубом просторе.

В них только любовь пылала
 И пели посланцы вёсен.
 А этого разве мало
 Для светлых и чистых песен?

5 мая 1999 г.

* * * Лилит Козловой

Ты – в мыслях моих,
 А мысли мои – в тебе.
 Ты – в сердце моем,
 А сердце моё – в любви.
 Как будто вся жизнь
 Желанной душе – обет.
 Мы выйдем вдвоем
 Из сферы Солилокви*!
 Смотри-ка, она вращается.
 В ней – врата.
 Она не прощается,
 Но раскрывает путь.
 За нею – первоначальная красота

Два эйдоса наших
 Мечтает в себя вдохнуть.

Два эйдоса – нежный и терпкий
 Переплелись.
 И льётся навстречу Безмолвию
 Их поток:
 – Походит на птицу,
 Расправивший крылья лист!
 – Походит на солнце,
 Растящий лучи, цветок!

*Солилокви – греч. – познание.

28 ноября 1996 г.

* * * Лилит Козловой

Ты весеннее цветенье
 Привнесла в сердца людей.
 Как целебное растенье
 Из открытий и идей.

Сам Ярило бело-яркий
 Согревает твой апрель.
 И молоденькие ярки
 Мирно слушают свирель.

Наши песни – как подарки –
 В День Рождения прими.
 Волшебством небесной арки
 Ты сияешь меж людьми.

4 апреля 2003 г.

Тайе-Лилит

Живых начал начальница –
 Сама любовь и жизнь –
 Тайгета, Тайя, Тальница,
 Не прячься – покажись!

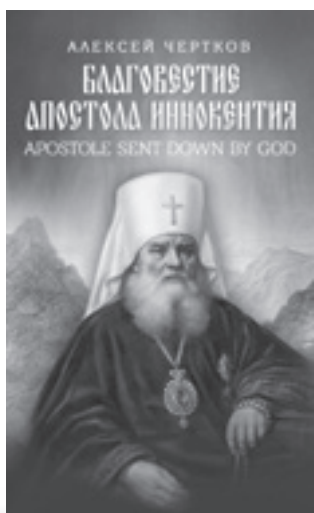
Летит по небу стая ли,
 Проклонулась трава ль –
 Твои снега растаяли
 И зимних льдов не жаль.

Душа весны и таянья,
 Земных садов расцвет.
 С тобою нет отчаянья –
 Лишь смех, тепло и свет!

4 апреля 2003 г.

Редакционный Совет журнала «Симбирскъ»
 поздравляет Лилит Николаевну Козлову с юбилеем!
 Тепла и света, радости и добра!

Алексей Чертков: «И.А. Гончаров первым в отечественной литературе создал незабываемый образ святителя Иннокентия, митрополита Московского»

«Благовестие апостола Иннокентия» — пьеса в стихах писателя Алексея Черткова, посвящена судьбе православного святого, митрополита Иннокентия Московского, апостола Америки и Сибири. В 1854 году И.А. Гончаров возвращался после плавания на фрегате «Паллада» в Петербург через Якутск. Здесь и состоялась памятная встреча православного иерарха, возглавлявшего тогда Камчатскую, Курильскую и Алеутскую епархию, куда входила и Якутская область, с автором «Фрегата “Паллада”».

Судьбе было угодно, чтобы в далеком Якутске И.А. Гончаров стал свидетелем православных деяний сибирского миссионера, особенно это касается многотрудной работы по переводу божественных книг на якутский язык. Алексей Чертков считает, что И.А. Гончаров первым в отечественной литературе создал незабываемый образ святителя Иннокентия Московского, превзойти который в дальнейшем никому не удалось.

Благодаря И.А. Гончарову Россия получила в свое распоряжение редчайшие свидетельства современника православного святого, представляющего светский срез общества. Оттого данные характеристики внешнего образа митрополита Иннокентия Москов-

Владимир Крутин, Алексей Чертков и Владимир Федоров на презентации книги

ского – «мощная фигура, в синевато-серебристых сединах, с нависшими бровями и светящимися из-под них умными ласковыми глазами и доброю улыбкой» – и манеры поведения священнослужителя в обыденной жизни – «Он опять закатился смехом, и мы тоже» – особенно ценны для исследователей православной церкви.

В книге «Благовестие апостола Иннокентия» автор, сохраняя гончаровскую стилистику описания образа святителя Иннокентия, перекладывает ее в

поэтический формат. А.С. Чертков бережно относится к документальным, литературным источникам, на основе которых ему, по свидетельству известных русских писателей Владимира Крутина (первый лауреат литературной Патриаршей премии) и Владимира Федорова (лауреат Большой литературной премии), удалось создать значимое произведение о великом православном миссионере. «Книга Алексея Черткова – искренняя работа, идущая от души, совершенная во славу Божию».

Предлагаем читателям журнала «Симбирскъ» выдержки из пьесы «Благовестие апостола Иннокентия», действие третье «Яко мы сыны церкви и сыны России», явления: «Встреча в Якутске», «Божественное слово на родном языке» и «У Господа найдётся всем приют».

Иеромонах Иоасаф и священник Александр Сон поздравили А. Черткова в выходом книги

Об авторе

А.С. Чертков – историк, литератор, драматург, член Союза писателей России, Русского географического общества, лауреат Национальной премии в области развития связей с общественностью «Серебряный Лучник» (1998), премии Союза журналистов Республики Саха (Якутия) «Золотое перо» (1999), международной премии «Элита информатологов мира» (2010), Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2015).

Автор научных монографий по российской истории, экономике современной России, историко-приключенческих книг, в том числе «Алмаз в невидимой оправе» (2008), «И черные, и белые бегуны, или Когда оттают мамонты» (2014). Занимается изучением творческого наследия митрополита Иннокентия Московского, апостола Америки и Сибири, первого официального русского историкографа Н.М. Карамзина, драматурга и дипломата А.С. Грибоедова, писателя И.А. Гончарова, классиков национальной литературы регионов России.

Алексей ЧЕРТКОВ

БЛАГОВЕСТИЕ АПОСТОЛА ИННОКЕНТИЯ

*Святитель Иннокентий Московский, апостол Америки и Сибири
Пьеса в четырех действиях, в стихах
(Основана на реальных событиях)
Сопровождение: церковная музыка и песнопения*

Действующие лица:

*Святитель Иннокентий Вениаминов (в миру Иван Евсеевич Попов – Вениаминов),
Гончаров Иван Александрович, русский писатель,
Загоскин Лаврентий Алексеевич, лейтенант русского флота, капитан брига
«Охотск», исследователь Русской Америки,
Отец Гавриил, сын Святителя,
Члены экспедиции фрегата «Паллада»,
Прихожане,
Певчие.*

отрывок из пьесы

«Яко мы сыны Церкви и сыны России»

(Иннокентий Вениаминов)

Встреча в Якутске

Покои архиепископа Иннокентия в Якутске.

Святитель Иннокентий, Гончаров, Загоскин, члены дипломатической миссии с фрегата «Паллада».

Святитель Иннокентий (*быстрой поступью с доброй улыбкой выходит навстречу путешественникам*)

Добро пожаловать в Якутск,
Край северный, студеный!
Здесь люди мирные живут
С душою отворенной.
Снега, распутица и гнус,
Кочевье каждым летом,
Боотуры славят свой улус,
Олонхосут – рассветы.
Тут под Полярною звездой
На полюсе холодном
Вражды не стало родовой –
Так Богу здесь угодно.

Гончаров

Спасибо, Владыка, – радушный прием!
Землею Сибирской к дому идем.
Два года кружило нас по морям.
И к вам мы добрались из порта Аян.

Святитель Иннокентий

Война в тех краях не на шутку идет,
Привел европеец союзный свой флот.
Ужели минула фрегат ваш война?
И миссия ваша теперь решена?

Гончаров

В военной горловине
Мы долго не кружили –
Меж Азией и Сахалином
Удачно просочились.
Позор британских сил
Отваги придавал:
На англицком фрегате
Стрелялся адмирал¹.
Уже в начале боя
Он битву проиграл.
Отваги русских сил
Такой не ожидал.

Святитель Иннокентий

Безмерной храбрости тот подвиг боевой,
Но не закончится все Крымскою войной.
Из нас врага Европы будут делать,
И англиканцев нам, увы, не переделать.

Загоскин

С любовью к Отчизне, во славу Господню
Создали твердыню, какой не припомню!
Камчатка теперь край свободный и родный,
Для промысла зверя, пушнины пригодный.
Позорным пятном в умах просвещенных
Останется эта затея военных.
Не смоют его волны всех океанов –
Захватчик лишился своих дальних планов.

Гончаров

С Японией сношения, торговлю начинать
 Великий князь нас в миссию сподобил,
 Восточную границу с Китаем изучать,
 Для плаванья судов удобный порт способить.
 К берегам заморским нас Путятин вел –
 Сей адмирал почетный и пристойный.
 Он в Персии и Каспии пиратов усмирят:
 В сражениях беспощадный, но достойный.

Загоскин

Через Индийский океан,
 Гонконг и Нагасаки,
 Фрегат «Паллада» путь держал
 Туда, куда не взглянет всякий.
 Сие паломничество морем
 Несет России пользу.
 Плоды его увидим вскоре
 В Симодском договоре².

Святитель Иннокентий

Япония – сосед наш островной, –
 Народ отважен и культурой славен.
 Но ограничен он чертой береговой,
 Малоземелье их не стерпит правил..
 Как всеобщие бдения в лишениях сносили,
 И стойко ли в пути стояли вы обедни?

Гончаров

Отец Аввакум³ читал по-китайски,
 Чем удивлял стариков и монахов.
 Книгу Конфуция, слог самурайский
 Он понимал, не ведая страха.
 Господу было угодно наше спасение
 В час, когда смерти близко дыхание.
 Твердью морской испытали лишение
 Мы в эпицентре землетрясения.

(Гончаров делится воспоминанием о спасении экипажа фрегата «Диана» во время морского землетрясения.)

*«Наконец начало бить фрегат,
 по причине переменной прибыли и
 убыли воды, об дно, о свои якоря и
 класть то на один, то на другой бок.
 И когда во второй раз положило,
 он оставался в этом положении с минутой..
 И страх, и опасность, и гибель –
 все уложилось в одну эту минуту!
 Все уцелились: кто за что мог.
 Все оцепенело в молчании.
 Потом раздались слова молитвы:
 все молились, кто словами, и все, конечно,
 внутренне так усердно, как, по пословице,
 только молятся на море!»
 «Бог услышал молитвы моряков,
 и – Провидению угодно было спасти
 нас от гибели.
 Вода пошла на прибыль, и фрегат встал...»*

Святитель Иннокентий

*«Вот видите ли, как любит нас Иисус Христос,
 и какие дарствует Он нам блага!
 И что, ежели бы Иисус Христос теперь
 вдруг видимо явился пред нами и спросил нас:*

*чада Мои, имеете ли вы любовь ко Мне за то,
 что Я сделал для вас?*

*чувствуете ли в сердцах ваших
 благодарность ко Мне?*

*Кто бы из нас не сказал Ему:
 ей, Господи, любим и благодарим!*

*Но ежели вы любите Иисуса Христа
 и считаете себя*

*благодарными Ему, то сделаете ли то,
 что Он вам велит?*

Потому что кто кого любит

и кто чувствует себя

*благодарным, тот сделает все,
 что угодно его благодетелю.*

*Но Иисус Христос хочет от вас только одного,
 и именно того, чтобы вы шли за Ним
 в Царствие Небесное»⁴.*

(Совершает крестное знамение.)

«У Господа найдется всем приют»

Якутск, в доме архиепископа Иннокентия.

Гончаров, Загоскин.

(Обмениваются мнением о встрече со Святителем Иннокентием.)

Гончаров

*«Преосвященный расспрашивал подробно
 О путешествии моем и всей эскадры».
 Вечер беседовали о судьбе народной –
 Такие темы его очень взволновали.
 Словами добрыми мы Филарета поминали..*

Загоскин

*Какое благо, когда есть в Сибири
 Такой Владыка – мудрый и ученый,
 Бесспорно, кругозор его обширен
 И светом Божьим – видно – вдохновленный.*

Гончаров

*Фигура мощная,
 В серебряных сединых,
 Сужденья точные
 И в лучиках морщины.
 Природа вылепила
 Облик благочинный
 С глазами умными,
 Деянием былинным.
 С улыбкой доброю,
 На благо всей Сибири
 Тропой духовною
 Ступает он по миру..
 Безмерно прав
 Владыка Филарет,
 Рисуй сей
 Апостольский портрет.*

Загоскин

*Владыка наш живет делами прихожан,
 Души не чаёт он в своих учениках,
 И пред восторженным скоплением иркутян
 Евангелие читал на разных языках:
 Заутреню в соборе помнит всякий –*

История свершалась на глазах, –
Там слово Божие звучало
На бурятском, якутском, алеутском языках⁵.

Гончаров

Преосвященный комитет здесь учредил
Для перевода на язык якутский
Священных книг. Поездки совершил:
По северным улусам путь неблизкий.
Он с братией проделал труд большой,
Чтобы язык Священного Писания
Народу местному стал, как родной...
В печатном виде выйдут те издания.

«Я случайно был в комитете, который собирается в тишине архипастырской кельи, занимаясь переводом Евангелия. Все духовные лица здесь знают якутский язык. Перевод уже черне окончен. Когда я был в комитете, там занимались окончательным пересмотром Евангелия от Матфея. Сличались греческий, славянский и русский тексты с переводом на якутский язык. Каждое слово и выражение строго взвешивалось и поверялось всеми членами».

«Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими [якутскими] звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! То падеж вперед имени, то притяжательное местоимение слито с именем и т. п. И все это преодолено!»⁶

Загоскин

Он первым семинарию на Ситхе основал⁷,
Вдали от родины, на берегах восточных,
И слову Божьему учить креолов стал,
Чтоб к свету их вести из тьмы полночной.
Владыка судовым священником ходил,
И в кругосветке службу правил.
Расширить миссию в Камчатке предложил,
О чем в Синоде проект представил.
Радел о пастве дальней неустанно,
Писал творения на алеутском языке,
Во многих уголках островитяне
Чтят память о своем духовнике.
Преданья колошей Владыка изучил,
И указал путь в Царствие Небесное⁸,
Сам Филарет постриг над ним свершил,
С тем принял имя он теперь известное.

Гончаров

Какой пример нам церковь подает –
Служить Отчизне денно, ночью!
У Господа найдется всем приют
Кто верует в него светло и прочно.
*«Религия – есть жизнь,
Жизнь высокая,
духовно-нравственная,
человеческая жизнь...
Сам я, лично, побоялся бы
такого сюжета
за его бездонную глубину».*

Божественное слово на родном языке

Троицкий кафедральный собор в Якутске. Идет Божественная литургия. Святитель Иннокентий читает Евангелие на якутском языке.

Святитель Иннокентий, Гончаров, отец Гавриил, члены экспедиции, прихожане, певчие.

Гончаров

С утра к соборной церкви народу привалило,
Здесь русские, якуты на разный лад в мольбе.
И с первым словом Божьим всех разом удивило:
«Евангелие читают на якутском языке!»
Звучат слова красиво и льются к сводам храма,
И вдаль они несутся на землю Олонхо,
Божественные строки теперь уже не тайна...

Певчие

Мы ждали, ждали, ждали.
Мы ждали их давно.
Мы ждали, ждали, ждали.
Мы ждали их давно.
«Едиными устами и единым сердцем»
Мы ждали их давно!
«Едиными устами и единым сердцем»
Мы ждали их давно!

Святитель Иннокентий

*«В основе жизни должна лежать любовь:
«Возлюби Господа Бога твоего
всем сердцем твоим,
всю душу твою, всю мысль твою и всю
силу твою. Люби ближнего своего как самого
себя»⁹.*

*Но по причине греховной испорченности
человеческого естества
еще не было человека, который был бы способен
совершенно и во всякое время любить Бога и
ближних. Такую совершенную любовь имел только
Господь Иисус Христос...*

*...Иисус Христос добровольно пострадал и умер
за нас. Поэтому и мы не должны роптать, когда нас
постигают какие-либо неприятности, но должны
со смирением и преданностью Богу переносить
их. Иисус Христос прощал Своим врагам все, что
они делали Ему, и желал им добра. Так и мы должны
прощать своим врагам, за зло платить им добром и
благодарно ругающих нас.*

*Иисус Христос, Царь неба и земли, жил в
бедности и Своими трудами снискивал себе
необходимое для жизни. Так и мы должны быть
трудолюбивыми и довольствоваться тем, что Бог
нам послал, не стремясь разбогатеть, потому что,
по слову Спасителя «легче верблюду пройти сквозь
игольные уши, нежели богатому войти в Царство
Небесное».*

Отец Гавриил

Здесь Таинство великое пред нами отворяется
Во благодарность Богу за спасение души.
«Едиными устами и единым сердцем»
Господь повелел творить это Таинство.
Совершая его, мы благодарим Бога

за спасение рода человеческого
от греха, проклятия и смерти Жертвой,
принесенной на Кресте Его Сыном,
Господом нашим Иисусом Христом.

Святитель Иннокентий

«Путь в Царство Небесное проложен Господом
Иисусом Христом.

Только тот, кто следует за Ним, достигнет
Царства Небесного.

Как же идти за Ним? – Послушайте, что об
этом говорит Сам Спаситель: «Кто хочет идти
за Мною, отвергни себя, отрেকись от себя, возьми
крест свой и иди за Мною...»

«Отвергни себя, отрেকись от себя,
возьми крест свой и иди за Мною...»
«Отвергни себя, отрекись от себя,
возьми крест свой и иди за Мною...»
«Отвергни себя, отрекись от себя,
возьми крест свой и иди за Мною...»

Певчие, прихожане

Благодарим Бога
за спасение рода человеческого
от греха, проклятия и смерти Жертвой,
принесенной на Кресте
Его Сыном, Господом нашим
Иисусом Христом...
Благодарим Бога
за спасение рода человеческого
от греха, проклятия и смерти Жертвой,
принесенной на Кресте
Его Сыном, Господом нашим
Иисусом Христом...

(Все совершают крестное знамение.)

Святитель Иннокентий

«Наша вера ничему доброму не помешает, а,
напротив,
еще будет содействовать успеху всякого
доброто начинания.

Суть христианства – это чистая и
бескорыстная любовь,
которую дает Дух Святой.

Итак, братья, если вы хотите достичь
Царства Небесного,
то идите путем, которым шел Иисус Христос.
Другого пути нет!..

...Идя Христовым путем, нельзя надеяться на
одни свои силы.

Если бы Иисус Христос, наш великий
Благодетель,
не помогал нам на каждом шагу, то никто не
мог бы достичь спасения.

Даже Апостолы, когда остались
предоставленными самим себе,
не смогли идти за Иисусом Христом, а
малодушно разбежались.

Когда же в день Пятидесятницы они получили
помощь свыше,
тогда с радостью пошли Его путем, и уже ни
опасности,
ни трудности и ни даже самая смерть не
страшили их...

В чем состоит помощь, которую дает Иисус
Христос идущим за Ним? Помощь эта – благодать
Духа Святого. Благодать Божия со всех сторон
окружает нас, и ею Господь влечет нас к Себе.

Всякий, кто только хочет, может получать
эту Божественную помощь и укрепляться ею.

Дух Святой, будучи Богом наравне с Отцом и
Сыном, дает всему жизнь и силы. Он дает верующим
мудрость, внутренний мир и воодушевление – не по
их заслугам, а ради Иисуса Христа...

Дух Святой, вселяясь в человека, дает ему веру и
свет.

Без Духа Святого никто не может иметь
истинной живой веры, и без Его просвещения даже
самый великий ученый в делах Божиих – полный
слепец, И, напротив, Дух Святой может сделать
мудрым даже последнего простеца и открыть ему
великие тайны Божии...»

Певчие

Идти путем Христовым
И с истинною верой
К великой Благодати...
Последуем примеру...
Свет истинной любви
Нам сердце согревает...
На добрые дела
Они нас вдохновляют...
Господь влечет на радость
К великой тайне Божьей...
Идти путем Христовым
По камням, бездорожью...

Во Царствие Небесное...
Во Царствие Небесное...
Во Царствие Небесное...
Идти путем Христовым...

Святитель Иннокентий

Дух Святой, вселяясь в человека, дает ему веру и
свет.

Дух Святой приносит с Собой истинную
любовь.

Дух Святой согревает его сердце.

Дух Святой воодушевляет человека на добрые
дела.

Дух Святой исправляет мировоззрение и
настроение человека.

Дух Святой умудряет человека.

Дух Святой дает подлинную радость и
непоколебимый мир.

Дух Святой дает истинное смирение.

Дух Святой дает истинную горячую молитву.

Иисус Христос сказал:

«Дух Святой дышит, где хочет, и глас Его
слышишь,

но не знаешь, откуда приходит и куда уходит.

Это значит, что человек способен оцущать
прикосновение

Духа Святого к сердцу, но не может
предугадать времени,

когда это произойдет...

Благодать Духа Святого – это дар Его
бесконечной милости!

*Дары же раздаются именно тогда, когда угодно
раздающему,
и только то, что угодно благодетелю. Он
установил в Церкви
благодатные средства для раздаяния
верующим Своих даров –
это Священные Таинства и богослужения
Церкви...»*

(Все совершают крестное знамение.)

Певчие

Идти путем Христовым
И с истинною верой
К великой Благодати...
Последуем примеру,
Свет истинной любви
Нам сердце согревает...
На добрые дела
Они нас вдохновляют...
Господь влечет на радость
К великой тайне Божьей...
Идти путем Христовым
По камням, бездорожью...
Во Царствие Небесное...
Спасительны страдания...
Господь нам лечит души
Церковным послушанием,
Полезными согражданами,
И добрыми христианами,
И верными супругами...
Мирскими прихожанами...
И с чистою любовью,
И с бескорыстной дружбою,
И государю службою...

Во Царствие Небесное...
Идти путем Христовым...
Идти путем Христовым...
Другого пути нет!

(Богослужение завершается общей молитвой.)

Святитель Иннокентий

*«...Все учение Иисуса Христа заключается в том,
чтобы мы
покаялись, веровали в Него и имели к Нему и ко
всем людям
любовь бескорыстную, чистую... чтобы*

*действовать на сердце,
надобно говорить от сердца, от избытка, бо
сердца уста глаголют.
И потому только тот, кто исполнен и
избыточествует
верою и любовью, может иметь уста и
премудрость,
ей же не возмогут противиться сердца
слушающих...»*

(Совершает крестное знамение.)

Гончаров

Якутов это тронуло событие –
Божественное слово на родном языке.
Старейшины Владыку с почетом попросили
Сей день считать особым отныне на земле.
Богослужбных текстов святые переводы
Свершили в душах грешных большой поворот.
И на земле якутской умножились приходы,
Пошел за православием народ.

*(Собравшиеся выходят из церкви во двор,
прощаются перед отъездом в Санкт-Петербург.)*

Гончаров

Прощай, Якутия, край вечной мерзлоты.
Прощай, богатства край и нищеты!
Сюда, за тридцать земель,
Не каждый доберется зверь.
Здесь песню звонкую поет,
В ком слово Божие живет.
Здесь трудно несть церковный сан,
Я в этом убедился сам.
В Якутии и на заморских континентах
Народ чтит имя – Иннокентий.
Якутии небесный покровитель –
Отец духовный для своих пасомых.
Навстречу ему души отворите,
Апостола живого возлюбите!

Святитель Иннокентий

Но полноте, пора и вам в дорогу,
Гости мои дорогие.
Господь в пути не оставит!
Ступайте с Богом!

(Путешественники отправляются в путь.)

¹ Командующий объединённой эскадрой союзников английский контр-адмирал Прайс застрелился на глазах у экипажа английского флагманского фрегата в самом начале боя за овладение Петропавловском.

² Первый договор о дружбе и торговле между Россией и Японией, известный как Симодский трактат, был подписан в городе Симода 7 февраля 1855 г.

³ Судовым священником на фрегате «Паллада» плывал знаменитый архимандрит Аввакум.

⁴ Указание пути в Царствие Небесное // Святитель Иннокентий, просветитель Америки и Сибири. Т.1-2. М.: Издат-во Московской Патриархии РПЦ, 2012. С. 103–104.

⁵ В Иркутском кафедральном Богоявленском соборе 11 апреля 1854 г., на заурени отец Иннокентий вместе с

архиепископом иркутским Афанасием читали Евангелие на 11 языках.

⁶ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. Изд. 3-е. Т.2. СПб.: И. И. Глазунов, 1879. С. 519–522, 533.

⁷ Святитель Иннокентий 1 декабря 1845 г. открыл Ситхинскую духовную семинарию (первое учебное заведение такого уровня на восточных окраинах Российской империи) на базе созданного им ранее духовного училища в Ново-Архангельске.

⁸ Речь о сочинениях Святителя Иннокентия «Указание пути в Царствие Небесное» и «Мифологические предания колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки».

⁹ Мф. 22, 37; Мк. 12, 30; Лк. 10, 27.

Надежда РАЗУМОВСКАЯ

ОТЕЦ АКАКИЙ

Осенним вечером вернулась с дачи в состоянии абсолютной усталости, пробежалась по программам – что можно наконец-то посмотреть, лежа в постели, впервые за пролетевший суетливый день. Скользнувший по косою взгляд зацепился за строчку «Старцы» на канале «Культура» и очень позднее время показа. Что-то подсказало – нужно непременно посмотреть. Чтобы не уснуть в ожидании передачи и не пропустить ее начала, прибавила громкость и занялась уборкой квартиры, бегая из комнаты в комнату, в ванную, в кухню, влажной тряпкой протирая пыль.

На услышанное: «Грузия, Мцхета, 1984 год, отец Гавриил Ургебадзе» – я рванулась к телевизору и почти что прильнула к экрану. Удивлению от увиденного не было предела! Крупным планом в монашеском облачении на меня смотрел старец, с которым я познакомилась когда-то во время паломнической поездки в женский монастырь Самтавро. Общение тогда было очень кратким, и я в силу своей молодости не могла понять по-настоящему суть этого монаха. Неадекватное поведение бросилось в глаза, как только он вышел из алтаря и размашистой походкой направился ко мне, одиноко стоящей посередине пустого храма. Тут же в мыслях возник большой вопрос – то ли юродивый, то ли монах такой необычный? После благословения завязалась беседа. Затем, спустившись со ступенек, он предложил выпить вина и развлечься, кивая в сторону своего жилища (как оказалось, он всех испытывал таким образом). Я ответила достаточно строго и даже грубо, мол, не за этим приехала. Приняв серьезный вид, монах Гавриил сказал измененным голосом: «Хочешь иметь духовного отца здесь (в восточной Грузии) – не найдешь. Поезжай в Сухуми, в Кафедральный собор к отцу Акакию... Скажи от меня – от отца Гавриила. Он будет тебе настоящим духовным отцом.» Я немного расстроилась, ведь мне хотелось иметь духовника неподалеку от духовной матушки Олимпиады (в миру Ольга Алексеевна Газарова). Она была схимницей, игуменьей женского монастыря святой равноапостольной Нины в Бодби и являлась моей наставни-

цей на протяжении нескольких лет. Мы поддерживали переписку и, кроме того, я ездила к ней и подолгу жила у нее в келье на втором этаже старой ветхой часовни, затем в старом доме русских князей, куда она была переселена. Там я помогала по хозяйству в монастырских делах сестрам. Они охотно делились со мной рассказами о своих судьбах, приглашали в свои кельи на чай. Священнослужители, включая епископа Афанасия, были слишком добры, внимательны по-дружески и относились ко мне почти как к равной, а это меня смущало. И однажды, собрав дорожную сумку с немудреными вещами, я отправилась в столицу Абхазии.

Все это вспомнилось мне, когда я продолжала смотреть передачу о житии удивительного старца.

«Еще в раннем детстве, – рассказывали поочередно сестры Эмма и Джульетта, – наш брат Габриель, так его звали, в отличие от других детей играл не в машины или другие какие-то игрушки, а в церковь. По мере взросления из года в год во дворе родительского дома строил храм из подручных материалов. Ходил периодически на свалку, куда привозили иконы, церковную утварь и духовные книги, от которых, как от старой прялки, избавлялись безвозвратно многие в годы богоборческого режима.

Однажды из мусоровоза на лету поймал икону Иверской Божьей Матери, которая могла быть погребена под завалами, если бы Христа ради юродивый не прибежал вовремя. Он очень, как никогда, торопился в это утро, будто знал о ней. Что касается царя Николая II, точнее картиночки с его изображением, то Габриель на настойчивое предложение Эммы спрятать подальше во избежание неприятностей от безбожной власти отвечал, что царь святой и семья его тоже, что большевики истязали и измучили их до смерти противозаконно. Чистил, реставрировал находки и с любовью украшал алтарь и стены своего храма на удивление окружающим людям.

В 1965 году на первомайской демонстрации у тбилисского парламента произошел случай, – продолжала рассказывать сестра Эмма, – кто-то облил керосином портрет Ленина и поджег его со словами: «Слава не Ленину, а Господу Иисусу Христу», повторяя громко и неоднократно, проповедовал Бога. Демонстранты сначала приняли это за теракт и вызвали восьмой полк (что-то вроде спецназа в наше время). Габриеля арестовали. Нетрудно догадаться, что мы, родные, испытывали в тот момент, когда узнали, что это совершил наш Габриель, (в монашеском постриге Гавриил, постриг он принял после службы в армии в возрасте 26 лет).

Москва требовала немедленного расстрела для простого монаха. Но местная власть тем не менее заметила в нем какую-то необыкновенность и поместила в сумасшедший дом. Там юродивый претерпевал

унижения и даже мучения, но не был сломлен. Вышел из лечебницы с заключением врачей «психопатическая личность», но дух его стал еще более возвышенным и укрепленным.

Ходил по улицам Тбилиси, глядя в кувшин без дна, висевший на его шее, иногда наведенный на кого-то из прохожих со словами: «Человек без любви, как кувшин без дна».

К огромному сожалению, будущего святого не поняли тогда даже церковники – гнали из храмов и не подпускали к Святому причастию, тому, без чего он не мог жить. Юродивый ходил по селам и своими руками помогал восстанавливать церкви. Ведь денег у него не было, и даже карманы были худые.

На ночлег он возвращался домой, уединялся в своей келье, которая была в дальнем уголке его храма. Ложился не на тахту, стоящую рядом с деревянным, низким самодельным столом, а в неглубокую яму, выкопанную в земле, где спал, если это вообще можно назвать сном в таких условиях.

Метехи

«Однажды, – продолжала рассказывать Эмма, – мама в отсутствие брата решила постелить, положила для тепла и удобства подушку, но он в порыве гнева выбросил все это на середину двора. Нежиться в постели – это не про него...».

В 80-е годы отец Гавриил жил в Мцхете, в женском монастыре Самтавро. Жильем служил курятник, то есть келья среди птичьего помета. Зимой ходил босиком, в лохмотьях, ругался, кричал и особо брезгливых сестер заставлял принимать пищу из грязной посуды.

Всю страстную седмицу плакал и, как свидетельствуют очевидцы, во время молитвы поднимался в воздухе от основания на полметра и выше. Юродивый всегда твердил: «Надо питаться любовью Божественной». Отар Николашвили писал, что он был наполнен большой верой, что прозорливо Грузию видел в крови в канун 90-х лет. А еще говорил: «Мой крест – это вся Грузия и половина России...».

Умер юродивый Гавриил Ургебадзе 2 ноября 1995 года в Самтавро и там же похоронен, а 20 декабря 2012 года был прославлен в лике святых на основании многочисленных чудес, происходивших и доказывающих, как он помогал нуждающимся людям в исцелении, и вообще, по свидетельству многих людей, и усопший старец выполнял их молитвенные просьбы.

По окончании телепередачи «Старцы», придя в себя, решила покаяться при первой возможности в том, что сомневалась в истинности этого святого. Коррила себя в том, что не узнала в нем юродивого Христа ради сразу, хотя мысли такие допускала...

Включив и для себя в список святых архимандрита Гавриила Ургебадзе, я стала прибегать и к нему в каждодневных молитвах, тайно мечтать – побывать в Грузии на его могилке, несмотря на четверть века разрыва отношений между Россией и Грузией.

Ночь продолжалась, но сна не было. Водопад воспоминаний хлынул на меня. Я мысленно вернулась в то время, как я поехала искать неизвестного мне тогда отца Акакия в Западную Грузию по благословию архимандрита Гавриила. Я понимала, что встреча с ним – это важное событие, поэтому приняла случившееся не иначе, как промысел Божий...

Сухуми встретил меня неприветливо. После сильного дождя, который лил более суток, все улицы города были заполнены мутной, грязной водой. Троллейбусы и автобусы стояли, как на приколе, а легковые машины, словно разноцветные перевернутые лодки, плыли по течению. Локомотив просвистел перед отправлением поезда, отреагировав на зеленый светофор. Опаздывающий пассажир метался по воде, где было по колено, зная заведомо, что между ним и станционной платформой, расположенной на возвышенности, гораздо глубже. Я смотрела на эту картину с ужасом. Мужчина решительно поднял чемодан над головой и пошел к перрону через дорогу, скрытую под водой. Глубина – по пояс, даже джинсы не видны! «Успел, слава Богу!» – подумала я, вздохнув, когда он запрыгнул в вагон на ходу, и озадачилась тем, как мне найти кафедральный собор в таком водовороте, ведь ни одного человека вокруг.

Не успела расстроиться, как около меня, словно из воды, появился милиционер с закатанными выше колен серыми брюками с тонкими красными лампасами и предложил свою помощь. Он взял дорожную сумку и меня за руку. Другой рукой я держала приподнятый подол горохового с воланами платья, и мы медленно пошли по бескрайней реке. Кружилась голова. Добрый человек показывал на расходящиеся круги по воде. Это воронки, которые надо обходить. Есть вероятность, что колодцы без крышек или решетки, куда можно упасть. Проведя через опасную улицу, объяснил, как пройти до собора. Оказавшись одна среди водной стихии, но не без помощи Высших сил я побрела дальше, шлепая и хлюпя обувь. Промокшее насквозь и прилипшее бессовестно к телу платье не давало возможности идти быстрее. Зонт давно был сложен, так как он не выполнял своей функции. Наконец-то вышла к заветному собору. Буквально перед воротами перекрестившаяся женщина сказала, что обедня закончилась и, уверенная в том, что мне нужен ночлег, повела к себе. Александра оказалась глубоко верующим человеком. Она была похожа на мою маму в том, что выписывала изречения из священных книг в двухкопеечные тетради в линейку, которых была целая стопка, и даже почерк точь-в-точь как у мамы – размашистый. Она много и усердно молилась и принимала паломников совершенно бесплатно, как говорится, ради души. Она полюбила меня всей душой. Забегая вперед, скажу о том, что она получит вскоре новую квартиру, о чем сообщит мне и

пригласит переехать в Сухуми с предложением прописать на свою жилплощадь... А через полгода я узнаю от общих знакомых, что она умерла от рака, успев принять схиму и новое имя Мария.

Итак, будущая схимница показала мне отца Акакия. И как он мне тогда не понравился! «Мне бы лучше вон того или этого или...» – думала я. Одним словом, проигнорировала благословение юродивого Гавриила. И к батюшке не пошла.

В соборе организовалась хорошая компания из паломников петербуржцев, москвичей. Мне предложили другую квартиру за символическую плату, где нам было бы удобнее собираться для поездок по святым местам в окрестностях Сухуми. Ездили на могилку Иоанна Златоуста, третье обретение честной главы Иоанна Крестителя, на источник великомученика Василиска в Каманы и т. д. Но на новой квартире произошло искушение такое, что оставаться там не было ни малейшего желания, и я невольно пошла к отцу Акакию и рассказала, как из-за

неприязни к его личности хотела избежать того, зачем ехала в Сухуми.

Отец Акакий выслушал мое искреннее раскаяние молча. Он вообще был немногословным, поскольку общался больше сердцем, а не языком. Потом произнес: «Будешь жить у меня» – и мы пошли под добрые шуточки батюшек: «Ладно-ладно, духовное чадо», – говорили они вслед оправдывающемуся с невинной улыбкой собрату по службе.

В притворе собора перед выходом отец Акакий обмолвился с немолодой женщиной, как оказалось, он снимал у нее маленькую комнату в двухкомнатной квартире, куда мы и пришли.

Отец Акакий немного моложе меня, но в свои 30 лет он был сильным молитвенником. Спал всего по два часа в сутки, и то зачастую в кресле. Под глазами всегда были темные круги, питался очень скромно и мало. Во всяком случае, я никогда не видела на столе мясные и не припомню – рыбные продукты. Уже в те годы он был известен в Грузии и далеко за ее пределами, как священник, который изгонял бесов из так называемых «порченных» людей, чему я была свидетелем неоднократно. Общаясь с бесноватыми, интересовалась у них – что они ощущают внутри, почему ведут себя неадекватно, кричат истошными звериными голосами и т. п.

А у батюшки спрашивала: «Почему бесноватая Евгения кричала на весь собор так, что прихожане съезились от испуга именно в тот момент, а не в другой?». Отец Акакий отвечал, что она не один раз каялась, но угаивала настолько страшный грех, о котором я никогда ранее не слышала и не могу рассказать ввиду существующей тайны исповеди, в противном случае, Господь лишит меня благодати.

...Я не унималась и обратилась к Евгению, как мне показалось, уже нормальной и даже просветленной

после исповеди. Она призналась, что именно в тот момент ее внутренние органы как будто вырывали железными когтями, и она испытывала нестерпимую боль. А шла на коленях, затем ползла к аналою на исповедь потому, что не было сил. Бес, вселившийся в нее, зловеще угрожал невиданной жестокостью отмстить, хотя он и так истязал ее физически денно и нощно, склонял к самоубийству. В общем, жизнь была не мила. «Что бы я делала, если бы не отец Акакий?!» – закончила она. Я порадовалась за ее исцеление и подумала: «Спаси и сохрани, Господи, от влияния злых духов». Много душевнобольных обращались к батюшке за помощью и получали ее.

Однажды спросила у духовника: «Когда и как Вы пришли к этому на редкость сложному делу?». Он рассказал, что, когда был студентом и подрабатывал сторожем в резиденции патриарха Грузии Илии II, там же, в библиотеке, ему случайно попала очень старинная книга, если мне не изменяет память, изданная в первые века христианства, где прочитал молитвы или советы об изгнании злых духов из одержимых людей. Сделав паузу, отец Акакий продолжил: «Я подумал, если бы я умел это делать, то из жалости совершенно бескорыстно помогал бы страдающим людям... с такими мыслями прилег на диван. Вдруг услышал громкие, широкие шаги... кто-то очень большой торопливо шел от закрытой двери по лестнице на второй этаж прямо ко мне со словами: «Это ты со мной решил бороться? Ну вставай, посмотрим кто кого!». Отец Акакий замолчал и, глубоко вздохнув, стал рассказывать дальше: «Меня подняла и поставила на ноги какая-то невидимая сила, и я сразу ощутил, что мои бока сдавлены настолько сильно, что невозможно было дышать и увертываться во время борьбы. Единственно, что я видел – это полы длинного кожаного, шуршащего от движения пальто, какие носили революционеры, и кирзовые сапоги. Я понял, что мне эту силу не побороть, и мысленно возопил о помощи к почитаемой чудотворной иконе Божьей Матери, которая находилась в киоте у входа в Сионский кафедральный собор. После этого почувствовал, что освободился от нечистого духа и услышал торопливо удаляющиеся шаги в сопровождении зычного голоса с угрожающими словами: «Я еще приду, готовься!» – Тогда я сделал вывод, что нельзя показывать испуг перед врагом рода человеческого, чести много будет, а с помощью Божьей можно победить даже целый легион!».

Немало душеполезных наставлений, которые делались не столько языком, сколько сердцем и образом жизни отца Акакия, а также чудес связывали нас духовно. Всего не описать – несколько томов получится, а вот опытом сердечной радости, испытанным

впервые во время благословения, хочется поделиться. А было это так...

После длительной исповеди на дому (примерно два с половиной часа) он физически занемог, да так, что лег на кровать в своей комнате, а меня заставил дочитать молитвы вслух у его изголовья. Когда я закончила, духовник спросил меня: «Надя, не знаешь, почему я так обессилен, даже не могу стоять?» – «Знаю, – моментально ответила я и добавила: «Если бы Вы знали, как я летаю сейчас – земли не чувствую, словно горы с плеч сбросила». Это и понятно – тяжесть моих грехов взвалить на себя...

После всенощной мы с Анастасией уснули. Батюшка, как всегда, молился, а рано утром разбудил на обедню. Сказал, что он уже помолился, когда я подошла под благословение, сложив соответственно руки и опустив смиренно голову. Что было со мною в миг, когда от его ладони через темечко прямо в сердце побежал такой горячий ручей! Чувство, слегка похоже на взывавшего младенца в материнской утробе, но перенесенное в область сердца. Нет таких слов, которыми можно было бы объяснить это неземное чувство радости, происшедшее в каком-то неведомом

свете. Не знаю, но казалось, что целую вечность я пребывала в этом несказанном состоянии. Вспомнилось, как мой дедушка, инок Силуан, говорил: «Да разве это радость? Когда мы выражали это чувство, по какому либо поводу – есть радость сердечная, неопишная человеческим языком и несравнимая ни с чем в мире. Счастлив тот, кто хоть один раз ощутил ее». Мне повезло это испытать и не один раз рядом с батюшкой, и не только... Он просил меня убедительно не грешить, чтобы радость сердечная не покидала. Но, увы, как этого добиться?»

Перед моим отъездом отец Акакий все-таки наложил на меня епитимью – наказание для духовного врачевания за утаенный грех, отстранив от потира, когда я подошла к Святому причастию. Я разрыдалась на весь собор. После окончания литургии батюшка подошел ко мне и, сжавшись, сказал: «Не плачь, если хочешь, я тебя причащу... только успокойся». Я отказалась, потому что знала – наказание справедливо. Тогда, до принятия Святых даров, я подумала: «Если этот скрытый грех действительно большой, то Сам Господь, ведь Он сердцеведец, отстранит меня от Таинства устами священника». Так и случилось. Неслыханная дерзость перед Богом! Я попросила батюшку молиться за меня в течение предстоящего года, чтобы не впасть в отчаяние, а летом обещала приехать причаститься. На что он охотно согласился.

Началась желанная переписка. Несмотря на большое расстояние, я ощущала его неустанную молитву о моей душе и благодарила Всевышнего за такой по-

дарок мне, недостойной, в лице такого истинного духовника.

Теперь я приезжала к отцу Акакию, как к самому родному и близкому человеку. Прихожане в соборе тепло улыбались, перешептываясь, мол, чадо из России, когда мы обнимались при встрече. У духовника произошли изменения в жизни. Он обрёл собственный дом, чудесным образом доставшийся ему от владелицы, уплывающей в Калифорнию. Отец Акакий был абсолютным бесребреником и на понравившийся дом у него не было материальных средств. Но Господь устроил так, что его никто не смог купить, и батюшке было предложено переселиться в него на все готовое – и мебель, и сад, и большой погреб со всевозможными заготовками.

В очередной приезд отец Акакий дал письмо, написанное мной и, усаживаясь в кресло, сказал ласково и в то же время повелительно: «Читай!» Я, как дитя, нехотя сопротивлялась, при этом, улыбаясь, говорила: «Ну, батюшка, я же писала это письмо еще перед Пасхой» – разворачивая двойной тетрадный листок с моим почерком. «Ну и что, все равно читай» – не угомонялся батюшка, прикрывая глаза.

Матушка Людмила (которую когда-то отец Акакий буквально вымолил за четыре часа у Всевышнего на святом месте, где пересеклись их судьбы) была необыкновеннойстройной красавицей греческих кровей и носила тогда под сердцем четвертого ребенка. С ними еще жила ее племянница 12 лет, помогавшая справляться с тремя младенцами и по хозяйству. Матушка была тоже глубоко верующей, и особенной. Во всяком случае, когда пропала ее мама и ее не могли найти, то Людмила пустилась на поиски в горы, где предполагала отыскать подвижницу в любимом занятии – молитвенном уединении. После нелегких поисков, наткнувшись на череп, она почувствовала наитием Свьше, что он принадлежит именно ее матери.

Близилась лихие 90-е годы. В Абхазии было неспокойно. По улицам Сухуми передвигались танки. Этот мой приезд был коротким. Отец Акакий с грустью произнес: «Наступает время, когда мы не сможем видаться и даже переписываться, а чадо не должно жить без духовного отца...» – потом вздохнул и с едва заметной улыбкой продолжил: «Отцу Никону что ли тебя отдать?». После продолжительной паузы, во время которой я съезжилась от предстоящего решения, он, глядя в глаза, произнес тихим голосом: «Если бы ты знала, как не хочется тебя никому отдавать...». Я с удовлетворением выдохнула и подумала: «Как хорошо, мне никого-никого не надо, ведь отец Акакий дал мне столько за это время, сколько не дали все вместе взятые до него... Пусть сама Матерь Божия окормляет, ведет меня по молитвам моего духовника».

...Батюшка вызвал такси, отвез меня на вокзал и посадил на поезд «Сухуми – Тбилиси», предваритель-

но по-отечески благословив. Я поблагодарила его за гостеприимство и попросила не обижаться за то, что отказалась от предложенных денег в дорогу, зная о весьма скромном семейном достатке.

В почти пустом от пассажиров вагоне вспоминала беседы в ночном саду за столом под мандариновым деревом о последних временах и напутственные, пророческие слова отца Акакия, которые, кстати, сбывлись сразу же, как только я приехала в столицу восточной Грузии. Думала о предстоящей поездке в монастырь Святой Нины, как позже оказалось – последней, чтобы навестить матушку Олимпиаду. Стук

колес разряжал непривычно тихую и тревожную обстановку. У выхода в тамбур находились солдаты, вооруженные автоматами и даже пулеметами для обороны в случае нападения. И так по всему составу – больше военных, чем пассажиров. Конфликт между Абхазией и Грузией достиг своего апогея.

Я никогда не предупреждала матушку Олимпиаду о своем приезде, чтобы не беспокоить заранее, но она, к моему удивлению, обычно уже стояла у ворот низкой, недостроенной ограды и тянула четки – длинные, почти до земли. На вопрос: «Что Вы здесь делаете?» – отвечала: «Тебя жду». «Так я же не сообщала о приезде!» – «Мне ангел сказал». Вслед ее словам вторил епископ Афанасий, вы-

ходящий из часовни, говорил с грузинским акцентом: «Матушка, что я говорил утром а? – Надико Дунашвили сегодня приедет». Так он ласково называл меня. Матушка подтверждала его слова и вела в свою келью.

...На этот раз было по-другому. Предчувствие о том, что не все в порядке уже витало в мыслях, поскольку в последнее время не было писем. Ускорив шаг, я побежала по ступенькам в старинный дом русских князей, где матушка жила уже несколько лет в просторной и светлой келье. Сердце, к сожалению, не ошиблось. Передо мной лежала обездвиженная игуменья и ее кормила с ложечки горячими щами пожилая грузинка, жившая по-соседству, за оградой монастыря. Матушка смотрела на меня, как ребенок, беспомощными глазами. Едва сдерживая слезы, я поцеловала ее и погладила, предложила свою помощь вплоть до переезда к себе, в Ульяновск. Она отказалась движением головы. И это понятно, а остаться подольше, поухаживать за ней не было возможности. Удрученная этим печальным событием, я вернулась в Россию. Вскоре матушка Олимпиада отошла к Господу...

* * *

Проходили годы. Я внимательно вглядывалась в лица, случайно встречавшихся кавказцев, иногда заводила разговор, чтобы хоть что-то узнать об отце Акакии. Однажды на рынке покупала ветку лаврового листа, интересуясь между прочим – откуда привезли. Узнав, что из Сухуми – обрадовалась, пока не получи-

ла ответ от продавца: «Знаю про Акакия, слышал, но мы всех православных священников порезали, никого не выпустили из Абхазии живыми». «Странно, подумала я, сердце не соглашается с этим злым высказыванием. Хотя кто знает... Но ведь у Бога все живы», – и продолжала поминать батюшку в молитвах о здравии.

Несколько лет спустя, я, что называется, поправляла свое здоровье в сочинском санатории «Актер». Оттуда поехала на экскурсию в Новоафонский монастырь, где неоднократно бывала раньше. Там обратилась к старенькой монашке, прислуживавшей у кануна – знала ли она отца Акакия и какова его судьба. Она поспешно ответила: «А как же, кто его не знал?» И, слегка понизив голос, полупшепотом продолжила: «Он ведь грузин и его выслали в свою страну после известных событий, а куда конкретно, не ведаю». Я с облегчением подумала: значит – жив, слава Богу!

Когда у меня появился ноутбук с Интернетом, я стала смотреть на любимые места в Грузии, с трудом узнавая их. Пыталась найти батюшку, но тщетно... единственно, что прочитала заметку, что у некоего отца Акакия в Тбилиси попугай читает молитвы. Тогда всем своим приятелям сказала, что только у моего батюшки может быть такая чудесная птица. И желание встретиться с ним преумножилось. А когда моя сестра, игуменья Иоанна, побывала в Грузии и прислала фотографию с видом могилки моей Олимпиады, то посетить ее стало пределом моих мечтаний. Позже матушка Иоанна подарила мне серебряный браслет с Иисусовой молитвой на грузинском языке, которым благословил ее патриарх Илия II, с которым ей довелось встретиться и беседовать. Она передала браслет мне, зная, что я буду дорожить им, вспоминая службы в Сионском соборе.

Позже увидела сон – будто духовная матушка, моя Олимпиада, с сияющим лицом идет навстречу ко мне по брусчатой площади в Сергиевом Посаде, минуя моих, уже покойных, родителей, которые стояли неподалеку у монастырской стены. Подошла ко мне, мы крепко обнялись, и она с любовью прижалась к моей щеке... Этот сон стал предвестником того, что мечта осуществима, причем в ближайшее время, и я стала жить в предвкушении поездки в Грузию.

А вскоре я узнала, что отец Акакий служит в Метехи¹ города Тбилиси. Это центр, хорошо мне знакомый. Все большее волнение охватывало мое существо, когда я открывала книги с цветными фотографиями грузинских памятных мест, приобретенные в те далекие годы.

¹ Метехи – исторический район в Тбилиси на высокой скале, нависающей над берегом реки Куры.

И вот я еду поездом, потом лечу самолетом только не в Тбилиси, а во Владикавказ, Беслан, поскольку четыре рейса были отменены ввиду санкций, объявленных России грузинскими властями. Паломническая группа была очень маленькой – мы с младшей

сестрой Любой и семья из трех человек, что доставляло немаленькое удовольствие.

В аэропорту нас встретил водитель джипа, куда мы сели и поехали к грузинской границе через Чечню и Северную Осетию. О том, что будет беспокойно, мы были предупреждены еще представителями турфирмы. Чем ближе, тем медленнее продвигались, и так в течение трех часов. Во время прохождения тщательного осмотра и контроля на заданный вопрос: «Зачем едете?» – Люба, поспешно перекрестившись, ответила: «Чисто по святым местам». Нам поверили, и наконец-то – мы за границей, где нас ожидал другой джип и водитель.

Разместившись удобно, мы облегченно вздохнули. Открылась дверь, и перед нами предстал гид Александр. Он носил бороду и усы, которые были сильно поседевшими. Ему было 62 года. Мы не переставали удивляться его эрудированности, знаниям истории,

в частности, православия в Грузии. Александр работал в главном музее города Тбилиси и принадлежал к элите грузинской интеллигенции. Итак, нас повезли в Казбеги. Позади Верхний Ларс, вооруженные солдаты с натовскими эмблемами на униформах, а впереди названия населенных пунктов на грузинском и английском языках вдоль всей Военно-Грузинской дороги, единственной, ведущей в столицу Грузии. На ночлег устроились в гостиницу и перед сытным и очень вкусным ужином были ознакомлены с планом паломнической поездки. Я периодически встревала в разговор, перебивая гида, о том, что меня интересовало больше всего – спрашивала об отце Акакии. «Если Вы имеете в виду того пожилого,

который изгоняет бесов в монастыре Метехи, то мы там непременно будем. Я лично по просьбе знакомых привозил к нему такую болящую, – и, углубившись в воспоминания, продолжил: – Что она вытворяла! Невозможно было смотреть на тот ужас, я вышел из храма», – закончил грустно Александр.

Утром мы поднялись на вершину горы Казбек, где была церковь Святой Троицы. Ехали на джипе, так как были ограничены временем, и восьмичасовой поход – это не про нас. Восхитительная красота Кавказа с его чистейшим воздухом вызывали бурю нескрываемых эмоций. Как положено: поставили свечи, подали записки с именами родных и близких, набрали из целебного источника воду и спустились по серпантинной дороге назад.

За нами приехал другой джип и другой водитель Гела – высоченный, красивый здоровяк. В виртуозности его вождения по бездорожью в горной местности мы еще не раз убедимся впоследствии. Ведь он будет с нами несколько дней. Много церквей, монастырей объехали. Познакомились с иконописцем – другом гида Александра и его творениями, побывали в Мцхете дважды, где приложились к мощам святого Гавриила Тбилисского в Самтавро, о чем я тоже очень мечтала. Личное знакомство с ним живым – согласитесь, дорогого стоит! Маленькая обаятельная монашка, превосходно говорящая на русском языке, прове-

ла замечательную экскурсию в музей этого святого. Запечатлелись в душе и Джвари, и Светицховели, и Канда, где молитвенные песнопения совершаются на арамейском языке, на котором говорил Сам Спаситель. И мужской монастырь Давида Гориджийского, находящийся в отдаленной от цивилизации безводной пустынной и в труднодоступной местности, поэтому часть пути приходилось проходить пешком, так как джип не мог преодолевать некоторые подъемы. И могила А. Грибоедова, и много другого интересного было на пути, но мне не терпелось увидеть того, чего желала. Вдруг я оживилась, когда гид под вечер сообщил, что сейчас направляемся в Бодби. Время словно взорвалось и остановилось, хотелось молчать. Как встретит меня так любимый некогда монастырь цминда Нино, найду ли могилку матушки Олимпиады, ведь надписи на плите исполнены на грузинском языке, сколько времени будет отведено для этого? Эти и другие вопросы стали беспокоить меня все больше.

Гид Александр, проявлявший к нам большой интерес ранее, стал скупее на внимание и ответы. Причиной явилась ее величество политика. Приходилось отстаивать честь России... чуть ли не с пеной у рта, как говорят в подобных случаях, и не один раз, к сожалению. Хотя мы были предупреждены – не дискутировать на эти темы, но как молчать, когда либералы считают нашу страну врагом номер один? И главное все всегда сводилось к этому – и в машине, и за столом, как мы не просили, образно выражаясь, обходить острые углы, чтобы не оскорблять патриотические чувства друг друга, бесполезно!

Сейчас я сидела на переднем сиденье рядом с водителем Гелой и мы беседовали на общие шоферские темы. Между тем я жадно всматривалась в названия населенных пунктов. И не напрасно. Когда я поняла, что Гела не собирается поворачивать направо согласно указателю на английском языке «Бодби», я остановила его, понимая, что отвлекся и едет туда впервые. Мы поменяли направление, предварительно заправив джип бензином на АЗС.

Нас встретил совершенно обновленный монастырь, таким я его видела в Интернете. Изменения были настолько велики, что еще тогда закрались сомнения в душу – не ошиблась ли я в поиске. И только по узорам на царских воротах в храме и поврежденному лику Матери Божьей на большой иконе скальпелем хирурга-атеиста, когда-то проводившего операцию на ней, вместо стола прежнее недоверие развеялось.

Я, затаив дыхание, искала глазами огромное, раскидистое дерево грецкого ореха, где мы трапезничали за длинным столом с прихожанами, матушкой Олимпиадой и епископом Афанасием после каждой литургии. Подошедший гид послал нас на источник срочно, чтобы успеть до закрытия купальни. Все полтора километра были обустроены каменными ступеньками и перилами. Обратное поднимались с передышками, так как источник находился глубоко под горой. Вспомнилась обычная извилистая тропка, по которой я бегала когда-то в ранние часы и не только, а также большая черепаха, испугавшая меня однажды шорохами сухой листвы. Тогда ходили слухи, что в тех местах появилась подозрительная личность, и было небезопасно. Легкая ностальгия по прошлой простоте коснулась краешка сердца, но я не пожале-

ла об этом, ведь немощные люди могут отдохнуть на скамейках, которые часто встречаются на затяжных, крутых подъемах.

В иконной лавке приобрели свечи, иконы, приложились к скромной раке с мощами святой равноапостольной Нины, и я обратилась к Александру с просьбой помочь найти могилу матушки Олимпиады. На что он отреагировал весьма возмущенно, сославшись на нехватку времени, необходимость ехать в Сигнахи устраиваться в гостиницу и т. д. Решительно вступилась Люба. «Надежда ради этого ехала сюда, – твердым и повышенным тоном заявила она, – и пока не посетим могилку, никуда не поедем!». Александр стал оправдываться, но все-таки по моей просьбе он отвел меня на территорию, где жили монашки. Я буквально подбежала к двум, идущим навстречу, и выпалила о своем желании. Одна из них мгновенно сбросила мешок с плеча на траву, и мы пошли быстрым шагом на кладбище, находившееся неподалеку. По дороге рассказала вкратце о том, как я связана с этим святым местом, и узнала, что предыдущий архиепископ Афанасий четыре года, как почил в Боге. Вот и могилка... она была с краю, второй по счету... не надо рассказывать, что я испытала, когда припала к плите с грузинской надписью. Потом мы заметили маленький крест из лозы винограда, воткнутый у подножья, подтверждающий игуменство матушки.

В Сигнахи ехали молча... всего-то четыре километра... если бы не группа, то я бы задержалась здесь как можно дольше. Раньше я, имея послушание по благословию матушки Олимпиады, ходила в этот маленький городок за продуктами. С такими сердечными сокрушениями я села за ужин, где было объявлено, что утром мы возвращаемся в Тбилиси, посетим в числе разных храмов и Метехи, а в конце – Государственный музей.

На сердце необычайно волнительно... сбудется ли мое главное желание и многолетняя мечта – встреча с отцом Акакием? В гостинице не спалось.

И вот мы снова в Тбилиси... поднялись по извилистым, крутым ступенькам и через боковую дверь вошли в старинный храм. Едва переступив порог, я остановилась, когда увидела батюшку в светло-жемчужном подряснике. Сердце стучало так, что казалось даже стенам слышно. Священник сразу повернул голову в мою сторону и, задержав взгляд на мне, медленно принял прежнее положение. Он сидел на стуле около алтарной двери. Весь седой, как мне описывали его внешность. Я стояла в застывшей позе, как соляной столб, едва переведя дух и не выпуская его из поля зрения. Батюшка, немного погодя, снова посмотрел на меня уже более внимательно и также отвел голову. Он, не он? Ну, конечно же, он! Кинуться бы к его ногам, да не тот момент... прихожане идут к амвону причаститься под песнопение: «Тело Христова примите, Источника бессмертного вкусите...» – на грузинском языке. Сегодня праздник святого исцелителя Пантелеймона – весьма почитаемого среди христиан. Батюшка в третий раз достаточно долго посмотрел на меня... духовная связь, хоть и незримая, но дает о себе знать. Когда причащающий священник со Святыми дарами зашел в алтарь через Царские ворота, гид Александр подошел к отцу Акакию и заявил обо мне, после чего я, словно на крыльях, подлетела к нему и, встав на колени, попросила благословения.

Я собралась с мыслями и сквозь слезы стала быстро излагать – кто я, откуда... Проникновенный взгляд на одухотворенном лице батюшки, казалось, ничего не выражал, он таким был и раньше, в молодости... только сейчас стал более глубоким, умудренным... такое ощущение, что я говорила с живой иконой. «Помните, я жила у Вас в Сухуми много лет назад сначала на квартире у Анастасии Канивец, потом в Вашем доме... как мы переписывались? Ну, помните... помните, что меня отец Гавриил Ургебадзе из...».

«Ну, конечно помню – из Мцхеты Вас послал ко мне юродивый, а сейчас прославленный в святых», – впервые перебив, подхватил отец Акакий, видя мое отчаяние, и продолжил: «Все помню, я всегда за Вас молился и очень скучал...».

Кто бы знал – что значили эти слова для меня! В слезах от радости я целовала его руку, которую не выпускала из своих ладоней с момента благословения. Снова и снова прикладывалась к ней щекой и впервые обратила внимание на то, что она была не только легкой и послушной, но еще какой-то необыкновенно-белой, даже с оттенком февральского снега.

«Я тоже за Вас молилась», – не прерываясь, рассказывала, как пыталась узнать, найти и т. д. «Слава Богу, что вы живы и в полном здравии».

Отец Акакий спросил: «Сколько у Вас времени?» «К сожалению, – ответила я, – всего минут десять, меня ждет группа». «Нам нужно возобновить связь», – поспешно проговорил он. Я согласно кивнула и протянула книгу с закладкой на странице, где посвятила ему свое стихотворение. О том, что я занимаюсь творчеством, он не знал.

«А что касается Анастасии, то она переехала из Сухуми вместе с нами и живет здесь, в женском монастыре», – приятно удивил меня батюшка. Я попросила передать ей нижайший поклон и благодарность и что сохранила самые теплые, неизгладимые воспоминания о ней.

А на вопрос: «Как Ваша матушка-красавица?» – батюшка, улынувшись, сказал, что она здесь и находится около церковного хора, указав рукой. Ну надо же, счастье-то какое, мне так хочется с ней обняться и, приложившись к его руке еще раз, вскочила с колен и направилась искать Людмилу быстрыми шагами, насколько это возможно среди молящихся. Ее удивительное, по-прежнему красивое лицо с широкой белозубой улыбкой будто застыло, как на фотографии, когда она узнала меня. Мы с ней тепло и неоднократно обнялись. Во время беседы – на вопрос о детях ответила, что старший сын является личным охранником патриарха Илии Второго, потом отлучилась и вскоре вернулась с подарком – диском с молитвенными песнопениями на грузинском языке. Затем подошедшая женщина спросила: «Это Вас ищет батюшка?». Мы присели на лавку, стоящую рядом с колонной. Невероятно, но я тоже была в светлой одежде, точно такого же цвета, словно договорились специально для встречи! Я передала номер своего телефона на обрывке листа. Еще чуть-чуть пообщавшись, попросила благословение в дорогу и молитв. Прощаясь, он по-отечески обнял меня нежно, как маленького ребенка, и обнять эти были какими-то не земными, а воздушными, не как раньше...

Когда-то, после канонизации архимандрита Гавриила Ургебадзе, я говорила, что не удивилось, если канонизируют и отца Акакия, то теперь – не сомневаюсь в этом ни на йоту, зная его с молодых лет и тем более убедившись в его особенностях сейчас... просто дело времени. Но, конечно, на всё воля Божья.

Я покидала Метехи с грустью и одновременно с воодушевлением. Все происшедшее казалось сном, который заканчивался, и не хотелось просыпаться. Когда я вернулась в реальность из того состояния, то со мной была невидимая, но осязаемая рука моего батюшки... и будет еще не одну неделю, хотя тогда я не подозревала об этом...

Паломническая поездка по Грузии завершалась. После прощального завтрака гид Александр обнял меня, прижавшись своей мягкой бородой к щеке, и попросил прощение за инцидент в связи с поиском могилы матушки Олимпиады, объяснив тем, что не понял моей просьбы. Мы простились по-христиански.

По дороге в Россию случились неожиданные неприятности – поломка джипа, и то, что в него врезался белый «жигуленок» во время прохождения контроля на грузинской границе, и встали на пути горячие кавказцы с ружьями возле нас, связанные с этой аварией. Тем не менее я была спокойна, как никто, и уверена, что в аэропорт на самолет успеем, собственно, как всегда удачно, я уезжала из Грузии. Ведь со мной было благословение моего батюшки – истинного молитвенника. По этому поводу вспомнила эпизод, как трудно было уехать из Сочи в советское время... Душный вокзал был переполнен пассажирами с маленькими детьми, отдыхающими прямо на полу. Я подошла к кассе и спросила: «Нет ли одного билета?». Кассир ответила положительно и протянула мне проездной документ взамен денег. Что тут началось! Озлобленная очередь готова была разорвать меня, но кассир громким голосом остановила: «Что вы на нее кричите, место на этот поезд было с восьми часов, но вы никто не выкупили его!». Ну надо же, именно в это время отец Акакий благословил меня в дорогу, успокоив, чтобы я не волновалась и не сомневалась в своевременном отъезде.

Вскоре, возвратившись из паломничества, я получила от отца Акакия поздравление с Преображением Господним. Поблагодарив и взаимно поздравив, я спросила: «Правда ли, что Ваш попугай читает молитвы? – на что он тихо рассмеялся и ответил: «Да это было чудо для вразумления всех, кто был тогда в нашем доме, в том числе и для меня». Мы продолжали общаться еще какое-то время. Я, как ребенок, радовалась несказанно, ведь связь между нами воистину возобновилась.

Грузия всегда была родной моему сердцу, но сейчас после встречи с отцом Акакием стала еще роднее и ближе, несмотря на политические несогласия. Она и Россия, как сестры – разные внешне, но родные по Духу, по православной вере, а это самое главное. Уверена, что наступит момент, когда они обнимутся искренно и больше не расстанутся вплоть до Второго пришествия Спасителя. Как сказано в Писании: «Где двое или трое ради Меня там Я среди них». Так и будет!

Надежда РАЗУМОВСКАЯ

АУ!

Ау! Тбилиси, незабвенный...
 Ау! Арагви и Кура...
 Вы где? Звучит по всей Вселенной
 Мой голос с самого утра.

Ау! Сиони мой и Джвари,
 И монастырь цминда Нино,
 Святой источник, где Отарий
 Благоую Весть читал давно...

На камне, как на гильотине,
 Там василиск был усечен.
 Из скальной трещины и ныне
 Вода бьет речкой – не ключом.

Нам камень тот со дна достали,
 Чтоб приложиться, а потом
 С кровавым пятнышком искали,
 Мы гальку в память о Святом...

Ау! Сухумский духовник мой.
 Спасибо за епитимью.
 Живу, дышу твоей молитвой
 И помню исповедь свою,

А также чувство предвкушенья –
 Волнение сердца и души,
 В канун Святого Причащенья,
 Ну что есть радостней, скажи!

PS.

Ау! Кричу я в Закавказье –
 Хочу напомнить о себе,
 О том духовном, редком счастье,
 Что испытала я в судьбе.

ДУХОВНОЙ МАТУШКЕ

О.А.Газаровой

Живи, голубушка Олимпиада,
 как можно дольше, схимница моя.
 В часовне ветхой средь икон, лампадок,
 В стенах Бодбийского монастыря.

Дыши чистейшим воздухом Кавказа,
 Святой водой источника целись.
 Под звон малиновый на образ Спаса
 За грешный мир с усердием молись.

Пусть лепят гнезда в темной твоей келье,
 Как прежде, ласточки своим птенцам,
 И щебетанье – кроткое веселье,
 На раны сердца льется как бальзам.

КИПАРИСОВЫЙ ШПИЛЬ

В Алазанской долине мерцают огни,
 В небе тусклом не счесть облаков.
 Отчего так рыданья шакалов слышны
 Под тоскливые скрипки сверчков.

Отчего хорошо на веранде стоять
 Дома старого русских князей,
 Любоваться Кавказом, его воспевать
 И грустить по сторонке своей.

Где над Волгой и ветер шалит, и вода,
 Где хрустальные льются дожди,
 Где мутится рассудок от счастья, когда
 Васильки утопают во ржи.

Где в лесах колокольчики робко звонят,
 Но их слышно за горным хребтом...
 Будто к всенощной в храм зазывают меня
 Или в верный родительский дом...

Я, конечно, вернусь в край ромашек, берез
 Насладиться его белизной,
 Зная то, что тоска будет мучить до слез
 По Иверии древней, седой...

Что поделаешь, если любовь пополам
 Разделил кипарисовый шпиль
 По российским полям и грузинским холмам
 До последнего вздоха и сил...

* * *

Я приеду, Вахтанг Горгассали,
 На твой берег крутой над Курой.
 Земляки о тебе написали,
 Что скучаешь по мне ты порой.

Мы посмотрим с тобой на Сионский
 Православный грузинский собор,
 Где Илья – патриарх, словно солнце,
 Среди самых задумчивых гор.

И коня твоего великана,
 Как и сам, я поглажу... Вдвоем
 Для Вселенной всей стройно и славно,
 От души «Сулико» запоем.

Аблабар знаменитый в Тбилиси
 Говорит пусть про нас за спиной,
 Как от радости мы веселимся,
 Горгассали Вахтанг дорогой!

Валентина КОСТЯГИНА

«ЖИВУ И ДЫШУ РОДНЫМ ГОРОДОМ»

«События человеческой жизни, и общественной жизни, и частной так тесно связаны с архитектурой, что большинство наблюдателей могут восстановить жизнь нации или отдельных людей во всем их подлинном укладе по остаткам общественных зданий или изучая домашние реликвии».

О. Бальзак

Дмитрий Иванович Архангельский в автобиографии так определил тему своего творчества: «Колоритный город Симбирск-Ульяновск, имеющий богатую историю, Волга, оживление общественной жизни города – все это подсказало мне направление моей деятельности. Я стал художником – учителем и краеведом».

Изучение и пропаганда родного края – цель, которую поставил перед собой художник. Еще в 1905 году он начал делать зарисовки произведений народного творчества, изучать историю и быт народов Поволжья.

Дмитрий Иванович с художественно-краеведческими целями посещает селения губернии, фотографирует и зарисовывает старинное деревянное здание церкви в селе Ляховка Симбирского уезда, посещает далекую Проломиху и зарисовывает дом поэта и революционного демократа Н.П. Огарева. Едет в село Ундоры, где зарисовывает дом, в котором рос декабрист В.П. Ивашев.

Об одном из таких своих путешествий Дмитрий Иванович писал в автобиографии: «В Тетюшской слободе впервые меня поразила торжественная и художественная внутренняя отделка храма, как потом оказалось, построенного по чертежам Растрелли. Не оттуда ли запала во мне любовь к старине и искусству?»

Иконостас белый, с полированными золочеными колоннами, с иконами итальянской работы. Хоругви из темно-малинового бархата с золотым шитьем ручной работы и такое же облачение священника и дьякона остались также в моей памяти».

Годы с 1908-го по 1916-го для Архангельского – время особенно интенсивного роста мастерства, начала активного участия в художественной жизни города, работы по популяризации искусства.

В 1916 г. Дмитрий Иванович был призван на военную службу. Едва вернувшись в Симбирск, он с головой погружается в художественную и общественную жизнь. В 1918 г., в период разрухи и хаоса, он устраивает выставку «Художественные ценности Симбирска в акварелях Архангельского и Добрынина».

В 1921 г. вышла из печати первая книга Д. Архангельского по краеведению «Симбирская старина в графиках Архангельского», посвященная архитектурным памятникам Симбирска и губернии. В предисловии к ней художник отметил: «Желание разгадать лик «старого Симбирска», служившего в свое время оплотом от набегов кочевников и незаметно теряющего свой первоначальный вид, побудило меня десять лет тому назад приступить к зарисовыванию и фотографированию симбирской старины». «Симбирская губерния с ее «дворянскими гнездами» давно ждет своего исследователя. Предлагаемый альбом рисунков Симбирской старины является слабой попыткой в указанном направлении».

Книга-альбом состоит из трех разделов, посвященных гражданской архитектуре, церковной старине и симбирским усадьбам и включающих в себя 37 литографий. К каждому рисунку автор дает пояснение, называет имя архитектора, если оно известно, указывает, на чьи средства и чьими стараниями построено то или иное здание. Эти гравюры словно заново открывали симбирянам родной город, обращая внимание на все значительное и своеобразное в его архитектурном облике.

В 1923 – 1926 гг. Дмитрий Иванович создает графические серии «Захолустье», «Архитектурный Симбирск», «Экскурсионная графика», «Век минувший» и др. Большинство из них выполнено в технике линогравюры. В предисловии к серии «Захолустье», где наряду с архитектурой Симбирска представлены памятники его окрестностей (ныне утраченные), художник писал: «По глухим углам нашей губернии и на кривых улицах и курмышках Симбирска тихо доживают свой

век покосившиеся, позеленевшие и облупившиеся постройки «уходящего» быта. Среди них выросли неторопливые герои Гончарова, «хмурые люди» Чехова и мы сами. Посмотрим внимательно на эту страницу вчерашней истории. <...> Там наши корни. Там же начало нового».

«Впервые в 1921 г. я подошел к теме «Родина В.И. Ленина» – сделал рисунок пером дома Ульяновых», – вспоминал Д.И. Архангельский.

В конце 1920-х гг. Дмитрий Иванович начал создавать графическую серию «Ленинские места в Симбирске-Ульяновске». В архиве художника – составленные им списки акварельных работ по темам «Родина В.И. Ленина» (36 наименований) и Симбирск-Ульяновск – родина В.И. Ленина» (46 наименований). Лучшие листы хранятся и экспонируются в крупнейших музеях страны.

В 1926 г. в Казани в Центральном музее ТАССР состоялась персональная выставка Д.И. Архангельского, на которой экспонировалась 101 работа художника. Во вступительной статье к каталогу выставки П.Е. Корнилов писал: «Симбирск с домами, освещенными солнцем, сменяется волжскими далями, классическим зодчеством Уфы, приземистыми, живописными церквушками Чебоксар, усадьбами и пейзажем Ульяновской губернии. Все проникнуто большой любовью, на всем чувствуется трепет и напряжение творческой индивидуальности художника».

1920 – 1930-е годы были одними из самых плодотворных периодов в жизни Архангельского. Он работает много и жадно, как будто чувствует, что город, который он так любит, может измениться до неузнаваемости. Перемены надвигались, и художник торопился оставить потомкам память о прежнем Симбирске.

Он любил свой город особой сыновней любовью. В нем ему были одинаково близки памятники архитектуры, исторические здания и ничем не примечательные, но такие уютные и обжитые домики, старые дворянские особняки и бакалейные лавочки, задворки, дворики и узенькие улочки окраин, где жили его современники. В этих рисунках столько тонких и характерных деталей, сколько не встретишь нигде и ни у кого.

«Смотришь на эти этюды, – писал А. Швер в газете «Пролетарский путь» в январе 1926 г., – и читаешь и историю, и жизнь Ульяновска. Он как на ладони. А дальше идет деревня с соломенными крышами, с про-

Дворик, 1920-1930-е гг.

селочными дорогами, мельницами и мостами. <...> В самом деле – был ли за всю историю Симбирска хоть один художник, так ярко и многоцветно отразивший в своем творчестве и город, и губернию. Нет, не было...».

Искусствовед Д. Сарабьянов очень точно определил особенность творчества художника: «Симбирск и новый Ульяновск нашли в лице Архангельского своего внимательного и трудолюбивого летописца».

Многие навек ушедшие прекрасные образцы русской архитектуры остались лишь в работах Архангельского, отмеченных сердечностью и любовью к тому, что им изображено.

И, глядя на них, невольно вспоминаешь строки из романа О. Бальзака «Беатриса»: «<...> почему в наши дни не возникают подобные чудеса зодческого искусства. Нынче прекрасные здания продаются, сносятся, уступают место новым улицам и переулкам. Никто не уверен, останутся ли его дети под прадедовским кровом, и каждый живет, как на постоялом дворе; а некогда, строя дом, трудились или по крайней мере думали, что трудятся для грядущих поколений, на вечные времена. Оттого-то так хороши старинные постройки».

В архиве Д.И. Архангельского много писем от его бывших учеников, симбирян-ульяновцев. Очень интересны и содержательны письма Михаила Федоровича Григорьева. 31 октября 1963 г. он писал:

«Дорогой Дмитрий Иванович! Принято говорить о «песенном даре» поэтов, но мне кажется, что это определение вполне применимо и к художникам. Когда я перебираю Ваши акварели, то мне кажется, что я слушаю русскую песню, то грустную, как осенний ветер, выворачивающий ключья соломы из крыши деревенской избы, то радостную, словно перезвон пасхальных колоколов, оставшийся в памяти с детства. И все это невольно вызывает «сочувствие», сопереживание, т. е. тот самый главный признак настоящего искусства, о котором говорит Аристотель в своей «Поэтике».

Не случайно наблюдается в последнее время, что если хотят выразить какое-то теплое чувство к старому Симбирску, то обязательно обращаются к Вашим работам. Может быть, это делается инстинктивно, подсознательно – не знаю. Но делается это безошибочно и совершенно правильно, будь то статья ленинградского архитектора, планирующего новый Ульяновск, будь то подборка открыток «Советского художника» или очерк в «Огоньке». Это большое заслуженное счастье, Дмитрий Иванович!

Я Вам писал как-то о том, что на досуге занимаюсь историей нашего Заволжья. В этой связи я собираю материалы от времен боярина Хитрово до наших дней. Тут мне приходят на помощь (для XIX и XX вв.) и работы Пузыревского, и Ваши.

Тем более мне радостно прочесть в вашем письме, что Вы по-прежнему не складываете своего оружия и Ваша песня о Родине звучит так же молодо и вдохновенно, как и раньше. Обнимаю Вас, дорогой мой учитель!».

Последние 39 лет Дмитрий Иванович прожил в подмосковном поселке с ласковым русским именем Родники. И сам он был как неиссякаемый родник любви к людям, жизни, искусству.

Привлекает и покоряет неизменное разнообразие интересов Архангельского. В 1940 – 1950-е годы он много работает в археологических экспедициях. Сюда привел его давний и стойкий интерес этнографа.

Он ездит в качестве художника с экспедициями в Московскую область и особенно много в Поволжье: на раскопки в древние Болгары и Чувашию. Еще в 1920-е гг. внимательно изучал Архангельский памятники древнего зодчества в Поволжье, сделал много зарисовок в Казани, Свияжске. В 1925 г. он побывал в Чебоксарах и сделал зарисовки церковной архитектуры XVII – XIX веков. Самым интересным и плодотворным моментом в изучении Чувашии Архангельский считал свое участие в двух археологических экспедициях, ор-

Пейзаж с красным домом, 1920-е гг.

ганизованных Чувашским НИИ языка, литературы и истории в 1936 г. около сел Тенишево и Яшихово и в 1948 г. в с. Большая Тояба.

С 1947 по 1956 годы Архангельский участвует как художник в археологических экспедициях Академии наук СССР. Более двухсот рисунков сделал он к монографическому труду профессора А.П. Смирнова «Волжские болгары».

Русский по происхождению художник оказался весьма чутким исследователем национальных культур Поволжья. Его можно считать одним из тех людей, благодаря которым создается и сохраняется осязаемость, материальность и жизнеспособность культурной жизни общества.

А вот душа его навсегда была отдана родному городу. «Когда я заскучаю об Ульяновске, то открываю свои папки (а их у меня много) и начинаю (и в какой раз) перелистывать акварели или графику, и словно, как и раньше, бродишь по родному городу. Ведь он у меня зарисован до мельчайших подробностей».

«Я с головой ушел в тему «Симбирск». Как хорошо по нему «путешествовать», ведь у меня огромный материал <...> Работаю упорно и с радостью, словно я и не уезжал никуда из милого Симбирска».

Дмитрий Иванович не только художник, но и исследователь родного края. Он собрал колоссальный материал, связанный с историей Симбирска, с замечательными людьми, жившими в этом городе.

А Ульяновск меняется не по дням, а по часам. В ноябре 1959 г. М.Ф. Григорьев пишет в Родники:

«<...> Сейчас в городе строится большая гостиница, знакомый наш овраг посреди города превращается в огромный стадион с каменными скамьями, расположенными в естественном амфитеатре овражных склонов, ремонтируются знаменитые «спуски», автобус из центра ходит прямо в Часовню Верхнюю по автомобильному каналу волжского моста, растут новые дома современного типа, ульяновцы уже настраивают свои телевизоры на куйбышевскую волну, а в ближайшее время в Ульяновске открывается собственный телецентр».

«Резко и необратимо меняется лик нашего Симбирска, – сообщает Григорьев в другом письме. – Буквально семь няnek вычерчивают на ватмане совершенно новый город, а мощные бульдозеры стирают с лица земли остатки старого Симбирска. В этой связи мне кажется, Вы могли бы к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина создать замечательный альбом на тему «Симбирск времен Ульяновых» или «Старый Симбирск», в котором показать город таким, каким его видел Володя Ульянов, ученик Симбирской гимназии.

Тысячи туристов со всех концов земли, посещающие Ульяновск, вряд ли будут поражены стеклянными витринами Дома торговли или колоннадой облысполкомовского здания, но, несомненно, с глубоким интересом отнесутся к зарисовкам города на рубеже XX века».

Перемены в городе волнуют его уроженцев. Так, Константин Андреевич Кабанов, бывший ученик Архангельского, известный геолог, палеонтолог, много лет посвятивший изучению родного края, в ноябре 1968 г. пишет Дмитрию Ивановичу: «<...> От земляков получаю письма с описанием реконструкции Ульяновска. Скоро, наверное, город будет совсем чужой, в котором не сразу и разберешься. <...> Вот я часто думаю, как важны и своевременны те описания прежней симбирской жизни и жизненного пути его старожилов, которые вы осуществляете. Это – драгоценный труд, по которому потомки будут знакомиться с историей города».

«У меня все прибавляется работы по Симбирску, – пишет Дмитрий Иванович дочери. – Все спрашивают, как и что было. Вот и вчера я получил письмо, мне шлют привет и хотят меня увидеть два архитектора по реставрации дома бабушки Прибыловской и дома, где прошло детство В.И. Ленина. Готовил материал для них. Оказывается, что они живут и работают в Москве, а в Ульяновск временами наезжают. Занимался я с ними шесть часов подряд. Много обсуждали, зарисовывали, расспрашивали, советовались, входили в разные тонкости архитектурных деталей. Это то, о чем я давно мечтал: многое им было интересно узнать и проверить на моем материале, многое и сам услышал и узнал по строительству».

На днях был еще искусствовед из одного издательства в Москве, отобрал акварели для воспроизведения симбирской старины. Сегодня он опять был у меня, результат такой: он с главным редактором отобрал 13 акварелей для издания набора открыток».

Художник не называет имен архитекторов, а это были главные архитекторы Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината, авторы проекта реставрации домов раннего детства В.И. Ленина в зоне строительства Мемориала Ильенко Ирина Валентиновна и Кравченко Сергей Семенович.

Набор открыток под названием «На родине В.И. Ленина» был выпущен московским издательством «Изобразительное искусство» в 1971 г. тиражом 25000 экземпляров. «За прошедшие многие годы город сильно изменился. Некоторое представление о старом уездном городе Симбирске, таком, каким его мог видеть В.И. Ленин в юности, дают воспроизведенные в этом выпуске акварели, выполненные художником с натуры преимущественно в 1920-х – начале 1930-х годов», – писал редактор во вступительной статье.

К Архангельскому обращаются за консультациями ульяновские краеведы и исследователи. В его архиве – письма от С.Л. Сытина, А.Н. Блохинцева,

д. Королевка – Заволжская Слобода Симбирска, 1920-е гг.

Симбирское подгорье, 1910 г.

Ж.А. Трофимова, Н.И. Никиотиной и многих других.

В одном из писем С.Л. Сытин передает художнику сердечную благодарность от архитекторов-реставраторов – И.В. Ильенко и С.С. Кравченко. «Многие Ваши рисунки здорово помогли им в процессе реставрации «ульяновских» домов».

Личный фонд Д.И. Архангельского в нашем музее – это яркий образец коллекции гуманитарного характера, отражающий устойчивые нравственные категории и общечеловеческие ценности Его возможности поистине неисчерпаемы.

Формированием этого фонда мы обязаны, прежде всего, Наталье Андреевне Мешалкиной – младшей внучке Дмитрия Ивановича – хранительнице огромного творчества наследия дедушки. Только благодаря ей значительная часть этого наследия получила ульяновскую прописку.

Старый Симбирск. Гостиный двор. 1918 г.

Наталья Андреевна – человек удивительный. Она с отличием окончила Московский инженерно-строительный институт им. Куйбышева, работала архитектором в Генплане в Москве, а когда настала необходимость целиком взять на своё попечение дедушку, перешла работать в пос. Родники, в зверосовхоз.

Наталья Андреевна проявила самую большую заботу и самую преданную любовь к уже больному Дмитрию Ивановичу Архангельскому, не думая о себе. Она сберегла дух дома, далекий от мелких страстей и суеты, наполненный настоящим жизненным смыслом.

С Натальей Андреевной невозможно не сродниться душой. Искреннее добродушие, отзывчивость, щедрость и непритязательность, величайшая скромность – черты характера, которые, видимо, тоже передаются по наследству.

Дом с мезонином, ул. Лисиня (К. Либкнехта)

СИМБИРСК В АКВАРЕЛЯХ
ДМИТРИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО

Церковь Спаса Нерукотворного женского Спасского монастыря. 1922 г.

Дом помещиков Родионовых, с. Вешкайма, 1910 г.

Усадьба Языковых, с. Языково, 1928 г.

Дом с мезонином, 1920-е гг.

Дом Ульяновых на Б. Московской улице (Дом-музей В.И.Ленина)

Старо-Казанская улица (ул. Красноармейская), 1920 - 1930-е гг.

Завьяловская площадь (б-р Пластова), 7 марта 1926 г.

«КРАСНОЕ И СИНЕЕ»
КАРТИНЫ ВАЛЕНТИНА БОБЫЛЬКОВА

«День рождения Венеры». 1993

«Рождение – смерть»

«Красное и синее». 1989

«Троица». 1994

«Осенний натюрморт». 1995

«Большая мама»

«Три богатыря»

Луиза БАЮРА, зам. директора по научной работе Ульяновского областного художественного музея, кандидат искусствоведения.

«КРАСНОЕ И СИНЕЕ» ВАЛЕНТИНА БОБЫЛЬКОВА

Валентин Сергеевич Бобыльков – художник, который не устает удивлять зрителя. Он смело меняет, казалось бы, уже найденный стиль, манеру, приемы, темы и сюжеты, выступая как яркий представитель поколения художников, взошедших на художественную арену в конце 1980 – 1990-х годах. Большая персональная выставка художника 2017 года – давно ожидаемое событие. В юбилейной экспозиции были представлены произведения разных лет, но без указания дат. Это лишает возможности выстроить некую хронологию творчества, проследить те или иные изменения, происходящие во времени. Зато пишущий волен по своему усмотрению выстраивать логику повествования, изредка опираясь на авторские даты в поле холста.

И все же начнем сначала. В.С. Бобыльков рано обнаружил в себе способности к удивительному искусству – умению запечатлеть мгновения жизни огромного мира, который тебя окружает, и вдохнуть в изображение собственные чувства и мысли. Об этом открытии он написал в автобиографическом рассказе «Крыло ласточки» («Симбирск». Литературный журнал, 2017, № 9). Далее была учеба в Кишиневском художественном училище, затем в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств. Педагог Бобылькова – выдающийся мастер, академик, народный художник СССР А.А. Мыльников более 50 лет был руководителем мастерской монументальной живописи, профессором кафедры живописи и композиции. Огромный опыт, неподражаемое мастерство оказывали мощное воздействие на его студентов. В 1986 году Бобыльков окончил институт и через два года оказался в Ульяновске. Начало творческой деятельности было ошеломляюще бурным. С первых лет послевузовской жизни он становится активным участником крупных республиканских и зональных выставок в Кишиневе, Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Краснодаре, Сочи. Его картины побывали в Каире и Александрии, оказались в музейных и частных коллекциях России и зарубежья.

Произведения Бобылькова, отличавшиеся особой свободой выбора тем и сюжетов, вызывали неподдельный интерес у публики, воспитанной на «правильном», идеологически выверенном искусстве. Казались непривычно смелыми изображения обнаженной натуры («Венера с зеркалом», 1996; «Леда», 1996). Уже в ранних работах, показанных на выставках в Ульяновске, привлекала светоносность живописи, присущая картинам молодого художника. Писать «белое на белом» – прием, известный своей сложностью еще со времен импрессионистов. В картине «День рождения Венеры» (1993) художник обогащает пространство холста различными способами трактовки белого – от почти прозрачной многослойной

живописи, из широких, свободных и мягких движений которой рождается Венера, до плотной, пастозной лепки, формирующей цветы в вазе, облака над головой богини.

Необычайной свежестью дышат многие, особенно ранние, натюрморты Бобылькова. Написанный в 1995 году «Осенний натюрморт» может служить эталонным примером владения всеми тайнами и премудростями живописи, восходящей к импрессионизму. Здесь тающие, мягкие, прозрачные мазки, создающие блестящую поверхность стола, сияющую плоть стеклянного кувшина, вдруг приобретают большую насыщенность красочной массой и, почти не меняя тональных соотношений, преобразуются в смятую салфетку на столе или крошечную чашечку, увенчанную серебряной ложкой. Игра фактуры, сочетания яркого, интенсивного цвета и нежнейших полутонов – мастерски примененные приемы в изображении цветов и фруктов.

Можно утверждать, что именно в жанре натюрморта особенно ярко и убедительно проявилась склонность художника к неожиданным решениям в сфере колорита, композиции, способа письма. Обратимся еще к одному натюрморту. «Вечер. Натюрморт с ирисами» (1998, УОХМ) вовлекает зрителя в созерцание противоборства и гармонии синего (стол) и желтого (салфетка). Глубокая, насыщенная оттенками синева кажется праздничной и светоносной рядом с сияющим желтым. Непроницаемая темнота фона лишь подчеркивает почти исчезающую хрупкую нежность ирисов. Золотая рыбка в бокале и лимон на синей столешнице ритмически завершают композицию. Декоративная изысканность натюрморта построена на столкновении и гармоническом сочетании крупных цветочных пятен. И этот прием уводит нас к другим берегам истории мирового искусства, к А. Матиссу, его «Красным рыбкам», к фовизму, течению в европейском искусстве начала XX века.

Эти два натюрморта 1990-х, написанные Бобыльковым с использованием столь различных живописных систем, ярко раскрывают характерные черты культуры рубежа XX-XXI веков. 1980-е вошли в историю отечественного искусства как время формирования так называемого постмодернизма, распространившегося в России на гребне перестройки, отринувшего законы и догмы официальных идеологов, не желавшего замыкаться в рамках сиюминутных социальных проблем. Осуществлялся переход к многостилевому разнообразию, художник соединяет «знаки и символы окружающей его действительности, частью которой является и художественная реальность» (О.В. Туркина).

Отныне художник свободен в выборе ориентиров. Именно свобода самовыражения, оригинальность идей – отличительная особенность современ-

ного художника. От реализма он может смело шагнуть в сферу любого эксперимента, обращаясь в поисках опоры к различным стилям и эпохам мирового искусства. Но подлинный мастер, одаренный эрудицией и широтой видения, остается ни на кого не похожим художником, создающим свою вселенную. И к таким творцам относится Валентин Бобыльков.

И все же есть одна важнейшая тема в искусстве художника, которая является традиционно академической. Центральное место на выставке занимала поразительная по сложности и многозначности образа, пронизанная божественным светом картина «Рождение – смерть», соединившая в одном пространстве холста два величайших события. На первом плане источающая счастье материнства «Мадонна с младенцем». Исполненный недетской серьезности взгляд младенца Иисуса устремлен на зрителя. Сцена «Снятие с креста», минуя временную и пространственную цезуру, разворачивается на втором плане и захватывает трагической глубиной образов Христа и Марии, с печалью и нежностью обнимающей руки сына.

Вспоминаются строки И. Бродского.

Мать говорит Христу:
– Ты мой сын или мой
Бог? Ты прибит к кресту.
Как я пойду домой?

Как ступлю за порог,
не поняв, не решив:
ты мой сын или Бог?
То есть, мертв или жив? –

Он говорит в ответ:
– Мертвый или живой,
Разницы, жено, нет.
Сын или Бог, я твой.

Из сияющего нездешнего света, рожденного сложной, подвижной фактурой живописи, возникают образы ангелов, словно ожившие фрески древних соборов. Мерцают, исчезая и вновь появляясь, золотые нимбы над головами Христа, Марии и младенца. Свет, пронизывающий поверхность холста, вовлекает сцены снятия с креста и рождества в единый временной поток, где жизнь и смерть – два мгновения вечности. Несмотря на новаторство и нетривиальность композиционного решения, в картине «Рождение – смерть» нетрудно определить обращение к классической иконографии образов. Художник размышляет о больших и важных вещах, поднимает вечную эсхатологическую проблему, для которой конец бытия есть «одновременно и переходный момент, и радостное предвестие иного, лучшего состояния мира» (А.К. Якимович).

Другие течения начала 20 века, и прежде всего европейский экспрессионизм, вдохновляли художника при создании картин «На красном кресте» (1989), «Снятие с креста». Как выразить безмерную глубину страдания во имя спасения человека? Великие художники от Грюневальда и Рубенса до Николая Ге писали сцену Распятия.... Но передать весь трагизм происходящего в яростных всплесках цвета, в динамике подвижных красочных масс, в прерывистой, мечущейся фактуре мазка – для этого нужно и мужество,

и мастерство. В небольшой картине «Снятие с креста» сложная, необычная композиция наполняет вечный сюжет новыми смыслами. Изломанное болью и страданием тело Христа в сгущающейся тьме ночи. Лики Марии, Иосифа Аримафейского и других, следовавших за Христом, перевернутые, искаженные мукой сострадания, взирают из синееющей глубины небес, перечеркнутых жесткой диагональю креста.

Музыка небесных сфер, исполненная света, слышится в картине «Троица» (1994). Широко известны образы трубящих ангелов Андрея Рублева в цикле фресок древнего Успенского собора во Владимире. Написанные великим художником в начале 15 века, ангелы возвещают праведникам и грешникам близость Страшного суда. Для кого звучит мелодия крылатых музыкантов в нашей картине? В пронизанном музыкой пространстве насыщенная лазурь ангельских одежд символизирует неземную сущность Троицы. Но перед нами босоногие бродячие музыканты, среди них прелестная молодая женщина. И чаша – символ страданий Христа – на наших глазах превращается в брошенную на пол в подземном переходе шляпу, куда сердобольные прохожие бросают монеты. Однако по-прежнему божественный свет озаряет героев, и Всевидящее Око взирает с небес.

Возможность различного толкования произведения, многозначного прочтения его смыслов – характерная черта искусства Валентина Бобылькова, сознательно стремящегося наполнить свои произведения размышлениями о современном состоянии общества, о соотношении мгновенного и вечного, о человеке и его сущности.

«Ангельская» тема вновь возникает в большой картине «Красное и синее» (1989). По пропорциям и размеру, а, главное, по лапидарности живописного строя картина напомнила знаменитое панно А. Матисса «Танец» (1910). Но сходство выявляется только в самых общих чертах. Матисс использует три взятых почти локальными пятнами цвета – красный, синий и зеленый, наш автор, как заявлено в названии картины, использует только красный и синий. Картина Матисса дышит первобытной радостью бытия. (Не случайно Матисс и его последователи получили прозвище «фовисты», что значит «дикие»). В монументальном панно Валентина Бобылькова синее и красное предстают в беспощадной борьбе и противостоянии. Синее перерождается в страшных чудовищ – монстров с лошадиными копытами и звериными головами. Красное – трепещущие крылами ангелы, низвергнутые с небес и вновь вздымающиеся для жестокой битвы с темными силами.

Картину «Красное и синее», которая открывала выставку, можно считать и духовным манифестом художника, и выражением его творческого кредо. В ней ярко выражено отношение Бобылькова к красному цвету: оно многогранно и многоаспектно. Художник выступает в качестве исследователя феномена этого революционного цвета. Если картина «Красное и синее» почти ускользает из области фигуративной живописи, то в работе «Большая мама» (2004) господствуют мощные круглящиеся линии-формы материнского тела и выявляющие эту телесность и объемность геометрические орнаменты фона. Но что особенно интересно, здесь уже не противостояние красного и синего, а гармоничное сосуществование

при колористическом преобладании красного. Синий преобразуется, насыщается светом, формируя гибкими контурными линиями образ матери, и становится темным, почти черным в четких рисунках фона. Существенным является и то, как в «Большой маме» художник пользуется и иными, нежели в монументальном панно, оттенками красного, добиваясь выразительной теплоты образа.

Насколько мастерски художник владеет эстетикой красного и всеми доступными живописцу средствами, можно убедиться, глядя на картину «Отлетел теплый день...» (1997). Музыкальная тема решена благодаря виртуозному использованию горячих тонов красного, при этом покоряют невероятная подвижность и разнообразие фактуры. Упругие формы женского тела находят ритмическое созвучие в контурах саксофона.

Иные возможности красного открываются в картине «Три богатыря». По словам самого художника, его интересовало движение цвета. На первый взгляд, не имеющая сюжетной завязки композиция, где превалирует красное, вдруг взрывается изнутри всполохами оранжевых и холодных сине-серых тонов. На наших глазах красный фон преобразуется в изображение щита, перетекает в конское снаряжение, превращается в доспехи и шлемы богатырей. Свободная форма картины обретает смысловую наполненность, узнаваемый контент. Богатырская тема появилась у Бобылькова еще в студенческие годы в замечательных по мастерству работах «Ледовое побоище» (гуашь, акварель, перо), рисунках тушью к «Слову о полку Игореве».

Могучей энергетикой борьбы наполнена картина «Поединок», где огромную роль играет колористическое решение, но в качестве доминанты избран холодный серебристо-серый цвет неба. Взятые широкой, свободной кистью, полные кипящей силы, но и предощущения смерти кони и всадники изображены в момент трагического противоборства, на исходе поединка. Художник сталкивает лица героев на фоне равнодушного солнца, бросающего свои блики на доспехи русского витязя.

«Богатыри России»

Совершенно в ином ключе тема решена в картине «Богатыри России» (2015). Мощная статуарная пластика героев напоминает классические образы В. Васнецова, М. Врубеля, И. Билибина. Художник сосредотачивает внимание на сакральном действии – преломлении хлеба. Обычай, возникший, по мнению ученых-этнографов, во времена первобытных охотников. В сознании христиан он связан с таинством евхаристии, подобен тому, как Иисус преломил хлеб во время Тайной вечери. В традициях как восточных, так и европейских народов – это символическая общая трапеза, знак примирения и любви. В картине былинная сила и мощь закованного в кольчугу воина сопряжена с одухотворенным стремлением к мирному, братскому союзу с бывшими недругами.

Весь накопленный опыт, редкостное мастерство живописца проявились в серии картин, посвященных Венеции. Удивительный, волшебный город, который берет в плен с первого взгляда и навсегда. Картина «Золотая Венеция» (2007) погружает зрителя в странный мир, где господствуют две стихии: небо, глубокая синева которого непрерывно меняет свои оттенки, и золотые громады куполов, рождающиеся на наших глазах из морской пучины. Казалось бы, здесь все – фантазия художника, созерцателя, наделенного недюжинным даром цветовидения. В Венеции не бывает столь высокой воды. И, несмотря на то, что наводнения там происходят до ста раз в год, а город всего на два метра возвышается над уровнем моря, вода никогда не поднималась так высоко. А купола собора Сан-Марко не покрыты сусальным золотом, как это делали строители русских храмов. Но удивительное дело! Даже любительские снимки, сделанные в мареве горячего утреннего солнца, вызывают ощущение сказочного, золотого сияния на фоне прохладной струящейся синевы небес. Кроме того, в картине, безусловно, отразилось впечатление, которое постигает зрителя внутри собора: сумеречный блеск мозаичной золотой смальты, выстилающей подкупольное пространство, словно выплескивается наружу, обнимая все объемы этого удивительного сооружения. Вместе с тем пропорции куполов, строгая выверенность очертаний люнет, изящество стройных готических башен и неземная легкость крылатых ангельских фигур не оставляют сомнений в безупречной натурности изображения. Однако внимательное созерцание картины ждет удивительное открытие. Известно, мозаики в люнетах собора на главные евангельские темы выполнены в 1617 – 1618 годах. Созданные в традиционных формах европейского барокко, они бравурны, многолюдны, динамичны. Бобыльков, нарушая сложившуюся очередность сюжетов, смело перетолковывая мотивы, утвердившиеся в традиции европейской живописи 16 – 17 веков, обращается к приемам православного иконописания, создает свой вариант декора великого собора.

В другом облике предстает собор Сан-Марко в картине «Венецианский карнавал. День». Небо древнего города приобрело глубокие синие тона, расцвеченные взрывами оттенков. Венецианское золото стекает с куполов на многолюдную площадь, становясь фоном для причудливых масок. Перед зрителем классические образы венецианского карнавала. Художник, используя различные и вполне традиционные узнаваемые типы масок, создает своего рода пье-

су, где есть определенная драматургия. Слева возникает трагический образ Пьеро, его выдает печальный излом бровей, белое лицо и нарисованная огромная слеза. Рядом с ним зловещий Доктор Чумы с непомерно длинным носом, похожим на клюв птицы. В этом клюве врачи во время эпидемии прятали лекарственные благовония, которые должны были уберечь от страшной болезни. Справа возникает таинственная маска, вовсе скрывающая лицо, а сам персонаж таится, завернувшись в черный плащ. Это маска смерти. Однако на первый план выдвигается не похожая ни на одну из традиционных странная маска с круглым разверстым ртом. Маска кричит от боли или ярости, но есть в этом образе что-то дурашливое, балаганное. И вот в центре композиции является главный герой – Шут, веселый обманщик, авантюрист, на нем основной его атрибут – колпак, увенчанный бубенчиками. Вся доступная живописцу сила красного цвета, взятого в сопоставлении с золотисто-желтым, создает ощущение праздника, послевкусие которого останется навсегда.

Праздник продолжается в картине «Карнавал в Венеции» (2010). Художник избирает иную живописную систему. Неожиданны и привлекательны мягкие, сдержанные цветовые гармонии с преобладанием светлых разбеленных тонов. Уже известные персонажи оказываются на берегу канала или в гондоле, тихо скользящей под звуки музыки. Ритм движения и мелодии рождают причудливые очертания фантастической аркады, под сенью которой изображены два главных персонажа в золотых карнавальных масках. Формы готических арок и квадрифолей (четырёхлепестковых архитектурных элементов) возвращают нас на Пьяцетту, главную площадь Венеции. Эти мотивы составляют часть архитектурного облика знаменитого Дворца дождей: ажурная галерея является украшением второго этажа дворцового здания. Ху-

дожник создает композицию, в которой Венеция, наполненная воздухом, дыханием водных пространств, ощущением вечного праздника, является нам во всем совершенстве творений, созданных руками человека.

Но стоит недалеко удалиться от площади Святого Марка, Пьяцетты, набережной Большого канала, и Венеция покажет иное, не менее привлекательное лицо. Узкие улочки-каналы, старинные здания, ровесники древнего города, фундаменты которых уходят под воду. Входы во многие дома доступны только из гондолы или другого, более современного плавсредства. Валентин Сергеевич по-своему увидел эту не-праздничную сторону жизни Венеции. И пейзажи его полны поэзии, тишины («Мост вздохов», 2009). Иная, серебристая, словно подернутая влажной воздушной дымкой, красочная гамма, где основные акценты тоже, кажется, готовы исчезнуть в туманном мареве.

Богатство впечатлений, подаренных Венецией, таково, что художник всякий раз избирает иную систему живописных координат. Красочные симфонии, блестящие яркостью открытого цвета, и сдержанные, нежные сочинения, где мазок приобретает небывалую легкость, становится почти невесомым. Неожиданной, драматически напряженной предстает эстетика венецианского карнавала в картине 2017 года «Черное на красном». И тема великого города кажется неисчерпаемой.

Но неисчерпаемыми представляются и возможности живописца Валентина Бобылькова. Используя самые разнообразные стилевые формы мирового искусства, художник ставит перед собой задачи великой сложности. Как всякого большого мастера, его влекут темы жизни и смерти, любви и вражды, противостояния добра и зла. Он с кистью в руках размышляет о парадоксах общества, о гармонии и драме человеческого существования. Он в постоянном поиске, и впереди новые открытия.

«Карнавал в Венеции»

Валентина УКОЛОВА

ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Выход новой книги всегда событие. А если это книга для детей, да ещё и краеведческого характера, то это событие вдвойне значимое.

5 февраля 2018 года в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова состоялась встреча «Времён связующая нить», посвящённая выходу повести И.А. Таранова «Как Стенька Разин по Волге ходил...».

Открывая новую книгу, каждый раз испытываешь чувство, похожее на то, что охватывает при встрече с незнакомым городом. С книгами Ильи Александровича все происходит иначе: и автор, и город хорошо знакомы и любимы.

«...И не только берега крутые,
И не только тучи – облака –
В Волге, словно в зеркале России,
Отразились судьбы и века...»

(Н.Е. Палькин)

В новой исторической повести члена Союза писателей России Ильи Александровича Таранова представлен авторский взгляд на народный бунт под предводительством Степана Разина. Главные герои книги – крестьянские и боярские дети Симбирска наряду с историческими личностями становятся участниками тех давних событий.

Словно со страниц книги сошли юные герои исторической повести «Как Стенька Разин по Волге ходил...» в исполнении учеников 7 «Г» класса, участников театральной студии «Феникс» МБОУ «Средняя школа №21» г. Ульяновска.

исторических повестях И.А. Таранова «Как Богдан Хитрово Симбирск строил» и «Как Стенька Разин по Волге ходил...».

События новой книги участники встречи смогли зримо представить благодаря иллюстрациям члена Союза художников России Вячеслава Александровича Таранова.

Писатель рассказал об истории создания новой книги в творческом тандеме с братом Вячеславом. Автор попытался «...изобразить Стеньку Разина таким, чтобы читатель сам решил, какой он: разбойник или освободитель народа».

Артист Ульяновского театра юного зрителя «NEBOLSHOY TEATR» Александр Наугольнов «оживил» страницы далекого прошлого, описанного в

Литературно-краеведческая экскурсия по выставке макетов Симбирского кремля, выполненных студентами УлГТУ, помогла школьникам и взрослым лучше узнать историю нашего края. Погружению в историческую эпоху способствовало костюмированное участие волонтеров библиотеки (курсантов колледжа государственной и муниципальной службы). А старинное оружие, предоставленное военно-историческим клубом «Витязь», особенно привлекло внимание юных участников встречи. Украсили мероприятие творческие работы воспитанников Карсунской детской школы искусств имени А.А. Пластова.

У книги есть настоящее, когда её читают. А будущее есть у той книги, которую хочется перечитывать, потому что она помогает восстановить связь времён, событий, судеб. Несомненно, к таким книгам относятся и новое произведение ульяновского писателя И.А. Таранова.

Людмила СВИРСКАЯ, Чехия, Прага

Родилась в *Алма-Ате* (Казахстан). После окончания школы переехала в *Барнаул* (Алтайский край), где училась (в 1990 – 1995 годах) в Алтайском государственном университете на факультете филологии и журналистики. В 1999 году переехала в Чехию. Здесь я провожу большую часть жизни, здесь родились и живут мои дети. Стихи пишу с детства, первая книжка вышла в Барнауле в 1995 году в серии «Авторский альманах «Август».

Семь поэтических сборников: «Дамское седло» (1995), «Без четверти век» (1998), «Пражские стихи» (2001), «Конец весны – начало лета» (2003), «Между снегом и дождем» (2005), «Когда-то Обь, а ныне – Влтава» (2008), «Опоздавший Дон-Кихот» (2015) – последние пять вышли в Чехии. Публикации в альманахах и журналах: «Алтай», «Барнаул», «Фантастическая среда» (Барнаул), «Сибирские огни», «Образ» (Москва), «Московский литератор», «Новый день», «Волга – 21 век» (Саратов), «Новая волна» (Санкт-Петербург), «Настоящее время» (Рига), «Простор» (Алматы), «Рюкзак» (Минск), «ЛитЭра» (Москва), «Южное сияние» (Одесса), «Литературная среда» (Томск), «Русское слово» и «Пражский Парнас» (Прага), «Венский литератор» (Вена), «Европейская словесность» (Кельн), «Под небом единым» (Хельсинки), «Эмигрантская лира» (Брюссель). Призер фестивалей «Эмигрантская лира» – 2009 г. и «Русский стиль» – 2017 г. Финалист конкурсов «Интерреальность», «Славянская лира» и др.

УРОКИ РУССКОГО

* * *

Что ни день – то испытание:
Беспокойная пора.
Учит сын Месопотамию,
Учит с самого утра.
Помогаю. Но, признаться, я
В мире древнем не сильна...
Колыбель цивилизации,
Скрипки первая струна.

Люди щедрые и юные
На другом конце земли
Цифры вовремя придумали,
Календарь изобрели.
Был в долине, между реками,
Первый друг и первый враг...
Тот Восток, что ближе некуда,
Вот он: Сирия, Ирак.

Как жить дальше, если истина
Не открыта до сих пор?
В карту вглядываться пристально,
Словно в общий приговор,
Чтоб спокойными казаться и
Ждать родных, пока живых...

Карусель цивилизации –
Сгусток точек болевых.

* * *

У каждого из нас свой рай и ад.
Свое не поменяешь на чужое.
Ну кто, скажи мне, кто не виноват,
Что я сто лет к тебе тянусь душою,
А ты – ко мне? Не бойся, не проси
Прощенья и Прощания, мой милый.
Я верю в рай – Господь тебя спаси.
Я верю в ад – Господь тебя помилуй.
Во сне тебя я за руку беру,
Веду, как Эвридика, без оглядки
В свой тихий, теплый ад. Замкнулся круг.
Мы живы, старый друг мой. Все в порядке.

* * *

В кафешку не пробиться ни в одну:
На стульчике с сидением потертым,
Отысканном с трудом, я прикорну...
Чай в емкости, похожей на реторгу,
Мне принесет, чихая и хрипя,
Официантка с покрасневшим носом...
Не спрятаться в кафешке – от себя.
От осени. И множества вопросов,
Ответы на которые дают
Эксперты в канцелярии небесной...
Синоним слова «осень» – «неуют».
Но это всем и без меня известно.

* * *

Когда-то я летела вверх по лестнице,
Теперь же, как и все, по ней ползу.
На крошечной площадке не поместится
Наш суетливый люд... А там, внизу,
Чернеет пропасть и сверкают молнии,
Ладоням влажным скользко от перил...
За нас пока словечко не замолвили...

И все же, кто бы что ни говорил,
Мы постоим еще и потолкаемся,
Заглядывая в черную дыру.
Не то чтобы хватило сил покаяться –
Лишь пожалеть о чем-то поутру.

ВЕСЕННЕЕ

Что вам сказать, ребята? До тепла
Мы дожили – со стоном и со скрипом,
С постылыми таблетками от гриппа –
Как будто засиделись у стола:
Чужого и пустого, просто так,
Из вежливости раньше не вставая...

Что вам сказать, ребята? Я живая!
А вы? Ну, отзовитесь, друг и враг!

Прочь наконец-то шапки и носки!
Ура! Свобода! Талия и мини!
Растает сам собой последний иней
На дне так зябко прожитой тоски.

* * *

А вдруг закончатся стихи?
Весь день, всю ночь – внутри пустыня
И русло высохшей реки...
А если вдруг душа остынет
И перестанет бить в набат
При каждом гвоздике в ботинке,
Любить и верить невпопад,
Качаться в звездной паутинке?

А вдруг закончится тоска,
Что сыплет с неба каждый вечер
И, вздрогнув над листком, рука
Поймет, что ей заняться нечем?
Повиснет горестно... но все ж
Вспорхнет, как бабочка лесная,
К тебе в ладонь... Ведь ты спасешь
Меня тогда – я это знаю.

ТРИ ГОРОДА

Три города случились наяву
 В судьбе: один веселый, светлый, южный,
 Другой – суровый, северный и вьюжный,
 А третий – тот, в котором я живу.
 И в памяти распахнутой сквозят
 Все эти годы, солнечно-туманны:
 Вот юная, смеющаяся мама,
 И бабушке – едва за пятьдесят.
 На доме нашем лозунг: «Мир, май, труд!»,
 Оторванная ручка от портфеля,
 И выпускной, и старые качели,
 И синих гор торжественный уют...

Другой пейзаж: сугробы, тишина,
 Тропинка к alma-mater, рифмы, оды,
 И всё впервые – истина, свобода –
 В одном глотке невнятного вина.

И, наконец, мой третий город – вот.
 (Последний, говорите? Нет, пожалуй...)
 Коляска на мощенке дребезжала:
 Сын сладко спал в свой самый первый год.
 А я брела – и до сих пор бреду,
 Под старым замком, до изнеможенья,
 Судьбы своей смешное продолженье
 Зачем-то сочиняя на ходу...

* * *

Устала от боли, потерь и неверия,
 А руки дрожат, нервы строк теребя...
 Спасибо: сюда Вы приехали первая
 И взяли удары судьбы на себя.

Что ж, в жизни случаются черные полосы:
 Не скрыться порой от забот и врагов...
 Здесь, в воздухе, – музыка Вашего голоса,
 А улицы помнят звук Ваших шагов.

Я долго петляю маршрутами Вашими,
 Молитвы шепчу, прозреваю, ищу...
 Мне кажется вдруг, что под пражскими башнями,
 Как Вы, все и всем непременно прощу.

Вы были здесь, видимо, чуточку счастливы:
 Так верили улицам, людям, словам...
 Сжимается сердце от светлой причастности –
 Священной и гордой причастности к Вам.

ВШЕНОРЫ

Вшеноры – деревенька под Прагой, где долгое время жила семья Марины Цветаевой. Там родился ее сын Георгий (домашнее прозвище – Мур).

Дуб – как храм у дремлющей горы.
 Царственные, вечные Вшеноры.
 Снег не тронут – будто с той поры...
 Из того февральского минора

Тянется фермата тишины,
 И – на вздохе – горестное имя...
 Оттого ль сугроб одной вины
 С каждым годом все непроходимей?

Здесь ни ямб неведом, ни хорей –
 Только скалы в сумерках да рощи,
 Но в краю, далеко от морей,
 Ей, морской, всегда дышалось проще:
 Сын гулил. Писался «Крысолов».
 Падал снег на замершие клены.
 Пел рассвет – оранжево-лилов –
 Для нее – отчаянно-влюбленной...

Теплый дом. Уютный, как тогда.
 Пирамидкой – сонная беседка.
 И о русской пани иногда
 Вспоминает старая соседка.
 Белым полем – будто реку вброд –
 Перейду я медленно и хмуро:
 Вдруг в снегу покажется вот-вот
 Погремушка маленького Мура?

*Фермата – в музыке: знак особой протяженности звучания ноты.
 «Крысолов» – поэма М. Цветаевой.*

УРОКИ РУССКОГО

Блестящих пражских полицейских
 Учю великому-могучему,
 О пушкинских годах лицейских
 Рассказывая им при случае.

МЦ.

То упоительно и рьяно,
 Выплескивая нежность тайную,
 Читаю им письмо Татьяны
 И в Праге жившую Цветаеву,
 То отвечаю на вопросы
 (Все как из рога изобилия):
 – В Сибири страшные морозы?
 – Не страшные, а просто сильные.
 – В России много пьют?
 – По-разному.
 Мне лично дома выпить не с кем.
 – Как Новый год в России празднуют?
 – Роскошно: с треском, шумом, плеском...

– А вот скажите: вы, наверное,
 И пионеркой были?
 – Апо.*
 – Какие вы?
 – Обыкновенные.

На вас похожи, как ни странно:
 Мечтаем, молимся, витийствуем...

...И я опять беру Цветаеву,
 Чтобы под солнцем горькой истины
 Их недоверчивость растаяла.
 А им уже не до политики:
 Лишь жадно ловят слово каждое...

Я пражской доблестной полиции
 Сказать успею что-то важное...

* чеш. «да».

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ХВОРОСТОВСКОГО

Вновь накрыло горем в три октавы.
Звук не смолк, а будто бы погас.
Дмитрий Александрович, куда Вы?
Там полно народу и без Вас.
По квартире, как по тесной клетке,
Я мечусь, кричать пытаюсь вслед...
Снова выстрел оказался метким...
Свято место снова пусто... Нет
Шанса долететь. «Живьем» услышать.
Да, живьем. Ну как сказать теперь?
Там, в раю, наверное, потише:
Вряд ли кто-то плачет от потерь.
Да. Не сотвори себе кумира.
Кто кумир? Был ангел за спиной.
Баритон летит над целым миром...

Дмитрий Александрович... родной...

* * *

Над пропастью вряд ли молитвы спасут,
И некому больше подставить плечо.
В мозгу у Земли кровеносный сосуд –
Еще один – лопнул. Еще и еще.
Теснее и жестче становится круг,
В котором пока я... и ты... и они...
Земля выпускает надежду из рук.
И чай остывает, и гаснут огни.

А я итальянский учу, чтоб с ума
Не спрыгнуть в рокошущую темноту...
Тебе, мой любимый, пишу. А сама
Своих откровений, увы, не прочту.

* * *

Случается в судьбе пустой перрон –
Он стОит толкотни и многолюдья.
Пришел и окружил со всех сторон
Сплошной декабрь – без вздохов и прелюдий.

Крадет последний – по минутам – свет:
Любую мелочь тянет из кармана.
Он, кажется, не злой: как будто нет.
Но ненасытный, сумрачный, туманный.

Я зябну, откровенно говоря,
И рвусь назад. Назад, в тепло вагона.

...Твой поцелуй спасет от декабря,
Назло тоскливой хмари законной.

* * *

Ты знаешь, мне ведь скоро сорок пять.
Я видела Париж и Барселону,
Мне солнце улыбалось с небосклона
Так часто, что не вздумать-не взгадать...

Сама себе и лекарь, и судья,
Ни от кого на свете не завишу.
Лишь зависаю в снах своих над крышей –
Единственной, которая твоя...

Давай с тобой под парусом махнем.
Скомандуй: «Курс на горизонты детства!»
Есть океанский лайнер по соседству,
И парочка кают свободных в нем...

Он ловко обойдет громаду льдин,
В нем шторм и не почувствуется вовсе...

Колелблешься? Ну что ж, плыви один...

Как прежде, буду парусом.
Не бойся...

* * *

Я все жду – вдруг начнется обратный отсчет,
И опять повстречаю весну я,
И река – незнакомая – вспять потечет,
Все пороги умело минуя
Мимо губ, вечно лгущих. Неверящих глаз.
Снов и сказок, трубящих победу,
В город детства. Единственный. Где родилась.
И откуда уже не уеду.

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина, председатель правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия.

ОН ПРИГЛАСИЛ НАС В ПУТЕШЕСТВИЕ РУССКОГО СЛОВА ВМЕСТЕ С КАРАМЗИНЫМ

памяти Андрея Николаевича Балдина
(21 января 1958 – 30 ноября 2017)

30 ноября 2017 года умер Андрей Николаевич Балдин, писатель, философ, эссеист, архитектор, книжный график, лауреат национальной премии «Большая книга».

Андрей Николаевич Балдин был нашим другом, частым гостем Ульяновска, участником многих совместных проектов. Поле его деятельности – история и культура России, краеведение, градостроительство. Он был автором глубоких и парадоксальных исследований истории русской литературы, знатоком Карамзина, Пушкина,

Гоголя, Толстого, Чехова. Их творчество он изучал под новым, неожиданным углом зрения: сквозь призму путешествующего слова. Ему было интересно именно это «волшебное зеркало слова», которое способно приблизить эпоху и взглянуть в нее.

А.Н. Балдин повторил многие литературные маршруты писателей, творчество которых изучал, в результате чего открыл читателям неизведанный литературный «материк» России. Творчество великих русских писателей было для него источником вневременных духовных ценностей и в то же время отправной точкой для взгляда современного, для дальнейших исследований.

А.Н. Балдин пригласил нас в путешествие русско-го слова вместе с Николаем Михайловичем Карамзиным.

В 2015 году совместный проект Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия и группы исследователей Москвы и Нижнего Новгорода «Новый Буквоскоп, или Совершенные картины мира», посвященный Н.М. Карамзину, победил в конкурсе региональных проектов правительства Ульяновской области. Одним из авторов проекта был Андрей Николаевич Балдин. Следом, в 2016 году, в Москве вышла его книга «Новый Буквоскоп, или Запредельное странствие Николая Карамзина», в которой писатель обращается к карте карамзинского странствия в Европу, повторяет ключевые отрезки его маршрута. Это позволило ему обнаружить новые

ракурсы в наблюдении за творчеством Карамзина, который в свое время положил начало современной русской прозе.

Публичные выступления Андрея Николаевича – в Москве, на Красной площади во время фестиваля «Книги России», на Московской международной книжной выставке-ярмарке на ВДНХ, в Ульяновске в рамках Международного культурного форума, во Дворце книги на Карамзинских ассамблеях – везде они были интересны, спорны, но неизменно приковывали внимание.

Он ушел, не дожив до шестидесяти. У него было много творческих планов, много замыслов... Такая короткая, но такая яркая и насыщенная жизнь! Известие оглушило, поставило в тупик, вызвало боль и протест в душе.

А потом пришла скорбь... Андрей Николаевич Балдин навсегда останется в нашей памяти добрым, открытым человеком, прекрасным собеседником, страстным ученым и вообще очень светлым человеком.

Помнится его улыбка и непослушные соломенные волосы, которые он откидывал с высокого лба мудреца...

В своей жизни он много путешествовал. Вот и сейчас... он отправился в свое долгое запредельное странствие.

Мы помним о Вас, дорогой Андрей Николаевич!

К 100-летию Г.С. Померанца

Зинаида МИРКИНА, поэт, философ, переводчик.
Вдова известного философа и писателя Григория Соломоновича Померанца.

В Ульяновске много почитателей творчества Зинаиды Миркиной и Григория Померанца, многие ульяновские авторы гордятся личным знакомством с этими выдающимися людьми. В личных библиотеках хранятся и книги с автографом Григория Соломоновича, это очень дорого, памятно, ценно. Его книги – кладезь мудрости. Всем сердцем благодарим за незабываемые встречи и духовное водительство.

ЖИЗНЬ ПОД ВЗГЛЯДОМ

Когда мне было восемнадцать лет, в моей жизни случился такой эпизод: я столкнулась с нашей очень властной домработницей, не дававшей мне накормить обедом мою соученицу, которая в эвакуации нередко подкармливала меня. Домработница выхватила у меня из рук тарелку со словами: «Ты норовишь все отдать, вынести из дому. Не дам!». Я была очень худой, сравнительно маленькой. Она – большая, сильная. Я в бессильной ярости хлопнула кулаком по столу. Справедливость была полностью на моей стороне. Я права, но вдруг я вспомнила мою подругу, которая была для меня первым учителем жизни – очень тихую, кроткую и сильную своей тишиной. Она далеко. Она меня видеть сейчас не может. И узнать о моем яростно сжатом кулаке не сможет никогда. Но я чувствую ее взгляд. И под этим взглядом кулак мой разжался навсегда. На всю жизнь.

Да, я была права, справедливость на моей стороне, но как потом скажет мой будущий муж «стиль полемики важнее предмета полемики». Я ясно чувствовала, что под этим взглядом мой яростно сжатый кулак – кощунство.

Так чувствовал Григорий Померанц Божий взгляд. Он Его не представлял, не выдумывал. Но чувствовал сердцем. Ясно. Точно.

В Евангелии от Иоанна сказано, что Слово это Бог. И люди тут же превратили божественное Слово, которое создало нас, в то слово, которое создали мы сами. Однако, Бог – не наше создание. Мы – создание Божье.

Бог, создавший нас, не представим и ни в какие созданные нами слова не вмещается.

Что мы чувствуем, оставшись наедине с собой? Может быть, – ничего. Нам пусто и скучно. А может быть, совсем иначе.

У Энтони де Мелло есть притча, в которой ученик спрашивает Мастера, что такое Просветление?

Мастер отвечает: «Это когда ты сидишь один в лесу, или у моря, или у гор, и ясно чувствуешь, что с тобой разговаривают».

– Кто?

– Да вот море, горы, лес.

– Какой ужас! – говорит ученик.

– Какое счастье, – отвечает Мастер. – Но ты так привык жить среди шумных, заметных вещей, что не замечаешь их Сути. Жизни не замечаешь. Души своей не замечаешь. Ты еще не пробудился к жизни. Ты мертв и не замечаешь этого.

Так вот, по-настоящему жив тот, кто живет под взглядом невидимых глаз и ясно чувствует, что именно этому взгляду от тебя нужно. Взгляд этот просвечивает Душу насквозь. Каждое движение Души Ему видно. И Душе этот взгляд виден. Не глазам – Душе. И живущий под этим взглядом знает каким-то внутренним знанием, минуящим ум, что БОГ ЕСТЬ.

Душа чувствует Его. Может быть, шестое чувство и есть чувство Бога. Но это не подобно нашим пяти чувствам, которым доступны лишь части. А шестое чувство – это чувство Целого.

Известен такой диалог одного знаменитого летчика с не менее знаменитым священником, в прошлом – хирургом.

– Я летал по небу, – сказал летчик-герой, – изобразил его, видел облака, простор, а Бога не видел ни разу.

– А я разрезал грудную клетку, – ответил бывший хирург, – видел сердце, а Душу – никогда. Вскрывал череп. Видел мозг. А мысли – ни единой.

Можно не знать никаких слов о Боге, но мыслить, но любить (это главное) и чувствовать себя воистину живым. А когда чувство углубляется, сознание расширяется, ты вдруг ощущаешь всей душой, что есть не отдельные, не связанные друг с другом части, фрагменты, а нечто Целое. Вот это таинственное Целое, включающее тебя внутрь Себя...

И вдруг само собой возникает слово Бог, короткое и емкое, как вздох. Люди, открывшие в себе чувство Целого, почувствовавшие, что БОГ ЕСТЬ, ощущают полноту жизни.

Это прекрасно, но не так-то легко. Это ведь значит быть открытым боли. Чувствовать боль.

Тот, Кто был распят, чувствовал боль величайшую. И не только физическую. Он чувствовал боль за всех людей. Один за всех. Но он был не просто ЖИВЫМ. Он был самой ЖИЗНЬЮ ВЕЧНОЙ. Чувствовал нераздельную связь со всем живым. Не только жил

под невидимым взглядом, но Его собственный взгляд сливался с Тем Высшим в ОДНО.

Как это живое чувство Бога далеко отстоит от всех наших убеждений, представлений, от всех, созданных нами самими слов! Слово, творящее нас, совсем не похоже на слова, сотворенные нами.

Среди моих сказок есть одна, написанная по мотивам буддийских джатак (рассказы-легенды о перевоплощениях Будды). В данной джатаке Будда родился в царской семье и стал царевичем Сутасомой. Полюбив Сутасому людоед Калмашапада преобразился. Он узнал, что есть мудрость не только звериная – правда силы, но и человеческая – сила правды. И доблесть не только звериная – побеждать других, но и человеческая – побеждать самого себя. Он полюбил Сутасому и выполнил его последнее самое трудно требование: «по-настоящему любит только тот, – сказал Сутасома, – кто отдает жизнь любимому не один раз, а сто тысяч раз».

Говорят, Калмашапада долго жил и пережил Сутасому. Но всю жизнь каждое утро и каждый вечер он затихал, опирался на свой огромный посох и спрашивал: «Ты доволен мной, Сутасома? Так ли я поступал, как ты хотел?».

Такие слова, обращенные к невидимому Богу, и есть настоящая молитва.

Гриша так именно и жил. Среди всех дел он находил время и место для паузы созерцания, по существу, для тихой и целомудренной молитвы – жизни под взглядом Бога.

В «Гадком утенке» есть такие строки: «Я сделал только два-три шага в Глубину. Этого совершенно недостаточно для нашего спасения. Это чуть больше нуля. Но это действительные, а не воображаемые шаги, и они не потеряют смысла, если переменятся все слова».

Такие действительные, а не воображаемые шаги он делал всю жизнь. Всегда доходил до Сути, а не застревал на поверхности. Все поверхностное, наши оболочки его не интересовали. Он был живым, совершенно живым человеком и ясно чувствовал, что такое истинная жизнь. Это жизнь Души, Жизнь целого человека, а не выделяющейся, оторванной от Целого части.

Хорошо известен описанный в «Утенке» эпизод, как он выбрал себе второе место в жизни, навсегда отказавшись от первого. Три человека, три товарища гуляли по лагерной трассе и каждый хотел так или иначе убедить других в том, что он самый умный. Одним из трех был Гриша. Он молчал, но с ужасом увидел, что он тоже думает о себе, как о самом первом. Он воистину увидел себя и ужаснулся.

Кришнамурти говорил, что, если бы мы увидели свою зависть так, как видим кобру, мы бросились бы бежать от зависти, как от кобры. «Имеющий глаза, да видит», – говорится в Евангелии. Гриша ВИДЕЛ. И потому ни одному из бесенят, копошащихся в наших душах и смеющихся над нашей слепотой, не удавалось над ним посмеяться. Обмануть его, укрыться от его взгляда ни бесенятам, ни бесам покрупнее не удавалось.

«Я предоставляю вам спорить о первом месте, – сказал он своим товарищам, – и навсегда беру себе второе». Он говорил потом, что сделать это было так

больно, как вырвать здоровый зуб без наркоза. Но он сделал это и стал жить действительной, а не воображаемой жизнью. Ему стало безразлично, что о нем подумают. Важно было то, что действительно есть и что ясно видно Божьему взгляду.

И оказалось, что жить под Божьим взглядом, когда Душа открыта, вся на просвет, поразительно хорошо. И можно быть счастливым в лагере, смотря в белые ночи летом поверх колючей проволоки, и зимой, слушая музыку, льющуюся из репродукторов, когда гуляешь по лагерной трассе в тридцати пяти градусный мороз.

Можно быть бесконечно счастливым, хотя счастье это нелегкое и очень далекое от эйфории.

«Отойди от меня, сатана, не о небесном думаешь, а о земном», – сказал Христос Петру, хотевшему избавить любимого Учителя от страшной казни.

Что же такое «Небесное»? Это жизнь Души, всей Души, не жертвующей ни одной своей частицей, – Души, остающейся целой и открытой Божьему взгляду.

Такой была Гришина Душа. И она была больше всего, что им написано. Хотя все написанное прекрасно и очень любимо мной (может, потому оно и прекрасно, что является отсылкой к Большему, к Тому, от чего родилось).

Среди отзывов, появившихся в печати после его смерти, был один из числа особенно дорогих мне – отзыв Юрия Зубцова. Там есть такие слова: «Григорий Соломонович как личность был и остается, пока мы будем помнить о нем намного больше всего им написанного». Зубцов говорит, что Померанц не сводится ни к одной профессии, ни к какому частному определению. Бывают великие полководцы, артисты, писатели, а он был «великим человеком – в самом изначальном и точном смысле этих слов». Я глубоко благодарна за такой отзыв, но хотела бы немного изменить его. Он был великой Душой, сказала бы я. Великодушие – это то, чего он сам в себе никогда не замечал и что было его сутью. Душа заполняла все существо. Он жил Душой.

Душа жила под взглядом Высшего. ВЗГЛЯД спрашивал с него строго. Велел отдать все, что можешь. И он отвечал. Он отдавал. Никто не спрашивал с него так строго, как он сам с себя, ибо он отвечал действительно, а не воображаемому взгляду. Он чувствовал свою жизнь как задачу вглядывания в неразрешимые вопросы и отвечать всем собой на то, на что точно и однозначно ответить нельзя.

Бог бесконечно больше наших представлений о Нем. Пути Господни неисповедимы. И наше дело – не упрощать их, не приспособлять к своему ограниченному видению, а всматриваться в «Безграничную Действительность» (термин Рильке) и постепенно, шаг за шагом постигать то, что ЕСТЬ. И даже когда постигнуть до конца невозможно, продолжать всматриваться. Вот как говорит об этом Рильке в четвертой Дуинской элегии:

«Не то! Не так! Не надо больше масок. Уж лучше куклы.

Вот те, которых дергают за нитку.

Они не притворяются живыми. Они цельны.

Да, я хочу увидеть куклу и выдержать незрячий взгляд ее.

Я к этому готов. И даже если погаснут лампы
и скажут мне, что кончился спектакль;
Дохнет со сцены серой пустотой
И мертвым сквозняком в лицо повеет.

Нет никого, но я останусь. Все равно останусь.
Мне есть на что смотреть.
Мой долг – взглядеться».

(Перевод мой. – З. М.)

Взглядеться в Безграничную Действительность, отбросив все мифы, не принимая кукол за живых людей. Никаких иллюзий.

Есть то, что ЕСТЬ.

Померанцу надо взглядеться в ИСТИНУ, которая Бог. Истина-Бог никогда не была его интеллектуальной (или душевной) собственностью. Никогда не принадлежала ему. Он принадлежал Ей – Истине. Богу.

И потому не было у него ничего «своего», то есть «от себя». Все, что он писал, говорил, чувствовал, было от ВЫСШЕГО, от ВЕЧНОГО.

Полная открытость души и предстояние перед ВЫСШИМ – вот что было смыслом его жизни. При этом он никогда не думал, что достиг ВЫСШЕГО. Напротив – ежеминутно видел бесконечное расстояние между собой и ИМ. Но расстояние это было открытым Путем, той внутренней Бесконечностью, взглядывание в которую он ощущал как ликование творчества. Истинное творчество и было таким взглядыванием внутрь. В То, что не ограничено рамками нашего конечного ума, в То, что разбивает эти рамки и выводит Душу на простор.

Истинное творчество – разрушение наших произвольных построений и предстояние перед Неразрешимым. Не найти окончательное решение, а видеть Бесконечное, Неразрешимое, и идти, и идти туда, куда Оно зовет, выходя в новое измерение, из плоскости – в объем.

«По-настоящему взглядеться в неразрешимое – это не меньше, чем постоянная молитва, или созерцание распятия, от которого у св. Франциска сделались стигматы. В ответ Неразрешимому открывается и углубляется сердце (подчеркнуто мной. – З. М.). Я не достиг этой последней глубины. Но меня тянет и тянет к Ней, и мысли мои выются и выются вокруг Неразрешимого. Иногда я решал интересные вопросы; но самое главное, что меня тянет к бумаге, – кружение вокруг Неразрешимого, бесконечные попытки дать безымянному имя (сегодня, сейчас, вчерашние имена недействительны). Попытка хоть раз не солгать там, где всякая мысль есть ложь, все догматы – только подбоя, иконы Непостижимого».

Несколькими строками раньше он пишет: «Созерцание неразрешимого вопроса – один из вечных подступов к Богу. Можно даже сказать, что неразрешимый вопрос – один из ликов Бога».

Это очень важные слова. Божий лик для Гриши был чем-то самым живым, не сотворенным умом, а увиденным сердцем. Он УЗНАВАЛ этот Лик, как узнают любимые лицо. Любые костюмы, украшения, прически – все отпадало, когда глаза встречались с глазами, взгляд со взглядом. Он часами сидел в Третьяковке перед рублевским «Спасом». И глаза его углублялись так, что вводили в океан Духа. Также он созерцал и «Троицу». Он узнавал Высший образ, отнюдь

не сопоставляя с давно знакомыми образцами, узнавал сердцем, заново. «Откуда я знаю, что опыт Томаса Мертона на порядок (или на несколько порядков) выше моего? Но узнал с первой страницы. Почувствовал. Он затронул во мне глубину, на которой я сам, без него не умею жить. А с ним, за ним, читая его заметки о созерцании, – живу. (...) Почему он не вызвал во мне сопротивления? Самое глубокое, что я сам, без ведущей меня руки пережил, было отодвинуто назад, за порог истинного созерцания. Откуда же я узнал, что он прав?».

Григорий Соломонович говорит далее, что, читая Мертона, почувствовал себя, как в разговоре со своим первым любимым учителем Владимиром Романовичем Грибом, «при первом молчаливом замечании которого я отбрасывал, не продолжая начатую цепь мыслей», и далее: «Видимо, оба они затрагивали во мне что-то более глубокое и властное, чем аналитический и конструктивный ум, и я подчинился не им, не внешнему авторитету, а самому себе (подчеркнуто мной. – З. М.). Какова бы ни была сравнительная глубина Владимира Романовича и Томаса Мертона, оба они стояли выше меня и в то же время находили какой-то способ говорить изнутри меня, (подчеркнуто мной. – З. М.), как будто меня самого поднимали вверх, и вот я вижу, я сам вижу то, чего раньше не видел».

Вот эта способность узнавания обусловлена совершенным бескорыстием так, что его малое «я», его это растворилось, стало прозрачным, и на месте призраков, сконструированных самолюбием, обидой и всем подобным, проступила истинная жизнь сердца – РЕАЛЬНОСТЬ.

Реально, действительно ценно не именно твое, (то, что ты имеешь), а открытая возможность приходить к источнику всего существующего; не накопление творений, а непрерывность творчества.

Кто такой «нищий Духом»? Тот, кто не останавливает Дыхания. Дух нельзя накопить. Дух можно вдыхать и выдыхать, оставляя место для следующего вдоха.

«Каждый день приходилось искать Единое заново, как будто не было ничего позади, кроме опыта узнавания, т. е. кроме самой способности сердца ВИДЕТЬ и УЗНАВАТЬ. Опять смотреть в Божий глаз, или в глаза икон, или вслушиваться в музыку и искать отклика».

Вл. Антоний Сурожский говорил о том, что настоящая Церковь в отличие от церковной организации должна состоять из людей так или иначе испытавших личную встречу с Богом. «Пусть не такую грандиозную, как у апостола Павла, – говорил он, – но все-таки личную встречу». Да, он говорил о людях, вера которых основывалась на опыте сердца, а не на доверии к авторитетам.

Вера Гриши – это те самые несколько шагов в глубину, которые как бы велики или малы они ни были, являются шагами подлинными, а не воображаемыми. Думаю, что они не так уж малы, эти подлинные шаги, приведшие к личному узнаванию Бога.

Они, шаги эти, привели к полному освобождению Души от всякого зла.

«Зло есть. Но оно есть не на последней глубине. И, уходя в глубину, мы уходим от зла. Чем труднее пробиться сквозь слой, где бесчинствуют призраки,

тем прекраснее прорыв узнавания Бога».

И еще: «От силы нашей веры зависит – перелезим мы через ад, или проползем сквозь него, обдирая руки, ноги, сердце, или вовсе застрянем в отчаянье. Бесконечная вера парит над муками Иова. Я в это верю. Хотя мне лично не все дано».

Вот эти слова «хотя мне лично не все дано» проходят рефреном через все, что он пишет. Он «сделал всего несколько шагов в глубину. Может, чуть больше нуля»; он меньше Гриба и гораздо меньше Мертона. С какой готовностью и даже радостью он видит себя меньшим! Это, и только это дает ему возможность увидеть Большее и приближаться к Источнику общей силы.

Он видит себя не только наименьшим, но и отнюдь не безгрешным, хотя борьба с грехом, со всяческим злом, прежде всего в себе самом, – его главное дело. И борьба его успешна. Он предельно спрашивает с себя, он бесконечно ответственен. Он никогда не пасует перед человеческой слабостью, не уступает греху. Почему же чувствует себя грешным? Для прямой мысли это совершенно непонятно.

Хорошо известен рассказ Антония Блума о том, как один прихожанин назвал его плохим христианином.

– Да, но почему? – спросил Антоний.

– Вы не всегда отвечаете добром на зло. Не исполняете заповеди непротивления.

– Хорошо. Представьте себе, что Вы идете со своей невестой, и на нее нападают бандиты. Что Вы будете делать?

– Молиться.

– А если молитва не поможет, и на ваших глазах бандит насилует девушку?

– Тогда я буду молиться, чтобы от этого злого дела не было бы злого плода.

– Знаете, – сказал Антоний, – на месте вашей невесты я бы поискал другого жениха.

Я специально привела этот хорошо известный пример. Он точно иллюстрирует то, что я хочу сказать.

Гриша хорошо знал, что бывают ситуации, из которых без греха выйти невозможно. Не совершить грех здесь было бы грехом еще большим. И он брал на душу грех и знал, что в следующий раз в подобной ситуации поступил бы также. Может быть, пришлось бы убить бандита, чтобы защитить девушку. А скольких людей надо было убивать во время войны?

А в личной неразрешимой ситуации, когда надо было доставить боль другу и спасти больную женщину, которую полюбил? Или оставить ее погибать, чтобы не усложнять жизнь ее мужу, который был причиной ее гибели?

Таких ситуаций в жизни Гриши было немало. И он рассказывает о них в главе «Неразрешимое». Он всегда поступал так, что потом не жалел об этом. Иногда выход бывал просто героическим. Так почему же он грешен? В чем грех? Надо бы, кажется, гордиться, что сделал все, как должно.

Вот именно гордиться, по его убеждению, и нельзя было. Даже убив бандита. Даже совершив геройский поступок. Не упоение победой, не радость от своей силы и правоты, а горькое чувство, что пришлось это сделать. Иначе нельзя было. Он знал, что снова поступил бы также. Но как горько, что приходится так по-

ступать. (В давние времена воин, защищавший свою землю, после войны три года не допускался к причастию.) В этом грешном мире приходится совершать грех. И вот только сознание греха может очищать Душу.

Отсюда и рождение его фразы, ставшей пословицей: «Дьявол начинается с пены на губах ангела...».

«Чем-то всегда приходится жертвовать, – пишет он, – и я делал это беспорядочно, бессистемно, балансируя на лезвие ножа, отказываясь вступать в группы, в редколлегии и т. п., но не отказываясь от свободы своей мысли...»

А в итоге я, пожалуй, и не мог придумать ничего лучшего. Не потому, что непоследовательность хороша, но система, но логическая последовательность еще хуже. Все революционеры были логики.

Он следовал не заповедям, не правилам, которые узнал извне, прочитал, заучил, а только велению своего глубокого сердца.

Заповеди нужны. Но они для тех, кто не научился заглядывать в глубину своего сердца. Моисей дал десять заповедей. Следовать им необходимо. Однако Христос не раз нарушал заповеди и этим самым понастоящему слушался Духа, создавшего их. «Я пришел не нарушить Закон, а исполнить», – говорил Он, исцеляя людей в субботу. «Не человек для субботы, а суббота для человека».

Из всех десяти заповедей Христос выбрал две, считая их наиважнейшими. Обе они о любви. О любви к Богу и о любви к ближнему. Умейте любить и все остальное приложится вам.

Самым тяжким грехом Григорий Соломонович считал убийство любви. «И есть так много способов убить любовь – недостатком благоговения к естественному чувству близости; неумением сказать и неумением промолчать. Самой маленькой фальшью».

«Я думаю, что неумение вырастить и сохранить любовь причиняет человечеству больше страдания, чем все политические режимы всех времен. Потому что режимы приходят и уходят, а бездарность в любви остается. Многие нелепые прыжки в утопию от неумения найти полноту жизни в том, что под руками».

Чего-чего, а бездарности в любви он не знал. Я не знаю человека, умеющего любить так, как он. Любовь его была совершенно освобожденной от эго. Любовь для него была служением. Он не из книжки, не с чужих слов знал, что Бог есть Любовь. И служение Любви было для него истинным богослужением. Бесконечно радостным и бесконечно ответственным. И таким наполненным, таким вдохновенным!.. Любовь никогда не засыпала в нем, не мертвела. Она не только не умялась, но возрастала до самой глубокой старости. Она была великим таинством. И я не могу сейчас привести отрывок из одного из бесчисленных стихотворений, обращенных к нему:

Мой сокровенный, тайный мой,
Какою силою немой,
Каким безбрежьем тишины
С тобой мы соединены.
С минуты первой до сих пор
Из глаз в глаза течет простор.
Весь бесконечный небосвод
Из глаз моих в твои течет.
И нету ничего священной

Легчайшего прикосновенья.
Оно, как тихое моленье
И тайное богослуженье.
Глаза в глаза, ладонь в ладонь
И разгорается огонь,
Который все солнца зажег,
Который высекает Бог.

Он думал о Непостижимом, о Вечном постоянно.
Когда писал об этом, писал, что называется «с жаром
и со слезами». Но в юности редко. Написав одну работу,
с грустью подумал: «Есть же люди, у которых вдохновение
непрерывно А у меня – раз в несколько лет».

И вдруг это непрерывное вдохновение пришло к нему.
Но секрет, или, скорее, тайна в том, что сначала он научился
вдохновенно жить, а потом уже писать. Однажды он сказал мне,
когда мы сблизились: «Ты нашла себя в том, как ты пишешь,
а я – только в том, как живу, как люблю». Сказал он это так просто,
так светло, что я подумала: «Ничего лучшего ты мне не говорил
еще». Об этом разговоре он писал в «Утенке»: «Мне показалось,
что с меня этого хватит. Я не страдал от того, что я не пишу.
Я просто хотел глубже и глубже жить». (Подчеркнуто мной. – З. М.)

И вот после этого разговора, как фея подслушала,
– он стал писать непрерывно. «Я нечаянно нашел его,
(вдохновение. – З. М.) бескорыстно прислушиваясь к дыханию
космоса и его вечно живому огню».

«Хуже или лучше это вышло, но я научился жить перед
лицом смерти. Сперва жить, а потом уже писать». (Подчеркнуто мной. – З. М.)

«Важнее любого отдельного текста стало кружение
вокруг истины», «и чем дальше, тем больше я поворачивался
к Неразрешимому, – к ритму вечных переходов между
безмолвным всматриванием – и разгорающимся в груди угольком».

Да, он научился жить перед лицом смерти, глядя

в глаза самому страшному и хорошо зная, что внутри
есть что-то, что переглядит это страшное. Жизнь его Духа
началась с таких «глядялок». Еще шестнадцатилетним,
а потом двадцатилетним юношей он месяцами вглядывался
в глаза бессмысленной бездны, упорно ища в ней смысл.
Первая вспышка внутреннего смысла уничтожила страх,
дала возможность полета над страхом в годы войны.
Но вызовы черной бездны продолжались. И он не только не
опускал глаз перед ней – глаза его делались все глубже,
все ближе подходил он к безымянной Истине, которой все его
переполненное сердце дало имя – Бог.

Есть одна задача у человечества. Может быть, самая
нужнейшая, самая насущная и самая неосознанная –
задача узнать Бога. Узнать Христа, который может
появиться в любой момент, когда все уверены, что из
«Галилеи ничего доброго прийти не может». Все авторитеты
духовные скажут, что Его надо распять. И толпа, только что
славившая Его, закричит: «Распни!». Величайшая трагедия
длится до сих пор. Она не прекращалась. И если мир все
еще стоит, то только потому, что и Воскресение пока еще
не прекращается. Все это великая тайна, в которую надо
всматриваться и всматриваться. Всматриваться в свое
сердце. Не смотреть по сторонам, а глядеть внутрь, вот туда,
где находится царство Божье.

Я думаю, Григорий Соломонович – один из тех мыслителей,
а скорее подвижников, который всматривался внутрь, в эту
космическую и нашу собственную Глубину с таким напряжением,
с такой ответственностью и с такой любовью, как мало кто в
наши дни.

Он принадлежал Церкви невидимой и был верен Ей
всей душой.

След, который он оставил в жизни, – это строжайшая
душевная и духовная честность и великая Любовь. И
вряд ли след может быть более светлым.

Знаида МИРКИНА

* * *

ГЛ.

* * *

Любовь и смерть несовместимы.
В каком бы ни был ты краю,
Я погружаюсь, мой любимый,
В любовь бездонную мою.

Где ты живешь? – В моем молчанье,
Что глубже океанских вод.
Вот там, откуда мирозданье
Во всей всецелости встает.

Туда, где молча дышат корни,
Туда, где нет часов и дней...
Чем глубже, глубже, тем бесспорней.
Чем тише, тише, тем верней.

Мой сокровенный, мой любимый,
Твое незримое жилье
В том, что на части неделимо,
Как сердце полное мое.

* * *

* * *

Нет тебя. Ушел любимый,
Но святится боль моя.
«Бог и смерть несовместимы» –
Вот, что ощутила я.

Я стихла так же, как и ты,
Вот здесь у каменной плиты.
Я – у плиты. Ты – под плитой.
Покой. Безмолвье. Дух Святой.

Как? – не знаю. След потерян.
Перекрыты все пути.
Мне на тот далекий берег
Через бездну не пройти.

Совсем недвижимая стою
И душу кроткую твою
Не заглушаю ни одной
Гудящей мыслию земной.

Тьма вокруг. Ни капли света.
Звук уснул. Не слышен зов.
Но мы вместе там, где нету
Двух отдельных берегов.

Гуденья нет. Движенья нет.
Есть только неподвижный Свет,
Что неподвластен никому
И опрозрачивает тьму.

Григорий Соломонович ПОМЕРАНИЦ (13 марта 1918 года, Вильна – 16 февраля 2013 года, Москва) – один из крупнейших российских философов, культуролог, писатель, эссеист. Окончил литературный факультет ИФЛИ. Участник Великой Отечественной войны. Член Академии гуманитарных исследований.

Автор книг «Открытость бездне. Встречи с Достоевским», «Выход из транс», «Записки гадкого утенка», «Страстная односторонность и бесстрастие духа», «В тени Вавилонской башни» (в соавторстве с З.А. Миркиной), «Невидимый противовес» (в соавторстве с З.А. Миркиной), «Следствие ведет каторжанка» и др.

НАШЕ СПАСЕНИЕ – В ГЛУБИНЕ

Цитаты из книг

«Старость кажется нам некрасивой, почти неприличной: говорить о ней неудобно, признаваться – стыдно. Это не всегда было так. Иконописцы охотнее изображали старцев, чем юношей. Старики, нарисованные Нестеровым или Рерихом, согнуты годами, с трудом передвигают ноги, но совсем не хочется омолодить их. В них «душа сбывлась» (по слову Марины Цветаевой), и страшно испортить этот драгоценный плод, что-то в нем исправляя, переделывая по-своему работу многих лет, зим, весен, осеней, восходов и закатов... Я не хочу сказать, что старики и старухи вообще прекраснее молодых (такого мнения, впрочем, был У. Уитмен), но самое прекрасное в человеке копится медленно, и, если удастся накопить его хоть к старости, оно награждает за все потери».

«С чего бы ни начиналась война, она становится благородной, когда доходит до защиты родного дома...».

«Любовь так тесно связана с болью, что без готовности терпеть боль и страх боли она совсем невозможна».

«Наше спасение – в глубине, где вовсе не каждый миг высший. На этой глубине человек, отбросив иллюзии, остается один на один с проклятыми вопросами, со страданием и смертью. Но я не променяю зарю, которую надо ждать, на электричество, вспыхивающее от нажатия кнопки. Я верю в зарю, и я не раз видел ее».

«Счастье – это не суррогат жизни. Это сама жизнь, открытая глубине, со всеми ее бедами, но и с той силой, которую дает глубина. Бог, скрытый в глубине, не страхует нас от несчастий, но он дает силу переносить несчастья и, потеряв все, начинать жизнь заново. Продолжая путь, мы опять должны войти в темное ущелье, но знаем, что выйдем снова на свет и обрадуемся свету и эту радость будем нести сквозь тьму – до следующего взрыва света».

«Нужно очень долго разжигать внутренний костер, чтобы пламя его сожгло мусор и открыло путь глубокому созерцанию, до мига, в который хаос человеческих дел будет схвачен волшебным узлом и станет единством, станет иерархией, в которой все на своем месте и нет сомнения, что выше и что ниже, когда вязать и когда разрешать».

«Без способности поставить себя на второе место, без способности умалиться – все дары становятся жерновами на шее».

«В обстановке, когда тон задают пошлость и хамство, очень трудно собрать вместе ту часть образованного общества, что пробилась к глубинам, открытым русской и мировой культурой. Не вижу здесь более эффективного пути, чем путь индивидуального развития. Только способность самому дойти до уровня, на котором станут родными вершины и глубины (в данном случае верх и низ – метафоры) мировой культуры, и мы в какой-то степени ощутим себя их наследниками».

«Всякая личность начинается тогда, когда чувствуешь потребность выйти из толпы и ищешь какие-то твердые основания своего личного бытия, твердый стержень, твердую основу».

«Гадкий утенок идет по своей тропке без всякой цели. Все большие дороги, железные и шоссейные, ведут из одного птичьего двора в другой, и на всяком дворе утенка будут клевать. Вот он и идет – в сторону от больших дорог, по тропинке, где будут деревья, кусты, пригорки, может быть, лужи, а может быть, и озерко... Но больше ничего. Надо идти и идти. С одной, впрочем, надеждой: что этот путь без цели имеет свою собственную, скрытую, внутреннюю цель. То, что я пишу, – для гадких утят. Для тех, кто хочет найти не другой птичий двор, а самих себя. Если вам не этого хочется, если какой-то улучшенный птичий двор вам нравится, – не читайте дальше. Это не для вас. Это не ваш путь. Я не хочу вас соблазнять и делать несчастными, сбивать с вашей дороги. Ездите, пожалуйста, в автобусах и в поездах... А я пошел пешком».

Андрей ТИМОФЕЕВ родился в 1985 году в городе Салавате Республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. Горького (семинар М.П. Лобанова). Публиковался в журналах «Наши современник», «Новый мир», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Роман-газета» и др. Лауреат премии им. Гончарова в номинации «Ученики Гончарова» (2013), премии «В поисках правды и справедливости» (2015), премии им. Кузьмина журнала «Наши современник» (2016). Живет в Москве.

В ТЕПЛЫХ ЛУЧАХ

рассказ

Я возвращался из больницы, где лежала моя жена.

Главный вход уже закрыли – никого из врачей или запоздалых посетителей не было видно ни в коридоре, ни на черной лестнице, и только на улице у больничных ворот умиротворенно дремали две крупные собаки. Я вышел за ворота и остановился. В теплом воздухе пахло еловой смолой, и оттого тревога моя как будто ушла вглубь, постепенно поддаваясь ласковому спокойствию летнего вечера. На пяточке у остановки стояли люди, ожидая последнего автобуса в город.

Первый раз мы приехали сюда вчера утром, и вокруг все было совсем не таким, как сейчас. Повсюду сновали люди, подъезжали машины, лихо шурша колесами по гравию. К главному входу тянулась длинная очередь, и мы встали в конец, нетер-

пеливо оглядываясь, будто надеясь, что нам можно пройти просто так. Жена молчала, машинально разглядывая свою фотографию в паспорте, который ей нужно было сейчас предъявить охраннику.

Подшли к проходной. Охранник медленно записал наши данные в толстую тетрадь и коротко объяснил, как пройти, но мы слушали рассеянно и долго еще потом плутали в поисках входа в нужное отделение. Жена не мешала мне разбираться в больничных закоулках, но и не пыталась помочь, а просто ходила следом – я заметил, что ей неуютно было в этих длинных мраморных коридорах. Я же, напротив, радовался, что смог уговорить ее оперироваться в дорогой больнице, и обращал внимание на каждую мелочь – на огромный мягкий диван у входа в отделение, на просторный холл с телевизором, на чистоту стен и полов.

Когда мы вошли в палату, там никого не было. Воздух, спертый от жары, казался тяжелым и неподвижным. Я распахнул окно и удивился, какой плотной зеленой стеной окружал больницу лес.

– Смотри, как здесь красиво... Можно представить, что тебя украли и насильно хотят выдать замуж, – неловко пошутил я. А она взглянула на меня внимательно и хмуро, так что мы оба почувствовали, что вчерашняя ссора не закончилась и не забылась.

Я тяжело вздохнул и остался у окна, рассматривая уходившую вдаль полосу леса, пересекаемую высотными зданиями начинавшегося на горизонте города. Я злился на то, что она еще обижается, хотя прошла уже ночь и можно было бы успокоиться за это время, а она злилась оттого, что я мог подумать, что у нее все могло пройти, будто ее обида была чем-то неважным...

Въехал на пяточок автобус, принялся неловко разворачиваться, не уместаясь своим неуклюжим железным телом на маленьком пространстве и потому то отъезжая назад, то подаваясь вперед. Люди обступили его, а потом спешили войти внутрь, чтобы занять места. Я машинально подчинился их напору, не ощущая общей торопливости и только чувствуя сковывающую тело усталость. В голове носились обрывки случайных фраз, ее слов, обращенных ко мне, но голос отчего-то был неласковым и даже раздраженным.

Я вспомнил, как вечером перед тем, как лечь в больницу, мы вернулись домой. В квартире было душно, потому что, уходя, я забыл открыть окно. Жена молча снимала туфли с усталых ног, стараясь не встречаться со мной взглядами. За несколько месяцев нашей семейной жизни я, кажется, научился чувствовать ее состояние. Я знал – что-то гложет ее сейчас, какое-то эмоциональное движение нарастает внутри, готовясь вылиться наружу, но не мог ничего изменить.

В такие часы мы делали по дому больше, чем иной раз за неделю. Жена начинала размеренно протирать туфли влажной тряпкой, а потом намазывала их черным смолистым кремом, я же шел на кухню и убирал оставшуюся после завтрака посуду со стола. Я не знал, нужно ли греть ужин, и боялся спросить ее об этом, и потому, помыв посуду, просто стоял посреди кухни, опершись на раковину и чего-то ожидая.

Когда я вернулся в комнату, жена уже легла. Я облегченно вздохнул и сел за письменный стол, пытаясь хоть немного поработать, но все-таки чувствовал, что

она не спит, хотя и не подходил к кровати, убеждая себя, что ей нужно выспаться перед завтрашней поездкой в больницу. Вдруг я услышал, что она плачет. Торопливо поднялся и присел рядом, пытаясь обнять, но жена отстранялась, будто мои прикосновения обжигали ее.

– Ну почему? Что происходит? – спрашивал я. – Скажи мне, ведь я всегда готов помочь – Но она не отвечала и только вздрагивала своим хрупким телом при каждом всхлипе.

Наконец, будто собравшись с силами, повернула ко мне заплаканное лицо и выговорила с ожесточением:

– Я всегда буду у тебя на втором месте... Я уже ненавижу твою литературу – И отвернулась опять.

Это было несправедливо, я хотел возразить ей, переубедить, но едва я начинал что-то говорить, голос мой становился слабым, а фразы казались ненастоящими.

– Все будет хорошо, – только и мог сказать я. – Это такой период, его нужно пережить...

– Не будет хорошо, – возразила она резко, лишь немного отнимая лицо от подушки. – Зачем ты врешь?! Разве ты не видишь, что с каждым днем становится только хуже?

До того, как мы начали встречаться, она полгода была влюблена в меня. Я же мечтал о сосредоточенной писательской жизни, которая ждала меня впереди, и совсем не замечал ее рядом. И теперь я понимал, что эти обидчивость и мнительность связаны именно с тем периодом безответной любви, но не знал, что же мне делать. Мне казалось – сейчас-то я рядом, что же еще нужно, и разве не видно, как сильна моя любовь... Меня раздражали ее легкомысленные слова о том, что у нас все плохо, как будто она радовалась, что это так, или просто искала повод расстаться. Еще я злился на то, что она совсем не думает о том, что завтра нам рано вставать, ехать в больницу, а мне потом еще и на работу на другой конец города – но нет, ей важны были только свои переживания! Так мы и лежали, она – отвернувшись, я – борясь с собственным раздражением.

Автобус повернул, размашисто вильнув тяжелым телом, так что я мгновенно оказался на солнечной стороне. И от ярких красных лучей, хлынувших в меня, вдруг так горько стало, что мы, как два расстроенных инструмента, никак не можем найти ту ноту, на которой сошли бы наши голоса. И почему я в тот вечер поддавался эмоциям, а не успокоил ее, думал я с досадой...

Следующий день прошел бестолково, в заботах и суете, я позвонил ей только после работы. Прижимая телефон к уху, стоял перед огромным раскаленным шоссе, по которому то и дело пронеслись пышущие жаром машины – было плохо слышно, и оттого ее голос казался особенно слабым. Вроде бы она просила меня не ездить к ней, не мотаться. А я только вздыхал в ответ на ее беззащитную гордость, на желание показаться сильнее, как будто она могла вот так вот легко обойтись без моего присутствия в этот важный вечер перед операцией.

Когда я приехал в больницу, жена находилась в палате. Она только что перетерпела долгую и неприятную процедуру и теперь была в приподнятом настроении, оттого что на сегодня уже все закончилось.

Мы сели рядом и стали рассматривать причудливые следы от зеленки на полу.

На другой стороне просторной палаты лежала большая кряжистая бабушка с громким грудным голосом. Она сразу же заговорила со мной, будто бы продолжая давно начатую беседу, а потом принялась предлагать яблоки из своего сада. Кажется, нам с женой приятно была ее суетливая разговорчивость – легко было кивать или отвечать что-то простое, для чего не нужно было старательно подбирать слова. Бабушка оказалась очень набожной: вокруг ее кровати стояло множество икон, которые она привезла с собой из дома. Иконы громоздились на тумбе, закрывавая баночки с лекарствами и мешочки с яблоками, но не умещались там и потому расходились по спинке кровати в одну сторону и по подоконнику в другую. Потом жена рассказала мне, что у бабушки недавно умер сын, и теперь она часто упоминала о нем без причины.

И все-таки нам хотелось побыть вдвоем, и потому через некоторое время мы вышли в коридор. Там от окна до окна ходил мягкий прохладный ветер, приятно щекотавший лицо и руки. Но, даже оставшись одни, мы не стали разговаривать, а молча сели на огромный мягкий диван на входе в отделение и замерли, ощущая теплоту друг друга. Ссора еще чувствовалась между нами, но уже не обидой или раздражением, а едва заметным отдалением, будто что-то внутри не давало нам быть полностью открытыми между собой.

Потом осторожно мы стали заговаривать о чем-то незначительном – то о прошедшей мимо нас доброй пожилой медсестре, которая приветливым обхождением помогала многим больным легче переносить процедуры, то о забавном случае на моей работе – как бы пробуя на вкус ту или иную тему. А на прощание жена сказала, что скучает и хочет домой, и я обрадовался, что наша старенькая съемная квартира, которую она всегда называла чужой, теперь уже как будто стала для нее родным местом.

Ее слова грели меня весь вечер, неожиданно вспоминаясь и волнуя сердце. А когда я вернулся домой, в ту самую нашу квартиру, мне почему-то показалось, что жена здесь, спит на кровати, а может, даже плачет, как прошлой ночью. Но в квартире было пусто и одиноко. Я слонялся из комнаты на кухню и обратно, потом сел за стол и вдруг почувствовал, как сильно виноват перед ней.

Она выносила нашу любовь как ребенка, мучаясь, растя в себе маленький огонек – самое важное, что у нее было тогда в жизни. Когда мы уже стали встречаться, она иногда рассказывала мне, как тяжело ей было хранить его в себе, уже не надеясь на взаимность, – я кивал в ответ, жалея ее, но не ощущал эти слова кожей: они проходили сквозь меня, не задевая. Ко мне ведь чувство пришло неожиданной вспышкой, пронзительной радостью ощутить любящего человека рядом, и я беспечно отдавался этой радости, эгоистически наслаждаясь ею. И даже после свадьбы я почти не думал о нас, а больше о литературе – мне жадно хотелось писать, а жена все эти месяцы жила со мной, не чувствуя меня рядом; ждала отклика, но не могла получить его.

Я поднялся и медленно лег на кровать, но не мог справиться с нахлынувшим чувством вины. Я пред-

ставлял, как она плачет здесь одна, отчаянно надеясь, что я подойду и скажу что-то такое, отчего она мгновенно поверит в искренность моей любви, но я только раздражаюсь от этих слез и принимаюсь бессильно успокаивать ее дежурными фразами, от которых становится только тяжелее...

Следующим утром я проснулся от сильной тревоги. Я лежал, пытаюсь успокоиться, собрать разорванные мысли, но с каждой минутой все яснее ощущал, что жене предстоит сегодня настоящая операция, что это будет общий наркоз – и почему же я не боялся этого раньше? Я столько переживал о наших отношениях, о ссоре и даже не подумал о возможной опасности. А жена волновалась, я только теперь понимал, как сильно она волновалась, но не хотела показать мне этого.

Она обещала позвонить перед тем, как ее повезут в операционную, но мой телефон молчал, и после обеда я сам набрал ее номер. Абонент был недоступен. Я понял, что операция уже идет, а она просто забыла или не успела позвонить, но равнодушные механические слова в трубке все равно отзывались во мне мучительным холодом. И страшно было, что я сегодня не услышал ее голос, не сказал что-то важное, что могло бы успокоить ее, дать сил.

И весь сегодняшний день мне казалось, что воздух вокруг натянут и может порваться в любой момент, а исход операции зависит от одного моего слова, неосторожного движения. Я сидел на работе, а из другой комнаты вдруг вышла незнакомая женщина и, громко хлопнув дверью, выговорила со злостью: «Какие же здесь все идиоты...». Все содрогнулось во мне от этих грубых слов, будто пленка задрожала, готовясь порваться, – а ведь именно в этот день она была особенно тонка, и потому в мире должно было быть как можно меньше злости.

А потом я сидел неподвижно, закрыв глаза, чтобы успокоиться, и слушал, как в соседней комнате работает радио. Диктор громко и проникновенно говорил об известных актерах и актрисах, которые жили театром, и творчество было так важно для них, так постыдно возвышенно и оторвано от жизни. Но как же чуждо и нелепо это звучало в тревожном ожидании этого дня.

Телефон по-прежнему молчал, и я ничего не знал о ней до тех пор, пока вечером не приехал в больницу. Я торопливо двигался по запутанным коридорам, а сердце сжималось от страха. Наконец я победил, втиснулся в грузный лифт, ощущая его мучительную медленность. И вот мелькнули передо мной тот диван, где мы сидели вчера, холл с телевизором, пост дежурной медсестры и сама медсестра где-то в глубине ординаторской. Я хотел окликнуть ее, спросить о главном, но не знал, как именно выразить свой вопрос. Голос не слушался, и я только бессильно стоял, опершись на стол, глотая ртом воздух, а потом рванул в палату.

На кровати, укрытая простыней до подбородка, лежала моя жена. Я подскочил к ней и вдруг увидел, как простыня на груди вздрогнула от вдоха. А потом, видимо, услышав мои громкие шаги, жена открыла глаза и медленно, едва заметно улыбнулась.

– Прости, я не позвонила тебе, – сказала тихим виноватым голосом.

Я замер от внезапной нежности и только дотро-

нулся до маленького кровавого пятнышка на ее простыне.

– Все хорошо? – спросил ласково.

– Хорошо, хорошо, – услышал грудной голос сзади, и, обернувшись, увидел ее соседку – набожную бабушку. – Врач сказал, удачно прошла операция. Она молодец.

– Знаю, – зачем-то сказал я, опять глядя на жену.

Она еще не до конца отошла от наркоза, ей тяжело было говорить, и потому я старался не давать ей сказать ни слова, но и сам не мог произнести ничего особенного. Осторожно осмотрел ее рану, пропитанные пахучей мазью бинты, укрыл теплым одеялом, старательно загибая края, чтобы внутрь не проник случайный ветерок. Сел на краешек кровати.

Она кивала – иди, опоздаешь, поздно приедешь домой, а я только грустно улыбался. На тумбочке случайно заметил маленькую малиновую заколку, и так приятно стало, что в этой чужой обстановке рядом с ней лежит знакомая вещь.

Близилось время последнего автобуса, а я все еще сидел рядом, наклоняясь к подушке, касаясь ее волосами, слыша близкое дыхание. Бабушка на соседней кровати как-то особенно громко завозилась, а потом вдруг отчетливо и монотонно стала читать молитву о своем умершем сыне. Мы замерли, боясь помешать ей. Стало так спокойно и торжественно – и мы, и наша любовь, и эти тяжелые слова, будто дыхание Бога рядом. И кажется, мы оба почувствовали вдруг, как много значит этот долгий момент в нашей короткой, как одно грудное слово молитвы, жизни.

А когда бабушка закончила, я все-таки собрался уходить.

– Спасибо, что пришел, – сказала жена на прощанье, и у меня сердце сжалось от ее беззащитности – разве я мог не прийти. Но я только улыбнулся, спокойно и нежно:

– Спасибо, что разрешила прийти, – и увидел, как постепенно теплеют ее глаза.

А потом в автобусе, прислоняясь к мелко дрожавшему стеклу, я смотрел вокруг, и на душе было светлее оттого, что на всем этом грубом и грустном мире будто бы запечатлелась ее последняя теплая улыбка. За окном, по кромке леса на горизонте, по верхним окнам домов разливался горячий закат. Постепенно он спускался все ниже, пока наконец не заполнил даже асфальт под колесами автобуса, проникая внутрь, под

сидения, под ноги стоявшим людям. Я чувствовал, как он наполняет и меня, и все ссоры, тонкости отношений, непонимание – все тонуло в нем, но в то же время что-то важное, чего я сам еще не понимал, как бы скрепляло нас друг с другом...

Раньше я думал, что в любви все должно быть идеально, что нужно искать человека, который полностью подходил бы тебе, ведь любовь должна быть один раз на долгую жизнь. Я знал, как важно, чтобы у людей совпадали мнения по многим вопросам, чтобы правильно могли соединиться все человеческие качества. Но разве так мы выбирали друг друга? Нет, и у нее, и у меня это было по большому счету внезапное влечение, совершенно не укорененное в душе. И теперь я уже понимал, как случайно было наше соединение, как много есть в нас таких шероховатостей, которые никогда не лягут гладко, не притрутся – того, что ни один из нас не сможет полюбить друг в друге, самое большее – привыкнуть. Но, даже зная об этом, чувствуя это так неотвратимо, разве можно было помыслить о ком-то другом рядом? В этом огромном всепоглощающем закате такой ничтожно короткой казалась собственная жизнь, что невозможно было ничего в ней менять и ничего другого выбирать. Моя жизнь не готовилась, как мне казалось раньше, она уже шла, и это была теперь не моя, а наша жизнь... Тополиная пушинка попала на стекло и трепетала, прилепившись к черной резиновой окантовке автобусного окна.

Я думал, как же мне сделать ее счастливой, как нам встать лицом к лицу – увидеть что-то самое важное друг в друге. Как преодолеть себя, стать чем-то большим, чем просто самолюбивым человеком со своими узкими убеждениями и предпочтениями. И так хотелось назад, еще раз увидеть ее, прижаться щекой к маленьким бледным рукам и говорить что-то очень важное, чего я, может, никогда еще не говорил, но я только жмурился от неожиданного чувства и усталости.

Жена моя... как странно происходит, вдруг шелуха жизни спадает и все проясняется. И тогда остальное – и литература, мертвая, безжизненная, призрак без костей, пластмасса, и собственные желания, и мелкие обиды – все становится неважным. И как будто море жизни открывается впереди, и только двигаться по нему куда-то за горизонт, где начинается что-то новое, счастливое и радостное...

Нина МАРКГРАФ-ОРЛОВА, (Москва), член Союза писателей России, поэт, прозаик, лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского, лауреат премии имени Сергея Нилуса, лауреат премии имени С.В. Михалкова.

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Из книги рассказов «Как живешь, Викентий?»

I

Помню, как в детстве мы с Борькой (Борис Горбылевский – мой лучший друг!) искали золото. Ну, это еще, когда совсем пацанами были. Одно лето полностью проторчали в овраге, которым заканчивалась наша улочка. Ручей вытекал из-под почти отвесной стены оврага, пересекая все его дно. Мы скатывались с него вниз на скоростях, больше никак нельзя было спуститься. Пораненные камнями, покорябанные корнями и ветками колючего кустарника, принимались мы за работу, и в поисках золотой жилы промыли, наверно, тонну песка. Потом, став постарше, мы решили стать капитанами, плавать в кругосветку, лишь иногда приезжая в наш городок в капитанской форме. Нам было уже по девять лет, и мы перебазировались на Волгу, вернее на залив, где, как по заказу, стояла недалеко от берега большая, практически целехонькая баржа.

На берегу, в воде и на барже прошли лучшие годы нашего детства. От них остались воспоминания и бортовой журнал двух капитанов – Александра Грибова и Бориса Горбылевского. А когда мы стали взрослыми (это случилось в прошлом году и совершенно для меня внезапно) и поступили в медучилище – учиться на зубных техников. У Борьки и отец зубной техник. «Хорошая профессия, не бедственная, и ехать никуда не надо, по общежитиям мыкаться, будешь учиться здесь, на глазах», – сказал он Борьке. И Борька не возражал, а мне ж куда без друга, вот и поступили вместе.

Почти два года мы с Борей посещаем училище, до конца еще столько же веселеньких дней, заполненных изучением муляжей и костей, походами на операции, в зубной кабинет и в морг.

Иногда на меня нападает отчаяние.

– Боря! – говорю я горестно. – Боря, еж-колобок! Мы же мечтали быть золотоискателями, капитанами, найти свое Эльдorado, а будем зубными техниками... Рвем отсюда когти, пока не поздно!

Но Боря никогда не меняет своих решений: он не знает сомнений. Он смотрит решительно и деловито, он знает все на десять лет вперед, с ним все кажется простым и ясным, как дважды два, он – вот такой мужик! И я успокаиваюсь и опять согласен таскаться за компанию с ним в это – пропади оно пропадом! – училище, раз уж ему загорелось стать зубником...

– Наше золото от нас не уйдет, – каждый раз утешает он меня, расставляя на доске старенькие шахматы или, как сегодня, когда мы сидим у меня и готовимся к завтрашнему зачету, делая крепкими, плечистыми буквами краткие выписки из учебника. – Только

мы не будем такими дураками, как были в детстве. Помнишь, как песок в ручье промывали, хотели настоящее золото найти.

Мы дружно смеемся.

– Слушай, Шурик, – говорит Боря, переписывая из учебника таблицу состава крови, – ты все еще влюблен в Людю Потемкину?

– Нужна она мне! – пожимаю плечами я. – А ты?

– Пожалуй... – задумчиво отвечает Боря. – Ты знаешь, у нее, оказывается, семья такая интересная: мама глазник, а отец заведует урологией.

– У тебя что, камни в почках или бельмо на глазу, что тебе это интересно?

– Да нет, Шурик, я здоров... – вздыхает Боря, захлопывая учебник. – Я завтра ее в кино собираюсь пригласить...

– Хоть сто раз! – отмахиваюсь я. – Подумать только, что из-за этой цацы мы с тобой чуть врагами не сделались!

– Ну, я пошел, – говорит он и исчезает за дверью.

На следующее занудное мартовское утро я опаздываю на занятия: бегу бегом мимо бани, базара, зеленой от пят до маковки церквушки на улице Буденного, пролезаю через заборную дыру в парк культуры и вижу впереди на аллее сердитую фигуру Бори.

– Горбыль, подожди! – кричу я.

Но Боря не останавливается: он терпеть не может опаздывать. Я догоняю его только у нашего первого корпуса.

– Ты что, тормоза дома забыл? – сердито спрашиваю я. – Остановиться не можешь?

– А ты зубником или пожарником собираешься стать? – тоже сердится он. – Анна Ивановна, второй звонок был?

– Был, был! – шумит вахтерша. – Бегите скорей!

Первая лекция – анатомия.

– Здравствуйте, детоньки! – не глядя, приветствует нас анатомичка, направляясь к кафедре, прямая и торжественная, как Александрийский столп. – Сядьте прямо, закройте учебники: перед смертью не надыхайтесь. Снимите со скелета шляпу и пиджак. Мне эта шутка кажется слегка устаревшей. Еще в 1946 году Коля Семянников надел на него солдатскую шинель и гимнастерку. (Коля Семянников – это Николай Владимирович Семянников, самый знаменитый хирург в нашем городе.) Дежурные, потрудитесь, – кивает она в сторону притаившегося в углу, у стенгазеты «Медик», скелета.

Я (мы с Борей как раз дежурные) раздеваю скелет, вынимаю из его решительно сжатых зубов сигарету и сажусь на место.

– Так, – миролюбиво обращается к нам анатомичка, – а теперь приступим к новой теме. Сегодня, а также и на следующей лекции мы будем изучать кости черепа...

– А когда же зачет будем сдавать? – интересуется кто-то из аудитории. – Вы же говорили, что зачет сегодня...

– Зачет будете сдавать после занятий, – бесстрастно объявляет Валерия Дмитриевна. – Итак, детоньки, кости человеческого черепа, как известно...

Тут, взяв указку, она поворачивается к доске, затем обводит глазами голый, пустой стол и останавливает взгляд на нас с Борей.

– Дежурные, где пособия? – стараясь быть спокойной и покрываясь от этого пятнами, спрашивает она.

Наступает глубокая тишина. Валерия Дмитриевна садится, и все мы затаенно молчим целую минуту.

– Ну что ж, – как бы преодолевая себя, шепчет Валерия Дмитриевна, – будем заниматься без пособий...

Бедная анатомичка! Все знают, какой для нее удар – рассказывать вслепую. Рассказывать, не поглаживая при этом косточку, о которой она повествует, не совершая увлекательнейшего путешествия по ее впадинам и бугоркам с простоватыми русскими и длинными, чеканными названиями на латыни.

– Валерия Дмитриевна, – начинаю я свою повторяющуюся от дежурства к дежурству песню, – можно, мы сейчас за ними сбегать?

– Валерия Дмитриевна-а-а... Ну пожалуйста-а-а... – бубнит вся группа. – Мы так не запомним!

– Хорошо! – соглашается Валерия Дмитриевна. – А пока дежурные будут ходить, я вас поспрашиваю.

Тридцать три девчоночьих вдоха провожают нас до дверей.

Лаборатория – узкая, темная комната с треугольным потолком – находится во втором корпусе, через дорогу. В одних халатах (наша форма, наш мундир!) мы перебегаем улицу.

– Как ты думаешь, – спрашиваю я у Бори, – нижнюю челюсть брать? – и откладываю в сторону все, что, по моему мнению, есть кости черепа.

– Да вот же наш ящик! – торопится Боря. – Лаборантка сама все отложила...

Мы мчимся обратно, смущая зрение прохожих вызывающе яркими изображениями черепов на таблицах, а слух – выразительным стуком височных костей о затылочную, затылочной – о лобную и так далее...

Еще на лестнице мы слышим громкий смех, доносящийся из нашей аудитории.

– Наверно, Зиночка отвечает, – предполагаю я.

– Та-ак... – говорит Валерия Дмитриевна Зиночке, не обращая внимания на нашу возню (я развешиваю таблицы, Боря выгребает кости из ящика). – И все же, детонька, вы не ответили на мой вопрос: как правильно транспортировать тяжелобольного?

Зиночка, вконец запутанная этим коварным вопросом, смотрит прекрасными серыми глазами на свою мучительницу.

– Ну... Их кладут на носилки... – медленно вспоминает она.

– Допустим, – ласково поддерживает ее Валерия Дмитриевна.

– И... выносят...

– ... вперед ногами, – подсказывает кто-то.

– Вперед ногами! – уверенно заканчивает Зиночка.

Девчонки хохочут как сумасшедшие, мы с Борей тоже в полном восторге – ох уж эта Зиночка! Одна Валерия Дмитриевна остается невозмутимой.

– Садитесь, детонька, – говорит она красной от горя и стыда Зиночке. – Если вы и далее будете так учить, вам ничего другого и не придется делать.

Зиночка отправляется на место. В это время с улицы доносится похоронный марш. Эту душещипательную мелодию нам приходится слушать довольно часто. Дело в том, что медучилище располагается недалеко от кладбища, как раз по пути к нему.

– Зиночка, это не твоего больного везут? – участливо спрашивает Люда Потемкина (в недавнем и позорном прошлом наша с Борей общая любовь).

Все снова радостно хохочут.

– Думаю, шутки тут неуместны, – сурово перебивает нас анатомичка. – Итак, новый материал...

Наконец-то можно вздохнуть спокойно!

Пока Боря конспектирует кости черепа, я сижу и думаю о том, например, зачем я сижу здесь. Ведь мне глубоко безразличны кости черепа. И все остальные – тоже. Мне скучно и противно смотреть на человека с этой стороны. Потому что человек – это вовсе не кости, не система кровообращения, не железы внутренней секреции, а... Ну, не знаю... Душа, что ли? Я люблю бродить по улицам и заглядывать прохожим в глаза... Боря говорит, это потому, что у меня затянувшееся детство, а человек должен заниматься серьезным делом, не тратя время на глупости. Я верю Боре: он умный и все знает. Поэтому я готов заглядывать людям не в глаза, а в рот. Я сижу на лекции и не слушаю. Множество мыслей, смешных, глупых, грустных, тихих, странных, бесшумно мелькает у меня в голове. Кажется, что они, как солнечные блики, что мысли делаются из света...

В апреле наша группа пошла на практику. Мы должны были пройти четыре отделения: терапию, кардиологию, детское отделение – и затем попасть на весь июнь в нашу святая святых – зубной кабинет, но я добрал только до кардиологии.

Когда мы с Евдокией Петровной, процедурной сестрой, начинали делать уколы, ко мне устанавливалась целая очередь. Больные считали, что у меня легкая рука. Я колю так, что они улыбаются. Мне думается, что, если бы я этих сердечников колол по утрам спящими, они бы так и продолжали спать до самого обхода, даже не вздрогнув. А как я ставлю банки! С этими банками меня вообще заколебали: только подхожу утром к посту, а кто-нибудь из больных уже начинает клянчить:

– Санечка, поставишь вечером банки?

Руки у меня оказались способные, только меня эти успехи не греют: медицина ведь мне до лампочки, а клятва Гиппократова кажется самым натуральным выпендрежем: «Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигией и Панацеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно...» – ну и так далее, такая же мура!

Я просто думаю: какой толк от того, что Евдокия Петровна страсть как влюблена в свое дело, если вот уже двадцать лет у больных от ее уколов в глазах чертики пляшут?

Однажды утром я сидел за сестринским столом и разбирал кучу бумажек – вчерашние анализы, которые только что принесли из лаборатории. Их нужно было подклеить к историям болезни до утреннего обхода.

– Привет, медбратик! – услышал я за спиной звонкий насмешливый голос и, обернувшись, увидел девочку лет пятнадцати.

У нее были каштаново-лиловые волосы, схваченные огромным бантом на макушке, и то ли из-за банта, то ли оттого, что утро было летнее, ясное, глаза ее казались очень синими и большими, будто на портрете. Только они были живые. Девочка была необыкновенно тоненькая, а кожа у нее – прозрачно-золотистого цвета, который был скорее свет, чем цвет. Невозможно было представить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь дергал ее за косы, бросал в нее снежками, ставил ей двойки... Как к ней прикоснуться? И такими ненужными, неправдоподобными, далекими показались вдруг лекции Валерии Дмитриевны: кости черепа, грудная клетка, кости таза...

– Или вас лучше называть сестричкой? – весело спросила она, встав рядом со мной.

Я удивился ее обыкновенному, «человечьему» голосу и ответил, притворяясь, будто принял ее за обыкновенную девочку:

– Называйте меня Саня, меня здесь все так зовут.

– А меня все зовут здесь Любочкой! – засмеялась она и заговорщически прошептала: – Посмотрите, пожалуйста, мой анализ крови...

– Нет, Мария Ивановна будет ругаться, – сказал я.

Мне не хотелось, чтоб она уходила. Может быть, стала бы меня уговаривать.

– Мария Ивановна в приемном покое, я сама видела, как она туда спускалась.

– Все равно нельзя, – ответил я.

– Ну, пожалуйста!.. – сказала она.

– Как фамилия? – вздохнул я, строя из себя великомученика в белом халате.

Норму – чего в крови сколько – Валерия Дмитриевна заставила нас вызубрить назубок, так что в анализах я, можно сказать, разобрался...

Я нашел бумажку с фамилией девочки. Хуже не придумаешь!.. Черт знает сколько лейкоцитов, повышенное РОЭ, уменьшенный гемоглобин... Но не зря же прямо передо мной два года висел плакат: «Наша медицина – самая гуманная».

– У-у-у! – ухмыльнулся я, вкладывая бланк с результатом анализа в историю болезни. – Не кровь, а шампанское! С такой кровью вы обречены на вечную жизнь, Любочка!

– Да? – засмеялась она.

Я вдруг ощутил внутри горячее сияние нежности, восторга и желание немедленно засмеяться вместе с ней и запомнил это, испуганно и удивленно чувствуя возникновение странной, сумасшедшей, беспричинной радости и интереса к жизни...

П

– Ты впервые целуешься? – спросила она.

– Да, а ты?

– И я.

На самом деле я уже целовался. Но тогда это было совсем другое, это не считается... Да, не считается!

– Тебя не будут ругать, что я здесь?

– Не знаю. Мне все равно, – шепчу я.

Мы сидим в процедурной, среди кипящих и шипящих в темноте стерилизаторов со шприцами и системами для переливания крови.

– Одна из них – для тебя, – говорю я, открывая крышку большого стерилизатора. – Завтра тебе будут переливать кровь.

– Ой, я боюсь... – шепчет Любочка. – У меня же вен нет.

– Ерунда. Валентина Георгиевна будет переливать. Если надо, она и у шкафа вены найдет.

Любочка смеется, и я смеюсь вместе с ней. Я едва вижу ее лицо. В процедурной темно. У меня ночное дежурство. Мария Ивановна, в паре с которой я дежурю, ушла поболтать в приемный покой, и мы с Любочкой впервые вдвоем ночью. Прошло две недели с того дня, как я увидел ее впервые и полюбил. История ее болезни стала теперь для меня единственным чтением, достойным интереса. Электрокардиограммы, цифры, артериального давления, поделенные тревожной вертикальной чертой, анализы крови на всевозможные реакции, мрачные закорючки консультирующих врачей, ординаторов, профессоров по сто раз на дню меняли бой моего сердца, мое давление. Я со страхом вслушивался в разговоры всей этой «похоронной команды», как я злобно называл целую стаю врачей, каждое утро выпархивающую из Любочкиной палаты. Никто из них не надеялся – глупо было бы сказать – на ее выздоровление, но хотя бы – улучшение... А профессор Петрушевский из института кардиологии даже называл точный срок – два с половиной месяца.

«Тоже мне Господь Бог! – бесился я в одиночестве. – Предсказатель! Самому-то тебе сколько осталось, старый комод!..».

«Целый лист назначений! – сходил я с ума, проглядывая историю болезни. – А диагноз так и не выяснен!..».

– Санечка, а я не верила, что на свете есть любовь... – шепчет Любочка, положив голову мне на плечо.

– Как же нет, – бормочу я, целуя ее глаза, – когда тебя и зовут Любовь... Можно я потрогаю твои волосы? Они у тебя такие... сказочные...

В это время в коридоре раздаются торопливые шаги.

– Есть тут кто? – слышу я голос шефа, который дежурит с нами этой ночью.

– Есть, – рванулся я к двери.

Но он уже успел включить свет.

– Что здесь делает больная? – Он хмуро смотрит на Любочку. – Ладно, об этом потом. В первой палате плохо больному Голикову, со стенокардией. Сделайте эуфиллин и дайте кислород.

«Кислород-то зачем?» – думаю я. Набираю в шприц эуфиллин и бегу в первую палату.

– Сейчас вам станет лучше, – говорю я Голикову, вынув иглу из вены.

– Я знаю, – улыбается он белыми на меловом лице, тяжело дыша. – Не в первый раз... Укольчики-то где учился ставить?

– У меня просто рука легкая, – улыбаюсь я. – Сейчас кислород принесу.

– Бог с ним, с кислородом, не надо. Уже прошло. Теперь буду спать, как Илья Муромец...

– Я минут через десять зайду, посмотрю, – говорю я. – Спокойной ночи.

Я прошел по палатам – все было тихо. Вернулся в первую – Голиков действительно спал. Хороший мужик. Сердечники вообще редко бывают занудами.

Любочка по-прежнему сидела на кушетке и рассматривала тетрадь назначений.

– Саша, мне укол вычеркнут, а Евдокия Петровна утром делала... Почему?

– Потому что тебе его отменили уже после обеда, – на ходу придумываю я.

Шею бы сломать этой Евдокии! Ведь еще вчера отменили!

Я хотел отослать Любу спать, но вместо этого снова уселся рядом с ней, и теперь мы целовались уже при свете, пока на лестнице не послышались шаги Марьи Ивановны, возвращающейся из приемного покоя.

– До утра, – сказал я.

– Что это она тут делала? – поинтересовалась Марья Ивановна, выключая стерилизатор.

– Снотворного просила – уснуть не может, – соврал я.

Утром, на пятиминутке, шеф был злой, как дьявол. Сначала он дал нагоняй санитарке, за то что она спала ночью в коридоре на раскладушке да еще и храпела. Потом отругал Марью Ивановну, за то что она слишком долго сдает сводки в приемный покой. И наконец добрался до меня.

– Так! – сказал он. – Ну а теперь о нашем юном донжуане! – Он вперился в меня своими зенками. – Я здесь не позволю заводить шашни с больными! Сегодня Таня, завтра Маня, а послезавтра меня снимут с работы!

– А вы очень боитесь потерять пост заведующего? – зло спросил я.

Уж что-что, а дерзить всем этим взрослым я еще в младших классах умел.

– У нее большое сердце! Ей ночью спать надо! – взревел шеф.

– Да?! – заорал я на него. – А кроме того, что сердце у нее большое, вы еще что-нибудь знаете? Как вам вообще это удалось установить? По справочнику для фельдшеров, который валяется у вас на столе?

Я их всех ненавижу! И их, и эту их медицину!

– Вон! – взбешенно сказал он. – Наглец! Не видать тебе зачета по практике как своих ушей!

Но я еще не все сказал.

– Да плевать мне на ваш зачет! – крикнул я. – Какого черта вы пичкаете ее таблетками, если даже не можете установить точного диагноза!

– Выведите его! – приказал шеф.

Меня вывели.

– Хорошо, что она выбрасывает эти наши таблетки за окошко! А то бы давно отравилась! – крикнул я уже из коридора. – Коновалы проклятые!

Господи! Конечно, я понимал, что никто-никто – ни лечащий врач, ни шеф, ни профессор Петрушевский – ни в чем не виноват. Но я все равно их ненавижу! Эта высокомерная уверенность и мудрая смиренность взрослых лиц была ненавистна мне еще с тех пор, как умерла моя мама... И все они смотрели тогда так же – уверенно и смиренно... Но об этом я вообще не хочу говорить. Все! Все!

В тот же день ко мне прибежал Боря.

– Ты с ума сошел! – зловеще произнес он с порога. – Ты что натворил?! Зачем ты с шефом поругался?

– Пусть не лезет не в свое дело! Тоже еще – общественный обвинитель нашелся!

– Он классный мужик! – сердито закричал на меня Боря. – И хороший врач! И в газете про него статья была! С фотографией! А ты кто? Ты кретин!

– Плевать!

– Тебя же вытурят, ты что, не понимаешь?

– Плевать! – повторил я.

– Саня, еж-колобок! Ты сдвинулся? Ты же жизнь себе ломаешь!

– Плевать!

Боря подскочил ко мне, схватил за воротник.

– Кретин! – зло сказал он. – Приди в себя! Зачем тебе это надо? Она умрет через месяц!

Я ударил его и бил бы еще, но он был сильнее. Он оттолкнул меня и ушел.

– Идиот! – сказал он, уходя.

На этой же неделе я забрал документы из училища. Не надо, не надо мне этой медицины! Что я буду делать дальше, я не знал и не думал. С Любочкой мы виделись каждый день. Когда было пасмурно и ее не отпускали на улицу, мы целовались на лестнице, часами простаивали на площадке у окна, глядя, как тусклая пыль оседает на деревья и делает их зеленые кроны мышино-серыми. А в теплые дни мы бродили по больничному саду. Мы разговаривали. О том, что я теперь буду делать, и что будет делать Любочка, и что мы будем делать, когда ее выпишут. Мы хохотали над всеми этими – в белых халатах!

– Они думают, что я скоро умру, – сказала однажды Любочка.

– Они дураки! – засмеялся я. – Ничего не понимают!

– Да! Я не умру никогда! Знаешь, я так хорошо себя чувствую, Санька! Я даже по лестнице поднимаюсь – и ничего! Ни за что не умру, глупые они! – Она засмеялась. – То есть умру... Но... когда-нибудь... Как все!

Глупость врачей развлекала нас, мы их презирали, и Любочка их не слушалась. Они, вероятно, и сами поняли, что дали маху, Любочку не ругали, а меня, хоть я и наскандалил тогда на пятиминутке, всегда пропускали – и даже без халата.

Жизнь была прекрасна. Любочка сказала, что мне надо поступить в институт, чтобы меня не забрали в армию, потому что ей без меня будет скучно. В какой институт? Мне было все равно. Я был уверен, что поступлю.

Тридцатого июня у Любочки был день рождения. Ей исполнялось семнадцать.

У нас на этот день был свой тайный план.

Вечером, через час после отбоя, когда наконец совсем стемнело, Люба спустилась на первый этаж, где на лестнице за лифтом было открыто окно.

Я помог ей выбраться, и вскоре мы были за воротами, на свободе. Самым коротким путем провел я ее от больницы до набережной Волги. Мы постояли немного у освещенного парапета и спустились на дикий пляж.

– Здесь нас никто не найдет, – сказал я.

– А нас и не будут искать! – засмеялась Любочка. – Я написала Марье Ивановне, что я с тобой. Так что до утра они ничего не будут предпринимать. А в

шесть я вернусь.

Мы уселись на огромный теплый камень. Реки почти не было видно, просто какая-то живая, иногда вдруг всплескивающая темнота. Днем была жара, и теперь от воды веяло теплым парным духом.

– С днем рождения! – сказал я, обняв ее.

– С днем рождения, – повторила она и притихла.

Потом мы развели костер. Любочка стояла перед ним неподвижно, смотрела в огонь, и мне снова не верилось, что к ней можно прикоснуться...

В пять мы отправились назад.

– Санечка! Как же было хорошо! – Она вскочила на ступеньку набережной. – Я храбрый заяц, я никого не боюсь!

Я проводил ее до больничных ворот.

– Позвони после взбучки, – сказал я.

– Ага!

Дома я повалился на кровать и сразу уснул крепко и счастливо. Телефонный звонок вытянул меня из глубины на поверхность. Было утро, а может, день, солнце палило в не закрытые ставнями окна. Я вскочил, помчался к телефону.

– Саша, – услышал я тихий голос, – это Мария Ивановна...

Я испугался, стоял и молчал. – Сашенька, Люба...

Я сразу все понял. Бросил трубку, выбежал из дома и направился к Любе в больницу, в палату, но понял, что ее там уже нет...

Я вспомнил себя через несколько часов: я возвращался откуда-то по мосту – видимо, снова решил пойти в больницу.

На мосту, у перил, стояли два парня. Лиц не помню, но один из них был в белой расстегнутой на груди рубашке. Он держал в руках бутылку с вином и, истерически хохоча после каждого слова, твердил:

– Представляешь, Серега?! Дергаю за кольцо – ни фиги!.. Ищу запасное – нету! И падаю! Понимаешь, Серега? Падаю! А все наверху – у них-то парашюты раскрылись! А я падаю, Серега! Понимаешь?

Он жадно хлебнул из горлышка, сунул бутылку второму.

– Серега! Смерти нет! – крикнул он яростно и чуть не плача.

– Смерти нет, – согласился Серега, отпивая.

– Эй, братишка! – позвал парень в белой рубашке.

– Выпей с нами!

Я взял бутылку.

– Представляешь, дергаю за кольцо...

– Парашют не раскрывался? – тоскливо спросил я.

– Смерти нет! – бешено закричал он. – Пей!

– Смерти нет... – повторил я и, кажется, только тогда заплакал.

В августе я подал заявление на восстановление в медучилище, и вот снова хожу на лекции и зубрю, зубрю, зубрю в бешенстве все, что положено, о человеке и о том, в чем держится его душа...

Александр ФИЛАТОВ

НЕРОЖДЕННЫЙ ПОРТРЕТ

рассказ

Он был художник. Со званием. Очень известный, но очень простой.

Я тогда таких еще не встречал, и оценить масштаб личности было сложно. Даже далеко за семьдесят нетвердой дрожащей рукой он еще писал пейзажи и портреты. Первые, по признанию профессиональных критиков, удавались ему с переменным успехом, во вторых же отразилась вся мощь русского реалистического искусства. Его работы до сих пор висят не только в областных музеях, но и в ведущих столичных галереях.

По заданию редактора я случайно пришел к нему на интервью и к финалу беседы совершенно неожиданно услышал:

– Хотите, я вас напишу?

Это было неожиданно. Кто я и кто он? Студент, подрабатывающий в областной газете, и признанный мастер, мэтр, у которого сотни своих учеников. И более, чем четырехкратная разница в возрасте. Хотя объяснение, на первый взгляд, звучало просто:

– У вас выделяющаяся внешность и необычные стихи. Мне интересно с вами пообщаться...

Оказывается, он где-то меня читал. Я был просто поражен. Это во мне он нашел что-то интересное?! Моя самооценка со скрипом провернулась внутри, мгновенно выделив в кровь токсины несмазанного сомнения...

– Конечно, вам придется какое-то время провести со мной в студии. Я – старый человек, и, к сожалению, уже не могу написать вас быстро. Зрение не то. Придется вам меня потерпеть. Но ваш портрет будет не совсем из той... ммм... серии, которые за пятьсот рублей рисуют на Арбате...

Я в замешательстве. Не за 500... За сколько же?! А вдруг у меня нет таких денег? А вдруг я не смогу заплатить нужную цену, какой бы она ни была?

Он моментально сосканировал мою мысль...

– В последнее время я редко общаюсь с молодежью. Нет поводов, к сожалению, знаете ли. Но мне понравилось, как вы мыслите. Это бывает редко. И мне хотелось бы написать по-настоящему хороший портрет. Видите ли, каждый художник воспринимает мир, людей и предметы по-своему, и, глядя на выразительные, тонкие черты вашего лица, я уверен, что у нас с вами получится замечательная работа. Не беспокойтесь, много денег я с вас не возьму. Компенсировать стоимость холста вас устроит? Только обещайте, что после моей смерти вы будете предоставлять этот портрет галеристам для показа на всероссийских вы-

ставках, когда об этом попросят, и больше мне от вас ничего не нужно...

Старость и молодость – антимир, которым невозможно понять друг друга.

Прикидываю, сколько времени уйдет на такое мутное общение на фоне художественного «ваяния». Снисходительно, брезгливо и по-своему утонченно констатирую свой ущерб. У меня же вся жизнь впереди, и это, в конце концов, не последний художник на свете. Будут еще в моей страстной жизни свои паблпикассы...

Не хочу обидеть. Интеллигентно осторожничаю. Думаю. Отвечаю, отмечая лишние обязательства.

– Можно, я подумаю, Василий Иванович? Работаю, и вообще... Мне кажется, что я пока что не совсем готов...

– Ну, как хотите... У вас в самом деле удивительное, редкое лицо... Вы просто не совсем отчетливо видите себя со стороны, а я вижу, уж поверьте моему глазу... Это был бы очень хороший, просветленный портрет... Созреете – звоните...

Я ужоу и впрямь погружаюсь в недолгие раздумья. Возрастной скепсис и кажимая бесконечность личного горизонта быстро берут верх. Решаю залечь на дно...

Да, старость и молодость принципиально несовместимы в понятиях и времени. Не звоню. Надеюсь, что и меня не потревожат. Мне, собственно, так вполне комфортно. В своих давно изученных пределах.

Нарыв маятниковых колебаний снова не беспокоит, и внутри себя я этим почти горжусь. К счастью, вдали от раздражителя я снова вполне устойчив, уверенно хожу по одним и тем же улицам и продолжаю убивать время привычным мне способом. Однако где-то через полгода снова встречаю старика на улице, не успевая реализовать свое постоянное желание перебежать на противоположную часть улицы.

С одной стороны, я, конечно, рад, что он как-то выделил меня из толпы, с другой – досаую о причинном беспокойстве. Вижу – он заметно сдал, похудел и как-то моментально постарел. Моему растущему организму все это явно в тягость. Но приходится соблюдать политес. Меня же повсюду ждут, и прямо сейчас я несусь в кафе, где сидят бессмысленные, но комфортные по причине давней изученности сверстники... А тут еще тужиться мыслями, отвечая на неизбежные вопросы.

– Володя, здравствуйте, как вы поживаете?

Деланно весело, коротко, никак:

– Добрый день, все отлично. Вы как, Василий Иваныч?

– Не очень хорошо. Болею. Но мое предложение остается в силе. Я готов вас писать, если вы решитесь, правда, видимо, теперь я буду делать это еще медленнее – в последнее время не могу завершить даже те свои пейзажи, что требуют нескольких последних мазков. Силы уходят. Но за ваш портрет я бы все-таки взялся... Да, статья ваша получилась прекрасная. А недавно читал ваши новые стихи в газете. Вы – молодец. Это сейчас редко. Много хочется, о чем поговорить. Вы так интересно пишете об искусстве. Творческие люди должны разговаривать. Творчество проистекает из общения...

Насчет общения я, впрочем, еще не уверен. Мне порой кажется, что творчество проистекает только из одного меня.

– В-возможно в-вы п-правы...

Скептически не понимаю. Смущенно раскланиваюсь. Дежурно удаляюсь.

Еще через полгода парадоксально-насмешливая судьба испытывает мое хрупкое терпение новой встречей.

За прошедшее время он сдал еще сильнее, и я это сразу вижу. У нас с ним теперь практически перпендикулярные биоритмы. И повзрослевшему мне уже, прямо скажем, совсем не до искусства. Я мог бы, разумеется, по привычке заранее обойти его, но бегу от друзей навеселе, замечая шаркающего старика в самый последний момент. Он, напротив, сконцентрирован, несмотря на приволакиваемую ногу и существенную потерю дикции...

– Здравствуйте, В-володя. Ч-что ж-же в-вы н-никогда н-не з-звоните? С-совсем я п-плохой с-стал. В-видите, в-вот, п-пережил ин-нсульг. Д-думал, к-конец. Но н-нет, н-ничего, в-выкарабкался. К-как в-вы, к-кстати, н-насчет п-портрета, н-не н-надумали? Я в-вам н-не г-говорил, ч-что х-хотел б-бы им з-закончить к-карьеру?..

Да что же в самом деле за одержимость такая у него моим вполне заурядным лицом?!

Бормочу в ответ что-то невразумительное. Передо мной же пока что простерт весь мир, чтобы так радикально себя стреножить.

– Да-да, Василий Иванович, я скоро непременно перезвоню вам, а то такая масса неотложных дел навалилась, что просто вот ни одной свободной минуты.

– В-все р-равно в-вы м-молодец! Ч-читаю, с-слежу... Н-но в-вы б-бы п-поторопились...

– Премного благодарен. Спасибо. Дякую. Мерси. Грациас... – кидаю для полной убедительности завершения коммуникативного гештальта.

Если бы молодость знала, если бы старость могла...

Еще через полгода кто-то из общих знакомых сообщает мне о назначенных похоронах. У моего портретного преследователя, оказывается, был рак, не помню уже сейчас, чего. Я не удивлен. Ну что же, это вполне предсказуемо для старости. Конечно, я спокойно приношу на вынос тела и свой щедрый, растущий организм. Осознания момента драмы нет ни в одном глазу. Разве что немного жаль, что не нашел времени позировать, а то бы и портрет уже висел у меня над кроватью, став предметом застенчивой, но вполне периодической гордости перед гостями... А ведь как хорошо было бы написать его как-то удаленно и стерильно, обойдясь вот безо всех этих рукопожатий и возвышенных разговоров!

Просто немного не повезло, что он так быстро умер – может быть, еще и настало бы время чуть позже...

Не, ну правда, будут же еще на моем пути художники, которые захотят написать мой портрет для все-российских выставок.

Желательно, известные. Последний портрет. Обязательно. Будут.

Молодость гораздо разбрасываться.

Здесь могло быть еще много слов нудной морали. Но...

С тех пор прошло 20 лет, и я научился ценить капризное время. В один прекрасный день произошло и вовсе невероятное – я поверил в себя, равно как и в то, что в моем нервном лице в самом деле есть какая-то незаурядность. Оказалось, что это как раз не так уж сложно. Оно само приходит, в свой час.

Однако, мой п-портрет так до сих пор и не написан, и больше никто и никогда ни разу не предложил мне написать его...

Евгения ИЗВАРИНА родилась в г. Озерске Челябинской области.

Живет в Екатеринбурге. Работает редактором отдела газеты Уральского отделения РАН «Наука Урала». Автор восьми книг стихов, публикаций в российских и зарубежных журналах, антологиях и коллективных сборниках. Лауреат литературной премии им. П.П. Бажова.

Член Союза писателей России.

ОСТАНЬСЯ В БУДУЩЕМ

* * *

Спешу, не переломишься небось...
Вот книга, с полувыдоха растопка,
там сказано (где – накрепко, где – вскользь):
в пустыне тропка –
безвестная под общий утюжок
верблюжья нитка, съеденная молью, –
продолжится,
        приложится,
                прожжет
себя до основания...

– Выйдет к морю.

ПОЭТ

...гори,
подбрасывай поленья:
как, продлевая Свой билет,
Бог сохраняет все, так время –
неяркий вкус
и горький свет.

Как есть, наивен и неведом,
останься в будущем.
...В былом –
сгорай,
золу мешай со снегом,
пролейся в недра – серебром...

* * *

Сентябрь гончара поймет:
пальцы легче перепелов,
каждая глина свое вьет
молчание – словно души снов,
повредившихся в умах
покачиваются в сетях -
плечом отгалкивая март,
оберегая свой сентябрь...

* * *

Реки – поперек неизменно, а струны – вдоль
солнце на закате трогало, не слепя,

яблоки в саду светились, как под водой,
люди на мосту встречали самих себя,

и хватало сил – сколько их берет
крестный ход: само собой обносило храм

яблоко, что не вдоль и не поперек
разрезано, просто – пополам...

* * *

Облака ли – не ладони над волосами?..

Вестники и провожатые навсегда:
где не перемигнутся уже с нами,
там легенда – вода,
там трава – кольцо от устья и до истоков,
выше чуть – учительская видна
галочка -

невыученных уроков
облачная страна...

* * *

В дымке разводящая взгляд и вид
амальгама если и рада вам,
странные вещи чудо-зеркальце говорит:

Мир,
что вас не оправдывал,
что подолгу то в холоде, то в огне
держал, кружил на манеже вас,

весь он – в меру,
или не в меру,
или совсем не-
искаженная нежность.

* * *

видишь
винить некого
и не стоило бы
обозначать бегло
небо
дрождью воды

в лужи когда им хочется
смотрятся журавли

вечность
это непрочность
не починить
живи

* * *

окну и лампе
письмо железом по золе

там ангел ангел
там двое с неба на земле

отсрочка будто
в их протокол занесена

всего на букву
для завершения письма

* * *

снег ли дождик запоздало
пробовал не смог

только золото и знало
воздух назубок

человек ли человеку
ливень-листопад

словно в каменную реку
дважды наугад

* * *

тепла – на пчелиную шкурку
усохшей земли

что сделаешь, глядя в печурку
коль искры пошли
багрянцем несбыточной жизни
поленья вязать

замри-отомри-не исчезни
(куда исчезать?)

* * *

по мостику эха
где жизни не в пору
спадают и тонут

монах переходит подводную гору
(а думает – омут)

конец – где случится
слеза – где начало
трепещет бескрыло

монах понимает, что эха не стало
(но чувствует – было)

Александра БЕЛОВА родилась в селе Никулино Енисейского района Красноярского края, после школы трудилась ткачихой на комбинате. Окончила Сибирский технологический институт, работала в Омске младшим научным сотрудником исследовательского института, конструктором на Красноярском шинном и Димитровградском автоагрегатном (1969 – 1990) заводах. В 1974 году вступила в литобъединение «Черемшан» (Димитровград), первые стихи опубликовала в газетах «Знамя коммунизма» и «Автостроитель», где затем работала корреспондентом (1990 – 2005). Автор книг стихов и прозы «Радужное окошко» (1995), «Клад» (2006), «Боль и радость моя» (1996, Москва), «Летом грядки и цветы, а зимою – санки» (2008), «Святой Гавриил, моли бога о нас» (2010), «Сквозь тучи прошлого столетия» (2010). Создатель и руководитель (2005 – 2013) писательского объединения «Слово» в Димитровграде, член Союза писателей России (с 1998) и Союза журналистов России (с 2001). Живет в г. Димитровграде.

В ЯПОНСКОМ СТИЛЕ

ХОККУ

* * *

Всё затихает,
когда идёт первый снег.
Даже собачка.

* * *

Песня ручейка
слышится из-под снега.
Ранняя весна.

* * *

Ясное утро.
Солнечный зайчик
рядом скользит по стене.

* * *

Встану с рассветом,
столько успею сделать!
Сладостен отдых.

* * *

За снег, за дожди
Благодарна Тебе я.
За алый закат.

* * *

В прошлое лето
была почти не видна.
А нынче – сосна.

* * *

Где же вы, дети?
Редкий звонок издали...
С картинами говорю.

* * *

Ну, здравствуй, солнце!
Славный денёк наступил.
Звонкий смех вдали.

* * *

Что-то упало...
За стеной плач ребёнка.
Что же случилось?

* * *

На дереве кот,
смотрит вниз с любопытством.
Кошка крадётся.

* * *

Почки набухли.
Свежая зелень грядёт –
Радость живая.

* * *

Визг бензопилы.
Долго берёза росла...
Как зеленела!

* * *

Яркое платье,
Лёгкий, стремительный шаг.
Все оглянулись.

* * *

Крупные капли.
Ночь. Неужели дождик?
Уйдёт ли жара?

* * *

В цветных пальтишках,
как птички весенней порой,
дети щебечут.

* * *

Не огорчайся.
Новый денёк принесёт
радость. Увидишь!

* * *

Матушка. Отец...
Часто вижу их лица.
ночами, во сне.

* * *

Тепло на душе.
Милые братья мои,
вас вспоминаю.

* * *
 Мимо крылечка
 мальчишка на белом коне
 быстро промчался.

* * *

Весёлый сосед
 с корзинкой уходит в лес.
 Грибная пора.

* * *

Лучше смириться.
 Всякий имеет право
 быть самим собой.

* * *

От грусти идут,
 не от радости строки.
 Жить помогают.

* * *

Давят заботы.
 Синее небо всегда
 силы подарит.

* * *

Хрупок мир дружбы.
 Но шаг другу навстречу –
 и узы крепнут.

* * *

Устану порой...
 Как же спасителен сон!
 Дух оживает.

* * *

Игрушки детей
 смотрят с вопросом в глаза.
 Внуки приедут?

* * *

Кто-то повесил
 кормушку на дерево.
 Весело птицам.

* * *

Ночью не спится...
 Утром - звонок от сына.
 Покой подарил.

* * *

Тоскует душа...
 Быстро письмо приходит
 по «электронке».

* * *

Снова бряцают
 оружием на границе.
 Щит надёжный есть.

* * *

Мир на планете –
 главное благо людей.
 Солнечно. Ясно.

* * *

Водой из ручья
 детям дала напиток.
 Весело шли до дому.

* * *

Запахи кухни.
 Тихое счастье – поесть –
 в меру!!! Доступно.

Александр ТИМАКОВ (2 августа 1959, город Саранск, Республика Мордовия) – член Российского союза профессиональных литераторов, член Союза писателей России, поэт, автор-исполнитель, врач-реаниматолог.

ВДОХНОВЕНЬЕМ ОКРЫЛЁННЫЙ

ХУДОЖНИЦА ОСЕНЬ

*Юной художнице
Татьяне Федоровичевой*

Проредила рощу просинь,
Небеса мазнула синью.
Акварелью рыжей осень
Расплескалась по России.
Бродит дождик по оврагам,
Сажу пашни подзалило.
Скоро по сырой бумаге
Осень нанесет белила.

А пока, листву бросая,
Аплодируют бульвары.
Тучи сетью нависают
Над ее мольбертом старым.
Этот труд, увы, рутинный,
Дорог мне на самом деле.
Большинство ее картин –
По сырому акварели.

Там, где ели смотрят в небо
Меж белилами и сажей.
Осень, подарила мне бы
Восхищение пейзажей,
Целый век опять до лета,
Но, покуда льется дождик,
Где-то странствует по свету,
Осень, девочка-художник!

ДОЖДЛИВАЯ СОНАТА

Сегодня дождь и завтра будет дождь,
А ты хотела собирать малину,
Нельзя быть мокрой лишь наполовину,
Когда в кусты малинника войдешь.

Дождь снова барабанит по стеклу,
Кот на окне лениво выгнул спину.
Нельзя согреться лишь наполовину,
Когда под пледом ты сидишь в углу.

Не умолкая, плачут небеса,
Как будто омут в небе опрокинут.
Нельзя красивой быть наполовину:
Ты разная, и в том твоя краса.

На звонких струях ветер-музыкант
Опять свою играет сонатину,
Но быть талантливой наполовину
Не может разрешить тебе талант.

Дождь мокрой краской выкрасил дома,
Над всей землею сети пораскинул.
Нельзя безумной быть наполовину,
Нет-нет. В тебе достаточно ума.

Как часто плачет дождь в твоей судьбе,
Рисую ночи белую картину.
Нельзя любимой быть наполовину,
Но тут уж не помощник я тебе!

Закрою дверь и свечи запалю,
Подвинусь ближе к теплому камину.
Ты можешь всякой быть наполовину,
Но все равно тебя я не люблю!

СЛУЧАЙ ИЗ ДЕТСТВА

Год за годом, как будто в отместку,
Память в прорве несущихся дней
Воскрешает на море поездку
В дикой юности ранней моей.
С братом, бабушкой, мамой и папой.
На «горбатой» машине своей.
Оказались в селе под Анапой,
Средь таких же, как мы, «дикарей».
А турбаза там «первого класса» –
Немудреный туристский уют!
Там сухое вино вместо кваса,
И кровати в кульках продают.
Как-то вечером шли мы вдоль пляжа,
Чуть заметной знакомой тропой,
И совсем не заметили даже
Пирс, заполненный поздней толпой.
Очень много народа собралось.
Кто-то умер? Иль с пирса упал?
Только нет, как потом оказалось,
Музыкант на гитаре играл...
В джинсах, майке, со смуглою кожей,
Он портвейна чуть-чуть отхлебнет,
Чуть покурит и очень похоже
Под Высоцкого песни поет.
– Что ж вам спеть? Эту помню я вроде –
С хрипотцой гитарист голосил.

– А сыграй «Чуду-юду», Володя, –
 Кто-то ближний его попросил.
 Так впервые я с ним оказался
 «В бесшабашной тоске» среди шкур.
 А вблизи где-то здесь «ошивался
 Этот самый, то ли бык, то ли тур».
 Много пел он про баньку, про звезды,
 Про несущих к обрыву коней.
 И тем памятным вечером поздним
 Всем нам стало немного светлей.
 Помнит кто ли ту лунную полночь,
 Позабытый безвестный причал?
 Где Высоцкий Владимир Семеныч
 Под гитару нам песни кричал.

НОВАЯ – СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Подушав от песен старых,
 Чтобы легче стало жить,
 Я ушел в луга с гитарой
 Песню новую сложить.
 Где меж зорь в начале лета
 Заблудился лунный свет
 Мне две строчки от куплета
 Подарил тогда рассвет.

Вдохновеньем окрыленный,
 Шел я дальше вдоль реки,
 Где шумят листвою зеленой
 В роще ветры-ветерки.
 Плыл навстречу теплый, юный
 Разнотравья ветерок
 И добавил мне на струны
 Пару нужных песне строк.

Хлеба разломив краюху,
 Из ручья воды попою.
 Подберу теперь по слуху
 Эту песенку мою,
 В эту быль и эту небыль
 На мгновение взлетев.
 Облака на синем небе
 Мне помогут спеть припев.

Запад тихо догорает,
 Гаснет летняя заря.
 Песня силу набирает –
 Значит, прожит день не зря.
 Искры от костра взлетают
 К звездам в гости в поздний час.
 Значит, время наступает
 Эту песню спеть для вас.

Чтоб жилось нам интересней –
 Надо верить в чудеса,
 А за следующей песней
 Я пойду теперь в леса.
 Без костра и без гитары
 Нам на свете жить нельзя.
 Так мотивчик этот старый
 Будем вместе петь друзья!

* * *

Перегрелся в жару ли я,
 Иль остыл в холода,
 Только жарким июлем я
 Пересох навсегда,
 Будто в омут гляжу ли я –
 Сразу камнем ко дну.
 Где еще отыщу ли я
 Глаз таких глубину,
 Позабыть ли смогу ли я
 Розы вкус на губах?
 Вижу в явь.
 Или сплю ли я.
 Рук лебяжьих размах,
 Завтра снова найду ли я
 Этот клен над рекой,
 Где кудесница Юлия
 Забрала мой покой.
 На земле отыщу ли я
 Колдовской водоем,
 Где волшебница Юлия
 Вечно в сердце моем.

О ЯЛТЕ

Ровно полжизни мечтал ты,
 Хочется, как ни крути,
 Узенькой улочкой Ялты
 Осенью южной пройти.

Где-то за кадром осталась
 Жизни мирской суета.
 Вот и сбылась, и сказалась
 Давняя эта мечта!

Я прохожу осторожно,
 Время стараясь поймать.
 Будет еще ли возможно
 В Ялте своей побывать

Крымские горы в заснежье,
 Спит Поликуровский холм.
 Милое южнобережье!
 Шум кипарисов и волн.

В позднем осеннем загаре
 Праздные толпы людей,
 И на приморском бульваре
 Теплый чугунок фонарей.

И над гранитом взлетает
 Пенной соленой волна.
 Ночью дорожкой растает,
 Встав из-за моря, Луна.

Сколько бы не написал ты –
 Вряд ли когда позабыть.
 Узкие улочки Ялты
 В сердце моем будут жить.

Юрий ЛУГОВЦЕВ

НА ВЕРХНЕМ ЭТАЖЕ

* * *

Мне повезло – на верхнем этаже
Видна мне панорама горизонта,
И пряди, словно сотканных дождей,
И молнии – балкон закрыть резонно.

Там – темнота, возможно градопад,
А там – красиво – облака заката,
Вот - молний сполохи, там – молнии подряд,
А там – уже не видно, что за кадром.

Вот капли первые упали на стекло,
Гроза уходит стороной, но все же
Еще по-летнему тепло, да и светло,
И дождь, пока еще желанный тоже.

Мне видно – там открылась снова даль,
А молнии смещаются налево,
Там, справа – дождь, как бы и не бывал,
А слева – там война над темным лесом.

Не слышно грома – дали далеки,
Глухое эхо долетит не сразу,
И будто в облаках сидят стрелки,
И целятся - в невидимое глазу.

Сегодня тучи лили не на нас,
И молнии уже от нас далече,
Расстреливают землю битый час,
А тучи черные не делаются легче.

Мне видно все – ненастью дальний путь,
Там – молнии неслышные сверкают...
Сменить этаж предложит кто-нибудь –
Не соглашусь (да и не предлагают).

Обозреваю с этой точки зрения,
Всею цена есть, этой – нет цены,
По-птичьей, не имея оперенья,
Оглядываю ширь со стороны –

Без крыл – а с высоты парящей птицы,
Почти пилот, приближен к облакам,
И вижу сколько разного творится –
И дождь, и молнии, и солнечный закат.

Подробности разглядывать – с биноклем,
Представлю, как меняется масштаб,
Из космоса глядят – не через окна,
Оттуда – меньше точки те места.

С вершины знания – всевидящее око
Чуть разглядит и Землю среди звезд,
И только Бог, и близкий, и высокий –
Свидетель взлета, и падения, и слез.

ЖИВОПИСУЮ ОБЛАКА

Они над нашей суетой,
Они над нашей маятой,
Они не замечают нас,
Они прекрасны без прикрас.

Они загадочно легки,
Пути по небу пролегли,
Через воздушный океан,
Где ни границ нет, и ни стран.

Их белизна, их темнота,
То колоссы, то тенета,
Но основания равны,
Все к плоскости приравнены.

Подчеркнуто равны низы,
Им по поверхности скользить,
Невидима поверхность дна,
Лишь в облаках она видна.

Под ними быстрые стрижи,
Внизу дождя заждалась жизнь,
И дождь – то ливень, то грибной –
То там, то тут, то стороной.

Дождя на тонны, сотни тонн!
Где в облаках скрывался он?
Откуда молнии стрела
Такую силу обрела?

Заметить глаз едва успел,
И молния, как будто в цель.
Художник-солнце. Длинный день –
На облаках то свет, то тень,

То цвет, то все в полутонах
На удивленье – ох! да – ах!
В безбрежном небе вдалеке,
Недвижны, или налегке,

Недавно – там, уже вон там,
И свет от них, и темнота.
И к нам они, и мимо нас –
Украшившая небо часть.

Фантасмагория небес,
Как будто не имеют вес,
И останавливают взгляд,
И возвращают в душу лад,

И удивляют, и уже –
Нечто небесное в душе.
До нас, при нас, и после нас
Давал, дает, и после даст –

Создатель все устроил так,
Миропорядок навсегда –
Луна, и солнце, и звезда,
И облака, и облака, и ВЫСОТА.

* * *

Мы все ценители стиха,
У всех есть опыты в стихах,
Кто прикоснулся к тайне слов,
Тот вновь испытать ее готов.

Слова озвучивают мир,
Слова отображают миг,
И космоса размах и глубь
Слова, слетающие с губ,

Озвучат, и понятно всем –
Что, где, когда и что за чем,
И океана глубина –
В словах, на лист вознесена.

Слова, как зеркало миров,
В словах и личности мирок,
И твой портрет, и мой портрет,
И всякий видимый предмет.

И то, что только в микроскоп,
И это – словом прирастет
К бесчисленному строю слов,
Как объяснение основ.

И погружение в слова,
Где звезды, лица острова,
И то, что словом не назвать,
И то, чего нельзя не знать

Захватывает, как полет,
И ты – и штурман, и пилот,
И ты в открытии всегда,
Слова, как вечная вода.

Пока вода – дотоле жизнь,
Пока слова – дотоле жить,
А некому сказать, понять,
Так не на кого и пенять.

Монах в затворе, но и он –
В слова в молчанье погружен,
Его слова не слышны нам,
Слова его слышны Богам.

Слова на вкус, слова на цвет,
Слова, еще которых нет,
Слова от века и навек,
И в слове – Бог и человек.

Неудивительно, что ты,
Хлебнувший в слове красоты,
Им восхищенный столько лет,
Как всякий человек – поэт.

Твои слова – твои слова,
Твоя особая глава,
И ты себя не тормози,
Свои слова произнеси.

Слова услышать и сказать,
Слова прочесть, и написать,
Слова для всех и для себя,
Любовь, с любовью, возлюбя...

* * *

Стихи рождаются во мне
В невидимом другим окне,
В необжигающем огне,
Стихи рождаются во мне.

Они рождаются на раз,
Они рождаются не в раз,
Скорей – растут они во мне
В течение часов и дней.

И вот являются на лист,
Который ждет, который чист.
И неожиданный порой
Вдруг возникает поворот.

И неожиданный сюжет
Во мне являет мой Поэт,
На ощупь, чувствуя строку,
Во мне текущую реку.

И я опять плыву по ней
Среди невидимых огней,
Под звездами и под луной
Стихи встречаются со мной.

Как будто тайно пью вино,
Другим ли ведомо оно,
Когда парят, и над листом
Для них и явь являет сон?

Но неожиданная мысль
Уже подчеркивает смысл,
И истинный, и тайный свет
Во мне рождается в ответ.

Приходят нужные слова,
Фиксирует их голова,
Рука с пером спешит поспеть,
Пока свеча в душе – посметь.

Но переменчива река,
То плавная, то пережат,
То неожиданный туман,
То мели там, а то обман.

Стих прерывает проза дня,
И возвращает в мир меня,
И возвращает на пути,
Пока стихам в душе расти.

ГЛУБИНКА

Ольга АЛЕКСЕЕВА родилась в 1962 году на Дальнем Востоке. По образованию – учитель начальных классов. Первые стихи были опубликованы в 1966 году. Руководитель Вейкаймского районного литературного объединения «Вдохновение».

МОЛЮСЬ О РОССИИ

*На Россию, страну нашу,
Излей благодать Твою, Боже!
(Молитва об Отчизне)*

С этой молитвой я
        утро встречаю,
Этой молитвой я
        день завершаю.
Может слаб голос,
        но шепчут уста
Просьбы, молитвы мои
        для Христа.
Пусть благоденствие
        нас не покинет,
И урожайными будут
        все нивы.
Господи, села, деревни спаси:
Мало осталось ведь их на Руси!
Гонит нужда в города
        за копеечкой
Всех безработных из сел,
        деревень их.
Господи, жен и детей

        защити:
Не сосчитать всех сирот
        на Руси!
Боже, правителей
        мудрых и сильных
Дай же на благо
        народам России.
Мир и добро пусть
        приходят в дома,
Пусть не грозят
        ни тюрьма, ни сума!
С этой молитвой я
        утро встречаю,
Этой молитвой я
        день завершаю.
Может слаб голос,
        но шепчут уста
Просьбы, молитвы мои
        для Христа.

* * *

Были зимние ночи
И длинны и скучны.
Истрадалась я очень
В ожиданье весны.
Не люблю зимний холод,
Неба хмурого стынь.
Ведь в метель, непогоду
Можно согнуть в пути.
Март приносит надежду,
Оживает душа
И опять я, как прежде,
Верю – жизнь хороша!

ВЕСНЕ НАВСТРЕЧУ

Шаловливый ветер,
Веткой, как ладошкой,
Утром на рассвете
Постучал в окошко.

И весне навстречу
По холодным росам,
Кинув шаль на плечи,
Я бегу к березам.

Листьев нежный шепот
Грусть, тоску развеет.
Сердца стихнет ропот,
Как бывало прежде.

Жизнь идет к закату,
Но всегда весною
Радость и отраду
Ощущаю снова.

ЗА РАСПАХНУТЫМ ОКНОМ

*«Что родилась я в феврале
Нисколько не жалею,
Хоть нелегко живётся мне
Под знаком Водолея...»*

Это строки из стихотворения вешкаймской поэтессы Ольги Васильевны Алексеевой. Ее поэтическое творчество уже давно известно землякам.

О.В. Алексеева – автор персональных сборников стихов «Родники добра» (2006), соавтор книги очерков о семьях земли Вешкаймской «Родства связующая нить...» (2009). Кроме того, ее произведение можно прочесть и сборниках стихов, возглавляемого ею творческого поэтического объединения вешкаймских литераторов «Вдохновение» – «Родимые просторы» (2007), «Источник вещей строк – душа!» (2010), «Вдохновение» (2005). Есть у Ольги Васильевны и публикации в районной газете «Вешкаймские вести», где она ведет литературную страницу. А также публикации в областном литературно-художественном журнале «Карамзинский сад».

И вот новая книга – «Под знаком Водолея». В ней проникновенные стихи Ольги Васильевны – настоящий родник добра, мудрости, света, тепла. Здесь и стихи о малой родине, о родителях. А как описана природа! Читаешь и видишь, как встает «над рекой дымок тумана» и как «солнце кроны золотит», так и хочется потрогать «осенний бархат георгин» и пройтись по «тропинкам детства».

Есть в книге и небольшие очерки, в которых О.В. Алексеева рассказывает читателю об увиденном на малой родине, в Киеве, в родной Вешкайме.

Замечательная, добрая книга. Наверняка, прочитав ее, можно будет узнать все «загадки жизни», которые решает наш поэт. И в книге же можно найти ответ,

и этот ответ дает в одном из стихов сама Ольга Васильевна: «Пораньше встав, окно открыть, мечты своей расправив крылья, Природы принимать дары...».

Книга О.В. Алексеевой была презентована в Вешкаймской центральной библиотеке им. Н.Г. Гарина-Михайловского. В читальном зале собрались поэты творческой группы «Вдохновение», друзья и почитатели творчества Ольги Васильевны. Библиограф центральной библиотеки Светлана Павлова представила медиapresentацию «Источник вещей строк...» о жизни и творчестве О.В. Алексеевой. Затем звучали стихи поэта. Отлично дополнил творческий вечер дуэт Александра Николаевича и Любовь Николаевны Кулагиных из села Старое Погорелово. Они переложили стихи Ольги Васильевны на музыку собственного сочинения и прекрасно исполнили их под баян. Затем О.В. Алексеева рассказала о своей новой книге стихов «Под знаком Водолея», прочла несколько стихотворений из сборника. Своими стихами поддержали автора и другие вешкаймские поэты: Николай Александрович Коптилкин и Мария Ильинична Нуждова.

Впереди у Ольги Васильевны Алексеевой новые задумки по продвижению поэтического творчества литераторов Вешкаймского района, публикации в областных изданиях, участие в литературных вечерах в школах и библиотеках района. Надеемся, что все задуманное в жизни нашего поэта обязательно сбудется и она «...за распахнутым окном увидит все же птицу счастья».

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь областной научной библиотеки им. Ленина – Дворца книги, автор и ведущая цикла радиопередач о поэзии XX века, автор книги стихов и прозы «Флейта осени» (2018).

ВДЫХАЯ ВЕСНУ

МИНИАТЮРА

Я часто думаю, как передать незабываемое ощущение ранней весны, передать то волнение, которое вызывает первый глоток весеннего воздуха при выходе из дома рано утром?

Пахнет пряным, древесным, теплой землей, прошлогодней, освободившейся от снега травой, дымком и еще чем-то давним, щемяще родным, из детства. Этот запах кружит голову, томит, волнует кровь и словно приподнимает тебя над землей. При каждом вдохе тебя охватывает невольная грусть, и одновременно душа ликует, ведь она без возраста, всегда юна и чиста.

Тебе и радостно, и грустно, сонм чувств овладевает тобой: вспоминается детство, ушедшие годы, те, кого уже нет. Каждый вдох возвращает тебя к родным пристаням, давно покинутым берегам, к теплым камням отчего дома.

Еще холодно для весенней одежды, еще лужи затягиваются ледком ночью, а деревья стоят голые, безжизненные, утомленные долгой зимой. Ветви деревьев худые, серые, и сами деревья какие-то нескладные, как подростки. Еще много грязного, крошащегося по обочинам снега, но начало марта уже ослепило солнцем, напитало запахом мимозы. Ее пахучая пыльца пометила всех, перепачкала женщинам лицо, руки.

Вспоминаются друзья и недруги, на которых уже не держишь зла, бывшие увлечения уже бестелесны и вызывают лишь легкую грусть. Они давно безболезненны, потому что защищены прививкой времени.

Вспоминаются старики, ныне живущие и которых уже нет... На ум приходят их мудрые слова, наставления, которые раньше казались лишними, ненужными, даже смешными и вроде бы не задерживались в голове. Ан нет, почему-то вспоминаются, когда приходит время.

Вспоминаю себя школьницу, спешащую в школу знакомым маршрутом. Длинная тополиная аллея, старые, облупившиеся двухэтажные дома, построенные сразу после войны, школьный двор, окаймленный низким кустарником. И мальчишку-соседа по парте, с которым часто ссорилась, а он всегда оставался верным рыцарем, некрасивым простаком, а по сути, добрейшим существом на свете.

Вспоминаю свой бывший двор с каменной аркой – сталинской постройкой послевоенного времени, детский сад во дворе, напротив дома – побеленную известкой скульптуру женщины с ребенком на руках. Вокруг скульптуры весной проклевывались первые желтые одуванчики, а затянутые ледком лужи по утрам мы с друзьями дружно разбивали резиновыми сапогами.

...В апреле становится теплее. Хочется долго гулять пешком. Моют окна, вскапывают палисадники, сажают кустарники. Прохожу мимо цветочного магазина. Букет ароматов вплетается в весенний воздух. Но одновременно чувствуется запах краски – красят фасады домов, крылечки, скамейки в парке. Обновляется природа, мир вокруг. Пахнет весной, а душа наполняется радостью пребывания на земле, радостью Жизни!

* * *

Холодный март. Тяжелые снега.
Весны еще скудна палитра.
Еще во льдах речные берега,
Прозрачны ивы и наги ракиты.

Но даже этой ветреной весной
Мне мило все и сердце живо...
И скромною непафосной строкой
Я передам душевные порывы.

Вольготно глазу! Даль чиста, ясна...
Трав прошлогодних скромное обличье.
Простор и воля. Ранняя весна.
И вестник жизни – гомон птичий.

* * *

Весна... И солнце на ресницах,
И утреннего сна кошачья нега,
И за окном смешно бормочет птица,
И еще много, очень много снега...

Весна... И шуба тяжелеет,
И примеряется весенняя одежда,
И все заметней небо голубеет,
И день несет, как веточку, надежду.

Весна... И женщина смеется!
И на лице ее – пыльца мимозы,
И сердце от чего-то тайно бьется,
И сладостны непрошенные слезы.

АПРЕЛЬ 2018

1 апреля – 55-летний юбилей отмечает писательница и литературный критик Анна Берсенева, настоящее имя – Татьяна Александровна Сотникова (р. 1.04.1963, г. Грозный). Окончила Белорусский государственный университет, аспирантуру Литературного института им. А.М. Горького. Пишет книги с 1995 года, автор более 25 романов. Приезжала в Ульяновск в 2015 году в рамках проекта «Академия литературы», творческая встреча с читателями состоялась 26 августа в областном Дворце книги. Живет в Москве.

2 апреля – 130 лет назад родилась писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян (2.04.1888, г. Москва – 20.03.1982, там же). Автор многих повестей, романов, сборников стихов, литературоведческих статей, эссе. Удостоена Ленинской премии за тетралогию «Семья Ульяновых» (1972). Жила в Ульяновске в 1936-39 годах: встречалась с людьми, знавшими семью Ульяновых, работала в Доме-музее В.И. Ленина, областной библиотеке, архиве, печаталась в местной газете. Позже приезжала в Ульяновск в 1957 и 1963 годах.

2 апреля – 65 лет со дня рождения татарского поэта и писателя Марата Ибрагимовича Аббясова (р. 2.04.1953, р.п. Старая Кулатка Ульяновской обл.). Окончил Казанский государственный университет. С 1974 года работал литературным сотрудником, заведующим от-

делом, главным редактором газеты «Кумяк кюч» Старокулаткинского района. Член Союза журналистов России и Ульяновской областной организации татарских писателей. Автор пяти книг на татарском языке. Художник-самоучка, автор около ста картин. Ветеран труда.

3 апреля – 90 лет исполняется поэту Анатолию Васильевичу Уварову (р. 3.04.1928, с. Кезьмино, ныне Сурского р-на Ульяновской обл.). Член Союза писателей России. Награжден золотой Есенинской медалью, медалями Н. Гумилева, И. Бунина, А. Чехова. Лауреат литературного конкурса «Любви все возрасты покорны» (2014). Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце мое слилось» (2008), «Годы-вехи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2014). Живет в Москве.

4 апреля – 110 лет назад родился государственный деятель Николай Павлович Фирюбин (4.04.1908, г. Симбирск – 12.02.1983, г. Москва). С 1924 года, по некоторым сведениям, был участником литературной группы «Стрежень» в Ульяновске. Опубликовал в 1-м выпуске жур-

нала «Стрежень» произведение «Скит» (1925). Окончил Московский авиационный институт (1935). Работал послом в Чехословакии и Югославии, заместителем министра иностранных дел СССР (1957 – 1983). Был женат на министре культуры СССР Е.А. Фурцевой.

4 апреля – 90-летний юбилей отмечает цветаевед, поэт, педагог Лилиит Николаевна Козлова (р. 4.04.1928, г. Казань). Окончила Московский государственный университет. Доктор биологических наук, работала в Ульяновском педагогическом университете (1971 – 2013). Пишет стихи с 10 лет. Автор книг «Грозное серебро» (1994), «Прямо на свет» (2001), «Момент освобождения» (2003), «Белокрылье, белоснежье» (2008), «В неведомое двери» (2014) и др. Председатель Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов.

5 апреля – 115 лет назад родился поэт, прозаик и литературовед Глеб Александрович Глинка (5.04.1903, г. Симбирск – 5.07.1989, г. Кэбот, штат Вермонт, США). Сын литературного критика и публициста А.С. Глинки. До 1913 года с перерывами жил в Симбирске, до 1922-го приезжал сюда к бабушке. Окончил Брюсовский институт (1925). Жил во Франции, Бельгии, США. Автор книг «Времена года» (1926), «Израцовая печка» (1929), «Истоки мужества» (1935), «Павлово-на-Оке» (1936), «В тени» (1968), «Было завтра» (1972) и др.

11 апреля – 160 лет назад родилась польская писательница и аферистка, княгиня Екатерина Адамовна Радзивилл, урожденная графиня Ржевуская (11.04.1858, г. С.-Петербург – 12.05.1941, г. Нью-Йорк, США). Автор изданных за рубежом более 30 скандальных книг на английском и французском язы-

ках. Владелица имения в селе Пятино Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Инзенского района Ульяновской области), где неоднократно бывала. Писатель В.С. Пиккуль посвятил ей рассказ «Дама из Готского альманаха».

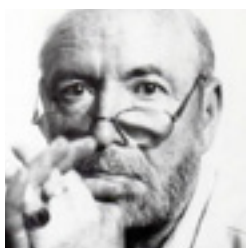
12 апреля – 195 лет со дня рождения драматурга Александра Николаевича Островского (12.04.1823, г. Москва – 14.06.1886, с. Щельково Костромской губ., ныне Островского р-на Костромской обл.). Автор многих пьес, поставленных в театрах России. В 1849 году был в Симбирской губернии проездом. Путешествуя на пароходе по Волге, 27-29 мая 1865 года находился в Симбирске, посетил Венец, памятник Карамзину, дом Языковых. Впечатления и материалы этих дней использованы в пьесах «Лес» и «Таланты и поклонники».

13 апреля – 135 лет назад родился поэт Демьян Бедный, настоящее имя – Ефим Алексеевич Придворов (13.04.1883, с. Губовка Александровского у. Херсонской губ., ныне Компанеевского р-на Кировоградской обл. Украины – 25.05.1945, г. Москва). Во время Гражданской войны осенью 1918 года выезжал на фронт для агитационной работы, посетил Казань, Свияжск, Симбирск и Самару. В 1938 году был исключен из Союза писателей СССР за «моральное разложение». Позже издано собрание сочинений в 8 томах (1963 – 1964).

14 апреля – 55-летний юбилей отмечает поэтесса Елена Викторовна Кувшинникова (р. 14.04.1963, г. Ульяновск). Участник Всероссийского совещания молодых писателей (1994, Москва), по итогам которого принята в Союз писателей России. Работает редактором журнала «Симбирск». Автор поэтических сборников «Негромкий свет» (1992), «Одна надежда» (1997), «Милость сердечная» (2007), «Чудо встречи» (2013). Лауреат областной литературной премии имени Н.Н. Благова (2014).

17 апреля – 85 лет со дня рождения писателя, диссидента Юрия Ильича Дружникова, настоящее имя – Юрий Израилевич Альперович (17.04.1933, г. Москва – 14.05.2008, г. Дэйвис, штат Калифорния, США). Автор многих рассказов, повестей, романов. В 1955 – 1957 годах работал учителем в пос. Саксаульский в Казахстане, по пути проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Жил в Австрии и США. Поддерживал творческие связи с Ульяновской областной библиотекой для детей и юношества.

18 апреля – 95 лет назад родился татарский литературовед и писатель Ибрагим Зиннатович Нуруллин (18.04.1923, д. Боровка Мелекесского у. Самарской губ., ныне Мелекесского р-на Ульяновской обл. – 1.07.1995, г. Казань). Окончил Казанский университет (1950), преподавал там же (1953 – 1990). Автор пьес «Тукай в Петербурге» (1965), «Его звезда» (1973), художественно-биографических книг «Габдулла Тукай» (1979), «Прометей из Ново-Татарской слободы» (1991), трудов о творчестве Г. Исхаки, Ш. Камала, И. Гази, Н. Фаттаха и др.

20 апреля – 115 лет назад родился писатель Николай Александрович Троицкий (20.04.1903, с. Вешкайма Карсунского у. Симбирской губ., ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл. – 10.05.2011, г. Весталь, штат Нью-Йорк, США). Учился в Карсуне, Симбирске и Москве. В войну попал в плен, сотрудничал с власовцами. Жил в Мюнхене, затем в США. Автор книг «Концентрационные лагеря СССР» (1955), «Земля и люди» (1972), «Новеллы» (1983), «В поисках истины» (1997), «Ты, мое столетие...» (2006) и др.

21 апреля – 50-летний юбилей отмечает писательница Татьяна Витальевна Устинова (р. 21.04.1968, пос. Кратово Раменского р-на Московской обл.). Окончила Московский физико-технический институт (1991). Автор около 50 детективных романов. За романы «На одном дыхании!» и «Неразрезанные страницы» стала лауреатом премии «Электронная буква» в номинации «Детектив года» (2010, 2012). В 2016 году посетила Ульяновск в рамках проекта «Академия литературы», встреча с читателями состоялась 5 апреля во Дворце книги.

22 апреля – 70 лет со дня рождения прозаика Нины Васильевны Крыловой (р. 22.04.1948, с. Тагай Майнского р-на Ульяновской обл.). Окончила Казанский государственный университет (1972). Работала на Ульяновской студии телевидения, заместителем председателя Ульяновского обкома профсоюза работников культуры. В соавторстве с Ольгой Крыловой издала роман «Час между собакой и волком» (2002) и книгу повестей «Ночь над Крутоярмом» (2002). Член Союза писателей России (2005). Живет в Ульяновске.

25 апреля – 170 лет назад родился чувашский педагог-просветитель, мемуарист Иван Яковлевич Яковлев (25.04.1848, д. Кошки-Новотимбаево Буинского у. Симбирской губ., ныне село Тетюшского р-на Татарстана – 20.10.1930, г. Москва). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1870), Казанский университет (1875). Основал Симбирскую чувашскую учительскую школу (1868). Создатель современной чувашской письменности. С 1922 года жил в Москве. Изданы его сочинения «Воспоминания» (1982), «Моя жизнь» (1997) и др.

27 апреля – 70 лет исполняется прозаику Александру Федоровичу Никонову (р. 27.04.1948, с. Александровка Мелекесского р-на Ульяновской обл.). Окончил Казанский государственный университет. Участник Всероссийского семинара молодых литераторов (1989, Латвия). Автор книг прозы «Пахомова неделя» (1997), «Я с тобой, Вэрк!» (2007), «Побег» (2008), «Амурский ангел» (2010), «Цветок на диком камне» (2010), «Пепел родного очага» (2010). Член Союза писателей России (1998). Живет в Димитровграде.

28 апреля – 105 лет назад родился писатель и краевед Максим Захарович Яковлев, псевдоним – Черемшанский (28.04.1913, с. Емелькино Бугульминского у. Самарской губ., ныне Шенталинского р-на Самар-

ской обл. – 2001, г. Самара). Окончил Туарминскую школу крестьянской молодежи (1930), Ульяновский педагогический институт (1941). Работал учителем, директором школы, инспектором Шенталинского района. Автор серии очерков «Так было в прошлом», сборников повестей и рассказов на чувашском и русском языках.

30 апреля – 135 лет назад родился чешский писатель-сатирик Ярослав Гашек (30.04.1883, г. Прага, Австро-Венгрия, ныне Чехия – 3.01.1923, д. Липнице-над-Сазавоу, край Высочина, Чехословакия). Автор

романа «Похождения бравого солдата Швейка». Во время Гражданской войны в России служил в 5-й армии Восточного фронта. В июле – сентябре 1918 года «бродил» по Симбирской губернии, скрываясь от белочехов в Большой Каменке, Симбирске и на левом берегу Волги. После освобождения Симбирска был направлен комендантом в Бугульму.

*Рубрику ведет
Николай Марьянин, поэт и краевед*

Внимание! Конкурс!

«ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

Так называется 4-й Всероссийский литературный конкурс, организаторами которого выступают Российское военно-историческое общество, Министерство обороны Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная библиотека и Издательский дом «Не секретно». Принять участие в нём может любой желающий. Никаких возрастных ограничений нет.

Цель конкурса – сохранение и увековечение памяти о проявленных в годы Великой Отечественной войны героизме советских солдат и мужестве российских воинов, защищавших рубежи Родины, а также военнослужащих, участвовавших в локальных войнах и военных конфликтах, воспитание у подрастающего поколения чувства патриотизма и гордости за подвиги воинов-героев, сохранение военно-исторического наследия России.

Конкурс проводится в пять этапов. 1 этап: до 8 мая 2018 года принимаются ОТДЕЛЬНЫЕ работы (рассказы, очерки, стихи, песни, рисунки, фотографии) как не публиковавшиеся ранее, так и опубликованные в печати в период 2015 – 2016 годов, освещающие подвиг, судьбу реального героя по адресу: gvp2017@mail.ru.

Подробная информация о конкурсе на сайте:

<http://героивеликойпобеды.рф>

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ АПРЕЛЯ

Мариэтта ШАГИНЯН (1888 – 1982)

РАЗЛУКА

Велел господь моей душе, когда
В нее вдохнул божественное пламя,
Идти с людьми, идти в юдоль труда,
Исполненную днями и делами.

Но ты, любовь, источник сладких нег,
Как океан, в себя берущий реки,
Моих времен невыполненный бег
В одном остановила человеке...

И средь твоих восторгов незабвенных,
Перед тобой, таинственный палач, -
Часы мои, как хоры убиенных,
В глухой ночи уж зачинали плач.

Я божьего завета не нарушу;
Трудов и дней я выполню наказ!
И от тебя назад взяла я душу,
Оторвала глаза от милых глаз...

Испуг и ложь, любовь в твоём укорю.
В бесплотных снах стоят твои года.
Душа ушла не для игры и горя,
Но от игры и горя – для труда.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Уже снега сползли к оврагу,
На тополях кричат грачи;
И белый день, убавив шаг,
Все тише движется к ночи.

А ночь! Какие шум и шорох
Весь сад, всю степь заволокли,
В каких стенаниях и спорах
Весна родится из земли!

И час от часу все утешней,
Обряд таинственный творя,
Переживать с природой вешней
Страстные дни календаря, -

Как бы торжественно связуя
Расцвет земных цветов и трав
С концом того, кто жизнь иную
Воздвиг нам, смертью смерть поправ.

Анатолий УВАРОВ (р. 1928)

СИРЕНЬ

В часы апатии, и лени,
И повседневной суеты
Цветущим зарослям сирени
Я доверял свои мечты.

Сирень меня всегда встречала
И утешала, как могла,
И радость сердцу доставляла,
И радость светлою была.

* * *

*Композитору
В.Д. Глейхману*

Блажен тот человек,
Кто к музыке причастен,
Его житейский век -
Возвышен и прекрасен!

Он дарит нам огни
Волшебных звуков смело,
Ведь музыка сродни
И разуму, и телу.

ЧУЖАЯ ЖЕНЩИНА

А мне чужая женщина приснилась,
Я о любви вел с нею разговор:
Она, красивая, как солнышко, светила,
И я ее рассматривал в упор.

Она вот и сейчас передо мною,
Прекрасный образ разум мне затмил...
Как хороша была она собою,
Как трепетно и страстно я любил!

Но в сладостной любовной круговерти
Мой распаленный вдруг заметил взор,
Что я на ложе у коварной смерти,
И мне уже подписан приговор.

Та женщина чужая – Клеопатра,
В обмен за жизнь дарившая любовь,
И солнце мне уже не видеть завтра,
Ведь на заре моя прольется кровь.

Но странно: я испуга не изведаль,
И не жалел, что жизнь свою сгубил...
Наоборот, назло грядущим бедам
Еще сильнее и крепче полюбил!

И увлеченный пламенной страстью,
Я дерзко бросил вызов топорю:
В любви познав вершину сласти,
Я гордым был, что за любовь умру.

Лилит КОЗЛОВА (р. 1928)

* * *

1920

Что делаю я среди острых руин,
Одна между скальных утесов,
С заклятием Рока один на один,
В дыму безответных вопросов?..

Прямым потрясением вечных основ
Распалось кольцо огневое,
И кто приподнимет заветный покров
Над тайной слепца и героя?

Кто дверцу отыщет в гранитной скале,
Кто свет принесет в подземелье,
Кто узнику лаской сквозь тысячи лет
Залечит лихое неверье?

Кто с болью услышит навстречу лучу,
Пронзившему сумрак подземный:
«А я ничего от тебя не хочу,
Хоть будь ты Рожденною Пенной!»

Ах, милые пленники! Древний зарок,
Смесь, расколдуете сами.
А мне – торопить заповеданный срок,
Молиться и помнить – стихами...

* * *

Не чудо ли?
Живительным дождем
Сердца людей,
Века и страны слиты!
Мы счастливы
И солнечно живем
Божественным
Дыханьем Афродиты...

* * *

С надеждой
Просыпаюсь по утрам
И посылаю
Господу моление.
Вся жизнь моя отныне –
Светлый Храм,
Где я молю
О Вышнем Повеленье.

Глеб ГЛИНКА (1903 – 1989)

УТЕШЕНИЕ

Все наши прежние устои
Летят, как из подушки пух.
Весь опыт ничего не стоит.
Расщеплен атом, ум и дух.

Заварена такая каша
Из достижений и угроз,
Что все проблемы жизни нашей
Нельзя воспринимать всерьез.

Итак, восславим провиденье
За то, что сохранен для нас
Беспечности и удивленья
Неограниченный запас.

ИМЯСЛАВИЕ

Я имя свое напишу через ять,
Над именем крест будет ярко сиять.
И твердого знака надежен оплот.
С крестом и рулем мой корабль поплывет.
Пусть дикие бури встают на пути,
Мне скоро к причалу пора подойти.
Не помню названья, не знаю тех мест.
Там новый над свежей могилою крест.
Прощенье грехов, разрешенье забот...
Я знаю, что имя мое не умрет.

СТИХИЯ

Ветер ежился и хмыкал.
Беспорядочно, вне норм,
Писком птичьим, львиным рыком
Разворачивался шторм.

Загоняя в пятки душу,
Торжеством победы пьян,
Опрокинулся над сушей
Первобытный океан.

Непонятно, елки-палки,
Как же так, в двадцатый век?..
И стоит средь поля жалкий,
Беззащитный человек.

Александр ОСТРОВСКИЙ (1823 – 1886)

* * *

ЗФК-Ъ

Снилась мне большая зала,
Светом облита,
И толпа под звуки бала
Пол паркетный колебала,
Пляской занята.
У дверей – официанты
И хозяин сам.
И гуляют гордо франты,
И сверкают бриллианты
И глаза у дам.
Воздух ароматно-душен,
Легким тяжело.
К атмосфере равнодушен,
Женский пол совсем воздушен
И одет голо...
И отважно и небрежно
Юноши глядят.
И за дочками прилежно,
Проницательно и нежно
Маменьки глядят.
Всюду блеск, кенкеты, свечи,
Шумный разговор,
Полувзгляды, полуречи,
Беломраморные плечи
И бряцанье шпор.
Вальс в купчихах неуместно
Будит жар в крови.
Душно, весело и тесно,
Кавалеры повсеместно
Ищут визави.
Вот меж всех красавиц бала
Краше всех одна.
Вижу я, что погибало
От нее сердец немало,
Но грустна она.
Для нее толпа пирует
И сияет бал, –
А она неглижирует,
Что ее ангажирует
Чуть не генерал.
Гений дум ее объемлет,
И молчат уста.
И она так сладко дремлет,
И душой послушной внемлет,

Что поет мечта.
 Как все пусто! То ли дело,
 Как в ночной тиши
 Милый друг с улыбкой смело
 Скажет в зале опустелой
 Слово от души.
 Снятся ей другие речи...
 Двор покрыла мгла...
 И, накинув шаль на плечи,
 Для давно желанной встречи
 В сад пошла она.

Демьян БЕДНЫЙ (1883 – 1945)

СОNET

В родных полях вечерний тихий звон, –
 Я так любил ему внимать когда-то
 В час, как лучи весеннего заката
 Позолотят далекий небосклон.

Милей теперь мне гулкий рев и стон,
 И мощный зов тревожного набата:
 Как трубный звук в опасный бой – солдата,
 Зовет меня на гордый подвиг он.

Средь суеты, средь пошлости вседневной
 Я жду, когда, как приговор судьбы,
 Как вешний гром, торжественный и гневный,

В возмездья час, в час роковой борьбы,
 Над родиной истерзанной и бедной
 Раскатится набата голос медный.

1911

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
 Вчерашняя разгульная метель,
 И падают, и падают снежинки
 На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
 Безмолвие убогих деревень.
 И снова он встает передо мною –
 Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
 Казалось: весь мир покрыла тьма.
 И холодом отчаянья дохнула
 Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,
 И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
 И тысячи лаптишек и опорок,
 За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
 Со снежного сугроба на сугроб.
 И падали, и падали снежинки
 На ленинский – от снега белый – гроб.

1925

Елена КУВШИННИКОВА (р. 1963)

* * *

Ты помнишь? Я птицей была
 И песнь соловьиною пела.
 А песня звенела, звенела,
 Как два удивленных крыла.

Да славятся чистые дни,
 Где верилось в счастье и верность,
 В незыблемость и неизменность.
 Ты память о них сохрани.

Когда-нибудь дерзко смела
 Взлечу высоко и крылато.
 Ни слов не оставлю, ни даты...
 Ты вспомнишь – я птицей была.

* * *

Учи меня родному языку!
 Учи меня настойчиво и строго.
 Веди седой, былинною дорогой
 К «Задонщине» и к «Слову о полку...».

Учи меня! Направь мой скудный слух
 На свежесть слова, на его сиянье.
 Напомни, как умели россияне
 Раздольно и певуче думать вслух.

И помоги мне дерзко пренебречь
 Живучим вековым косноязычьем,
 Невежеством безликим и привычным.
 Ты дал мне душу, так даруй и речь!

* * *

В ночи – ни звезды, ни огня.
 Пути различить не могу.
 Но кто-то развел для меня
 Костер на другом берегу.

И с этого давнего дня
 Пред кем-то я в светлом долгу
 За то, что развел для меня
 Костер на другом берегу.

От глаза чужого храня,
 В себе его свет берегу.
 Горит и горит для меня
 Костер на другом берегу..

Николай ТРОИЦКИЙ (1903 – 2011)

* * *

На дворе ли вьюга?
 Свет окна в лицо.
 Выдь, моя подруга,
 С шалью на крыльцо.

Если кто стучится,
 В дом скорей пусти –
 Мало ль что случится
 С едущим в пути.

Впустим, обогреем
 Да затопим печь,

С устали теплее,
Было б где прилечь.

Ветер бьется шальной,
Ветер бьет в лицо.
Ты, покрывшись шалью,
Выйди на крыльцо.

* * *

За окошком тополь стройный
Ветви-руки распустил,
В ночь темную гулену
С милым другом приютил.

Приютил и слушал молча
Шепот, тихий разговор.
Но поглядывал все зорче
В передутренный простор.

Вот зарделся край юбочки
Зорьки – девки молодой.
Всколыхнулся тополь тонкий,
Шелестит густой листвою.

Говорит гулене с парнем,
Что де утро, мол, пора –
Заалелась румяно
Девка – красная заря.

Ярослав ГАШЕК (1883 – 1923)

ОСТРАВСКАЯ БАЛЛАДА

Кто приедет к нам в Оставу,
Тот не пожалеет.
Мужа каждая девчонка
Здесь найти сумеет.
Эге-гей, эге-гей!
Здесь найти сумеет.

Знал я милую пражанку —
Девушку на славу!
Она в поисках работы
Прибыла в Оставу.
Эге-гей, эге-гей!
Прибыла в Оставу.

Счастье встретила девчонка
По дороге к рынку.
Вмиг шахтер в нее влюбился
И понес корзинку.
Эге-гей, эге-гей!
И понес корзинку.

1903 – 1904

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Шумят фразеры. Шум неугомонный
Из «Одбочки» несется, как поток,
И корпус погружается в вагоны,
Спешит зачем-то во Владивосток.

Вожди недальновидны и бездарны,
Но корпус обманули без труда.
Ребята, раскусите курс коварный,
Скажите нам: «Не едем никуда!»

Ко всем чертям, паны, катитесь сами!
Никто не будет вашим планам рад.
Вы шли не с нами, мы теперь не с вами,
Вы – буржуа, мы – войско баррикад.

Ведут домой нас разные дороги.
Мы – влево, вы же вправо повели.
История ваш путь осудит строго
За то, что вы за нами не пошли.

Москва, 1918

Подборку составил
Н. Марянин.

